71
С89

С. А. Сукало

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

от 2022

628246

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

				V
			К/Х	

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

С. А. Сукало

Культурно-символические основания политических практик в современной России

Санкт-Петербург
СПбГИК
2017

УДК [316.7:32](470)
ББК 71.41(2Рос)
С89

Амортизация

с _____ 20___ г.

Монография издается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Рецензенты:
А. П. Марков, заслуженный деятель науки РФ,
доктор культурологии, доктор педагогических наук,
профессор кафедры философии и культурологии
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,

С. Т. Махлина, доктор философских наук,
профессор кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Сукало, Сергей Александрович

С89 Культурно-символические основания политических практик в современной России / С. А. Сукало ; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2017. – 132 с.
ISBN 978-5-94708-237-1

В монографии рассматриваются культурно-символические основания современной политической деятельности как многоканального коммуникационного манипулирования сознанием и поведением аудитории, целью которого является формирование ценностных и информационных матриц общественного сознания. Анализируются условия и технологии противодействия манипулятивным практикам на основе использования аксиологического и антропологического ресурса отечественной культуры.

Книга адресована культурологам, политологам, социологам, а также всем, кто интересуется проблемами современной политики и технологиями информационных войн.

УДК [316.7:32](470)
ББК 71.41(2Рос)

ISBN 978-5-94708-237-1

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2017

628246

Библиотека
«Санкт-Петербургского
государственного
института культуры»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Образно-символические матрицы политической культуры современной России. 8

1.1. Эпистемологические парадигмы и символические практики российского политического пространства. 8

1.2. Мифологические основания и культурно-символическое конструирование политического порядка 29

1.3. «Политический текст» как форма экспликации и репрезентации национально-культурной специфики. 44

1.4 Концептосфера культурно-политического пространства современной России 56

Резюме по главе 1 71

Глава 2. Технологии и символические практики контроля сознания масс в российской политической культуре. 73

2.1. Технологии конструирования символических доминант политического дискурса. 73

2.2. Манипулятивные технологии и практики контроля сознания масс 85

2.3. Механизмы интеграции и дифференциации политического пространства российского общества 97

Резюме по главе 2 110

Заключение. 112

Именной указатель. 116

Список использованной литературы 119

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к проблеме интенсивного использования в современных политических практиках манипулятивных технологий вызвано той ролью, которую они объективно обрели в формирования общественного мнения и настроений. Сфера «символического» (мифов, лозунгов, концептуальных интерпретаций действительности и исторического прошлого, текстов политической рекламы, вбросовых сообщений, блогов, памятных событий и дат, культовых топонимов, объектов культурного наследия, референтных образов, этнокультурной, религиозной и социальной символики и др.) оказалась доминирующим пространством противодействия различных политических акторов но, главное, сферой противостояния ценностных систем.

Реалии современной информационной войны, допускающие фальсификацию, искажение, подтасовку, ложные интерпретации фактов, вбросы подтасованных сведений, на основании которых принимаются важные политические и организационные решения[1], стали обычными явлениями. Из идеологического противостояния, характерного для эпохи борьбы двух сверхдержав – США и СССР, вектор противодействия сместился в аксиологическую и социально-психологическую плоскости. Продвижение консьюмеристских моделей социального поведения и попытки сформировать новый психосоциальный тип личности, успешно осуществляемые в ряде государств на постсоветском пространстве, в российских условиях оказались малоэффективными. Глубинные цивилизационные, поликультурные, многоконфессиональные основания отечественной ментальности культурные коды стали препятствием, не позволившим осуществить культурную колонизацию российского социума. Аксиологические цивилизационные ресурсы оказались тем базовым фактором, преодолеть который возможно только осуществив культурный геноцид или физическое уничтожение носителей нематериального культурного наследия.

В пользу данного аргумента свидетельствуют безуспешные попытки навязать государствам с основанными на исламе культурными традициями модели политического устройства западного образца. Иная ментальность, характер социальных связей, тип организации общественной жизни и механизмы формирования элит с трудом поддаются модернизации и трансформации по демократическим стандартам. В ряде случаев это оборачивается реакций культурного фундаментализма и обретающей на его основе социальную энергию политическим экстремизмом.

Иная ситуация, связанная с массированным использованием манипулятивных практик в период предвыборной кампании 45-го президента Соединенных Штатов Америки, сложилась в рамках относительно единого культурно-политического и аксиологического пространства. Поддержка большинства пра-

---

[1] Например, решение о вторжении в Ирак, решении Всемирной антидопинговой ассоциации об отстранении части российских спортсменов от участия в Олимпийских играх и международных соревнованиях, обвинение президента США Д. Трампа в порочащих его связях в период его пребывания в Российской Федерации, обвинения РФ в геноциде сирийского народа в период освобождения г. Алеппо от террористов и др.

вящей элиты, доминирующих СМИ, референтных личностей и черные PR-технологии не могли обеспечить победу кандидата от демократической партии Хиллари Клинтон. Напротив, Дональд Трамп и его команда, активно используя социальные сети, апеллируя к традиционным ценностным императивам американского среднего класса, нашли способ привлечь на свою сторону колеблющийся электорат и одержали победу. Тем самым они опровергли все социологические прогнозы, которые прочили победу кандидату от демократической партии. В данном случае активно утверждаемые доминирующей частью элиты американского общества либеральные взгляды, идеи глобализации и концепции постмодернизма не оказались значимыми практически для половины избирателей США.

Однако это отнюдь не означает, что наличие аксиологического потенциала является гарантией сохранения традиций, культурных механизмов формирования национальной идентичности или гарантирует успех в избирательной кампании. Сознание человека информационного общества, в отличие от предыдущих эпох, является глобализированным по своей сути. Область символического стала мощным фактором социализации, особым культурным пространством, в котором репродуцируются и функционируют знаково-информационные и художественно-образные коммуникативные системы. Если в символический оборот не вводятся ценностно-смысловые значения, отражающие аксиологические и антропологические основания национальной культуры, не происходит закрепления наследия в символах-конденсатах (памятниках, текстах и объектах культурного наследия), то риск перекодирования и утраты идентичности существенно возрастает. Тренды мультикультурализма, универсализации образования, толерантности, продвижение постмодернисткой концептосферы обладают огромным символическим потенциалом, и это требует адекватной оценки и учета при реализации национальной культурной политики.

Особенности развития российской политической системы актуализирует необходимость глубокого изучения и оценки культурных оснований, определяющих ценностные ориентации, политические установки и предпочтения граждан. В ситуации сохраняющейся напряженности в международных отношениях поликультурный и многоконфессиональный российский социум оказался объектом влияния ряда агрессивных информационных акторов и политических агентов. Дискурс по вопросам Крыма, политической ситуации на Украине, военных действий в Сирии, борьбы с терроризмом свидетельствует о диаметрально противоположной интерпретации фактов, исходящей из имеющие ценностные основания оценок и представлений. Так возвращение Крыма за рубежом рассматривается как факт аннексии, в России – как восстановление демократическим путем исторической справедливости; борьба российских ВКС с ИГИЛ в Сирии интерпретируется как геноцид местного населения; запрет на участие в параолимпийских играх российской сборной воспринимается как факт чудовищной аморальности и крах всей зарубежной практики по защите прав лиц с ограниченными возможностями здоровья; вопросы семьи и брака интерпретируются исключительно в контексте навязывания прав сексуальных меньшинств и т. д.

Особое место в информационных атаках отведено личности президента России. Демонизация, беспочвенные обвинения, вбросы, истерические комментарии в СМИ и социальных сетях в то же время косвенно свидетельствуют о неудачах информационного прессинга в отношении национального лидера, отстаивающего традиционные ценности и культурные нормы.

Основная цель активного информационного и культурно-политического давления – эпистемологическая транформация и подмена традиционных культурных оснований российского социума совокупностью представлений, отражающих концептуальные основания идеологии либерализма постмодернистского типа. Попытки расколоть российский социум, создать зоны ментальной и социально-политической напряженности, очевидно, будут иметь свое продолжение еще достаточно длительный период.

Опыт развития политических процессов в начале XXI в. свидетельствует о том, что глобальные проекты, реализуемые, в том числе, и в процессе «цветных» революций, наталкиваются на противодействие культурно-цивилизационных факторов. Это приводит к серьезным социальным катаклизмам, обострениям противоречий внутри сложившихся общественных систем и усилению культурного фундаментализма с вытекающими последствиями.

Аналогичные сценарии развития в настоящее время угрожают и российскому социуму. Посредством ангажированности части элит, качественных и количественных изменений ключевых параметров функционирования политических институтов и российских масс-медиа, стимулирования ряда идеологий и целенаправленного использования культурно-символических практик гипотетически возможно достижение целей деформации культурных кодов и изменения традиционных эпистемологических матриц.

Неприемлемость данного варианта развития ситуации определяет необходимость исследования концептуальных и технологических оснований сохранения и ценностного наполнения культурно-политического пространства российского социума. Данный подход не означает стратегическую ориентацию на включение защитных механизмов, культурный изоляционизм, а предполагает качественное переосмысление, отбор и обогащение палитры отечественного культурного пространства, использование как национально-культурных ресурсов, так и опору на исторически выработанные человечеством универсальные ценностные системы.

Очевидно, что ключевая проблема современной социокультурной ситуации в заключается в практике противодействия культурной колонизации, формировании условий свободной равноправной конкуренции в российском культурно-политическом пространстве концептов общественного развития, информационных и социально-политических акторов и соответствующих идеологий.

Проблематика настоящего монографического исследования определяется необходимостью анализа, прежде всего, отечественного культурно-символического пространства в качестве знаково-коммуникативной системы, концентрирующей символы, мифы и образы; идеи, проекты, программы и лозунги; технологии формирования эпистемологических матриц, политические и социальные институты, СМИ.

В свою очередь это потребует изучения особенностей современных процессов трансляции культурно-значимой информации, которые протекают в ключевых институтах и знаковых системах культуры с точки зрения оценки возможностей политических акторов в репрезентации идей и обоснования программ на основе использования аксиологических и антропологических смысловых контекстов и культурных кодов. И, безусловно, потребностью в разработке культурологической методологии анализа, прогнозирования, разработки и реализации культурно-символических проектов в современном российском социуме.

Предпринимаемая попытка выявить и охарактеризовать культурно-символическую основу политических практик конструирования социально-культурного пространства российского общества предполагает анализ мифологических оснований конструирования политического порядка, значения политического текста как формы экспликации и репрезентации национально-культурной специфики.

В главах монографии характеризуются основные эпистемологические парадигмы культурного пространства российского социума в качестве ценностных наднациональных глобалистских универсалий и раскрывается их роль в формировании соответствующих коммуникативных практик; исследуется концептосфера современного российского культурно-политического пространства, характеризуется роль СМИ и интернет-технологий в его формировании; раскрывается ряд процессов характеризующих механизмы воспроизводства символического пространства российской политической культуры; осуществлен сравнительный анализ символических концептов в программах современных российских парламентских партий.

Основной итог проведенного исследования, на взгляд автора, состоит в изучении и систематизации взглядов современных авторов, обобщении результатов эмпирического исследования культурно-символических оснований политических практик. В монографии обосновывается сущность культурно-символической политики как области социальной практики, формирующей идеологические матрицы, жизненные установки, конкурирующие формы организации сознаний и поведенческие паттерны социальных групп.

ГЛАВА 1
ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1.1. Эпистемологические парадигмы и символические практики российского политического пространства

Современное политическое пространство России характеризуется сложной конфигурацией взаимодействия факторов, имеющих глубинные культурные основания как в подходах к современной трактовке социальной реальности, так и проявляющееся в позиционировании ценностных систем, реализации практик различных типов общественного развития.

В постмодернистской философии разрушение социального целого и конец социальности трактуется как его подмена гетерогенным текстом, не имеющим какой-либо определенности. Отказ от представлений о модели мира, постулирование равновероятности и равноценности всех составляющих реальность элементов, создание постмодернистского терминологического аппарата, поливариантность схем интерпретации призваны снять вопросы о существовании истины, смысле бытия, объективном знании. При этом, приоритет в исследовании социальной реальности отдается меняющимся знаковым формам. Текст культуры (в т. ч. и текст-символ) в силу его многомерности рассматривается в качестве ризомы, что определяет приоритет динамических концептов типа «случай», «игра», «спонтанность» в понимании реалий современного общественного развития[2].

Отрицается сама возможность действующих акторов интегрировать социальное пространство. Приоритет отдается практикам конструирования (П. Бергер, Т. Лукман и др.) социума вне учета базовых культурных оснований (религия, менталитет, этос, традиции, мифы, коды и тексты культуры и др.). Данные культурные факторы, не позволяющие «рассеивать социальность», а создающие энергию сопротивления практикам деконструкции национально-культурного бытия, формирования универсальной глобальной матрицы «неопределенности» проявляются в типе сознания, общественных настроениях, жизненных стилях, специфике понимания и интерпретации фактов повседневности.

П. Сорокин в теории социокультурной динамики общества отмечал, что господствующий тип культуры, созданной определенной социальной группой, формирует тип сознания людей в рамках этой культуры. При этом «любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, беспрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы»[3].

Исторически сложившиеся ценности, традиции, обычаи, социокультурные стили, эпистемологические императивы и фильтры, стереотипы мышления за-

---

[2] Храпова В. А. Текст как социокультурный код общества. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 245 с.

[3] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 808.

крепляются в культурно-символических формах, репрезентируемых и сохраняемых в кодах культуры. Являясь своего рода «культурным бессознательным», системой определенных индикаторов, правил обработки, хранения и передачи информации культурные коды, которые образно можно сравнить со «стволовыми клетками» или «культурными генами», чаще всего обретают выражение и закрепляются в символических формах.

Основными механизмами сохранения и трансляции культурных кодов являются тексты культуры, традиции, культурные инициативы, культурная политика, как деятельность акторов по сохранению и развитию культурных систем.

Тексты культурно-исторического наследия отражают, закрепляют, кодируют и расшифровывают в символических формах духовное, ценностно-смысловое содержание культуры а также репрезентируют его в социальном пространстве. Памятники, посвященные историческим событиям и лицам, знаменательные даты и праздники, произведения литературы и искусства, иные знаково-коммуникативные формы (от государственных наград до экпонирования достижений в различных сферах и музейных ценностей) являются, в определенном смысле, символическим оформлением исторически сложившегося духовного наследия. В значительной степени на данной основе формируется государственно-национальная идеология как концентрированное выражение исторического прошлого.

Следующим механизмом трансляции культурных кодов выступают традиции. Эксплицитно традиция являет «способ осуществления преемственности, в котором интегрируются тенденции творческой деятельности прошлого, имеющие значение для современного развития… предполагает продуктивный тип связи между культурами, когда старое переходит в новое и активно работает в нем». Имплицитно – «традиции образуют „коллективную память“ нации, выступая предпосылкой и условием сохранения ее исторической идентичности»[4]. Поскольку культурная динамика представляет собой, в определенном смысле, бинарность сохранения и изменения культурных оппозиций традиционности и инноваций, то традиции выступают гарантией стабильности культурного развития, интеграции в новую реальность текстов культуры и, тем самым, сохранения культурных кодов.

Незаменимую роль традиций в качестве механизма сохранения культуры, накопления ценностей, ее элемента и средства трансляции, подчеркивал Д. С. Лихачев. Его исследование глубинных оснований русской культуры, национальных традиций, понимание ее как сакрального поля, точка зрения о том, что утрата традиции как части культуры может привести к ее деградации и, как следствие, к деградации личности, не сохраняющей в себе самой память прошлого, актуально и в современном контексте проблем сохранения и трансляции духовного наследия. Духовные традиции, не существуют в виде готовых текстов или моделей. Это

---

[4] Запесоцкий А. С. Лукьянов В. Г. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 4.

сложные творческие интерпретации и трансляция ценностей прошлого в настоящее и проектируемое будущее. Отечественные духовные традиции отражают «соборность» проявления в различных областях социальной практики массового и индивидуального мышления, поиски «высшего смысла существования» и «высшей правды», стремление к нравственному самосовершенствованию (восходящее к И. Лествичнику), нравственный оптимизм, веру в справедливость. Духовные традиции Руси-России нашли свое отражение и закрепление в многочисленных произведениях художественного творчества, в философии, идеологии и иных культурных формах, заложив основания российской культурной матрицы.

Культурные инициативы[5] как механизм развития культурной системы и сохранения «коллективной памяти» отличаются массовостью и небывалым разнообразием форм, направленностью и содержанием. В рамках инициатив разрабатываются и апробируются программы и проекты решения актуальных политических, экономических, социальных, экологических и других проблем на основании активно пополняемых информационных ресурсов и анализа сложившейся ситуации в различных областях социальной практики. В то же время, отдельные инициативы сфокусированы на определенных проблемах, относительно ограничены в пространно-временном отношении, ориентированы на конкретные цели. В зависимости от предметной области и целеполагания инициативы могут обретать не только культуросозидающий, но и деструктивный, разрушительный характер. Данная специфика культурных инициатив активно используется в политических целях посредством инициации политическими акторами различных структур гражданского общества. Нередко их спланированная деятельность позиционируется как волеизъявление народа, о чем свидетельствует опыт политических событий в различных регионах мира начала XXI в.

Культурная политика, как деятельность государства, так и иных субъектов не является, по сути, совокупностью решений и усилий только в области подведомственной сферы или реализации тех и иных проектов. Со стороны государства это стратегическое управление процессами, связанными с сохранением и обогащением культурной среды, формированием ценностных ориентаций, общенациональной идеологии развития, гражданской идентичности, отвечающих глубинным духовным основаниям отечественной культуры. В президентском Указе «Основы государственной культурной политики» и распоряжении правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. « отмечается актуальность передачи новым поколениям духовного опыта нации, обеспечения единства многонационального народа России, что во многом определит влияние России в мире[6].

---

[5] Культурные инициативы рассматриваются в широком смысле слова как совокупность гражданских, творческих, социальных, проектных и иных видов проявлений общественной активности.

[6] Указ Президента РФ от 24. 12. 2014 г. № 808 «Основы государственной культурной политики»; Распоряжение правительства РФ от 29. 02. 2016 г. № 326-р «Об утверждении стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.» [Электронный ресурс]. URL: http://bv-dshi.muzkult.ru/img/upload/2699/documents/strategiya-kulturnoj-politiki.pdf (дата обращения 04.09.2017).

Пространство культуры в условиях информационной глобализации является не защищенным, по сути, от экспансии различных ценностных систем, декларирующих, а нередко агрессивно навязывающих с помощью различных манипулятивных технологий концепты, не отвечающие базовым ориентациям российского социума. Культурная колонизация как технология «перекодирования», является одной из распространенных практик. Первоначальным объектом данной практики является изменение эпистемологической матрицы, доминирующей в массовом сознании. Идеология «продвижения демократии и свободы», технологии «мягкой силы», «уязвимых мест», «осквернения ценностей», «молекулярной агрессии», «психоинформационных атак», доминирования в пространстве массовой культуры и ангажированное СМИ имплицидно ориентированы на изменение эпистемологической матрицы, дискредитации традиционной и продвижения новой символики (символов-конденсатов) в формировании иного политического пространства.

Одним из ключевых аспектов культурной политики является область гуманитарных знаний. Сокращение и ликвидация в вузовском образовании по примеру стран Евросоюза курсов истории и литературы, трансформация «культуры чтения» создают серьезные риски в практике сохранения ценностей отечественной культуры и национальной самобытности.

Политическая практика выстраивания символического пространства обретает характер культурной политики. Ее роль в данном контексте реализуется как культурное кодирование личностей-референтов и событий и декодирование, включение в общекультурный контекст тех ценностей, которые по различным основаниям правящие элиты стремятся актуализировать в массовом сознании и утвердить в качестве новых ценностей. Ярким примером такой практики может служить уничтожение фашистами памятников выдающимся деятелям французской культуры в 1940–44 гг. Так были уничтожены памятники Виктору Гюго, Де ла Барру, Жан-Полю Марату, Вольтеру, Лавуазье, Жан-Жаку Руссо, Этьену Доле, Шекспиру, Эмилю Золя, Франсуа Араго, Франсуа Распаю, Шопену и даже Диогену[7]. Такая политико-символическая практика характерна и для исламских ультрарадикалов, и для отдельных государств бывшего СССР.

Эпистемологическая колонизация как часть культурной политики осуществляется различными акторами. Современный характер информационных коммуникаций позволяет внешним акторам активно влиять на те или иные аспекты культурно-символического пространства и, используя ресурсы наднациональных универсалистских глобальных концептов (в том числе и посредством экспертных научных сообществ) осуществлять попытки трансформации культурных кодов. Здесь используются различные технологии: от подписания международных юридически обязывающих документов в различных областях социальной практики и реализации гуманитарных программ до использования манипуляционных технологий типа окон Джозефа Овертона[8].

---

[7] История в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: http://foto-history.livejournal.com/6064846.html (дата обращения 04.09.2017).

[8] The Overton Window. A Model of Policy Change [Электронный ресурс]. URL: http// www. mackinac. org/ 12887 (дата обращения 04.09.2017).

В то же время, культурные системы, обладающие достаточными общегражданскими и национально-культурными идентификационными ресурсами, опирающиеся на национально-ориентированные концепты развития, активно не приемлют сценарии, не отвечающие базовым ментальным характеристикам.

Отличительной особенностью политической культуры России является исторически сложившиеся тенденция противостояния доминирующих концептов общественного развития: либерального, проявляющегося в различных идеологических моделях глобализма, постмодернизма, смысл которого заключается в распространении евроатлантического типа и его ценностей на весь мир; коммунистического, отстаивающего идеи социального равенства и необходимость общественного переустройства; националистически-расистского, проявляющегося в шовинизме и ксенофобии, идее превосходства белой расы, национальной неприязни, находящего выражение в крайних формах ультранационализма и фашизма.

Учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер российского социокультурного пространства, самоидентификации и привязанности этносов к определенным территориям (в отличие, например, от США, где колонизация земель осуществлялась переселенцами) действие отмеченных тенденций формирует культурную гетерогенность по иным основаниям – культурного обмена и взаимодействия многочисленных традиционных культур внутри российского социума. Российская государственность в ходе своего исторического развития обрела особое значение как базовая культурно-интегрирующая ценность, сочетающая общегражданскую, национально-культурные и конфессиональные идентичности не только в государственных границах, но и в ареале «русского мира».

Код российской государственности определил качественные характеристики современной политической культуры и особенности интеграционных процессов после глобальных потрясений XX в., грозивших обернуться распадом страны. В данном контексте вполне правомерным является утвердившееся в гуманитарной науке и общественном сознании, начиная с Н. Я. Данилевского[9], понимание российского социокультурного пространства как особого евразийского типа цивилизационного развития.

В политической концептосфере и лексике в последние десятилетия обрело свой статус понятие и технология «символическая политика». Диверсифицируя, по сути, различные политтехнологии в область социальной и культурной практики данный подход позволяет широко интерпретировать многочисленные аспекты взаимодействия политических акторов в различных сферах и на различных уровнях человеческой жизнедеятельности[10].

Категория «символическая политика» в последние десятилетия, о чем свидетельствуют фундаментальные исследования, также является методологическим

---

[9] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М.: Инст. рус. цивилизации, 2008. 816 с.

[10] Возможно, более точной характеристикой сущности данного вида политической деятельности было бы определение «культурно-символическая политика».

основанием конструирования ряда социальных практик. Преимущество концепта заключается в отказе от причинно-следственных связей при изучении отношений между социально-политической реальностью и ее восприятием индивидами, различными социальными группами, легитимными структурами и иными агентами, а также их деятельности, связанной с созданием и функционированием различных смысловых конструкций. Это один из факторов, который обусловливает «практичность» использования концепта «символическая политика», определяет его методологический потенциал.

Использование категории «символическая политика» открывает возможности понимания механизмов политического конструирования, проектирования моделей новых социально-политических реалий, анализа политических систем, реконструкции исторического прошлого и исторической памяти. Символическая политика (как технология) позволяет кодировать и интерпретировать в сложившемся знаково-коммуникативном нарративе объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия.

Опора на понимание символов в качестве элементов создающих и опосредующих реальность, формирующих политическую действительность предоставляет возможность технологического формирования общих смыслов и их изменения в зависимости от конкретной социальной ситуации. В то же время, нельзя не учитывать, что возможности символических политических акций и политтехнологий не безграничны. Символ обладает свойством конвенциональности (Ч. С. Пирс)[11], т. е. не имеет прямой связи со своим объектом и воплощает идею в словесных и иных формах коммуникации.

Конвенциональность символов определяет представление о символической политике как имитации реальных действий. Разделение на аутентичную и символическую политику на основании совокупности измерений проанализировано Н. М. Мухарямовым[12] на основе анализа ряда фундаментальных исследований. Этот подход определил совокупность представлений о практике отношений власти и электората, распределении статусов и социальных ролей, финансировании политических проектов, формировании массовых представлений посредством СМИ. Символическая политика рассматривалась как определенный суррогат или аспект аутентичной политики (С. П. Поцелуев)[13]. Однако, в современном обществе, характеризуемым чрезвычайной сложностью социума, политические отношения не выстраиваются в логике базовых интересов социальных групп.

Современное медиатизированное сознание (как индивидуальное, так и массовое) осваивает окружающий мир за счет символической редукции социально конструируемых смыслов. Идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию по-

---

[11] Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос. С. 216.

[12] Мухарямов Н. М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1. 2012. С. 54–56.

[13] Поцелуев С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. 1999. № 5. С. 62–76.

литической проблематики. Развести или противопоставить «материальные» и «символические» эффекты обсуждаемых вопросов становится все более проблематичным.

Различные концепции «символической политики», разработанные в трудах зарубежных и отечественных исследователей, проанализированы С. П. Поцелуевым[14]. Теоретическим основанием данного подхода являются идеи основоположника теории политики как символического действия Мюррея Эдельмана[15]. В его работах человеческое действие рассматривается в качестве символического акта, а он, в свою очередь, интерпретирует свое действие как объект политического самовыражения. Совокупность таких актов и составляют политическую коммуникацию. Создаваемые человеком политические символы способны как поддерживать ее, так и вводить в заблуждение.

«Символическая политика» в работах М. Эдельмана представляет объединяющее понятия «символический акт», «символическое действие» в сложную методологическую конструкцию. Опираясь на исследования Г. Лассуэлла, Э. Кассирера, Б. Малиновского, А. Моля и др., М. Эдельман определил в качестве предмета своего изучения символические аспекты политической практики, пытаясь объяснить, как ее символическая составляющая воздействует на поведение акторов политического процесса.

М. Эдельман разработал «дихотомическую модель политического действия», согласно которой объекты политического акта (политического спектакля) подвергаются либо положительной (с целью возбудить радость, умиротворение, надежду) манипуляции, либо отрицательной (страх, угроза, опасение). При этом, массы выступают лишь как зрители и объект для манипуляции, не имея реального контроля над политическими процессами. В связи с этим удовлетворение тех или иных потребностей общества отходит на второй план, заменяя собой конструирование новых потребностей путем производства символических актов. М. Эдельман достаточно строго противопоставляет «сцену» и «закулисье» в политическом поле, отделяя реальные политические процессы, производимые элитами, от политического спектакля, воспроизводимого для зрителя[16].

Ульрих Сарцинелли под символической политикой понимает функционирование «символов-конденсатов», представляющих, прежде всего, лексические конструкции. «Символы-конденсаты» позволяют властной элите с помощью демократических процедур легитимировать проводимую политику и завоевывать симпатии электората. Развивая идеи М. Эдельмана, У. Сарцинелли разрабатывает коммуникативную модель символической политики, характеризуя властную элиту в качестве ее ведущего субъекта.

---

[14] Поцелуев С. П. Символическая политика: к истории концепта // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1. 2012. С. 17–53.

[15] Edelman M. Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence. Chicago.: Markham publishing company, 1971. 188 p.

[16] Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964.; Edelman M. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main; N. Y.: Campus Verlag, 1990.

По его мнению, символы делают мир политического понятным и осмысленным для граждан, т. к. человек, склонный мыслить стереотипами, предрассудками и фобиями, не в состоянии ориентироваться в сложной социальной реальности. В то же время, символическая политика выступает эрзацем политики реальной, окончательно вводя рядового потребителя в заблуждение. Развивая идею М. Эдельмана о символической политике как инсценировании, У. Сарцинелли рассматривает СМИ как ключевой инструментарий в политическом процессе, выделяя медийный образ как отдельную реальность, стимулирующую, в свою очередь, политическое участие в форме тех или иных мнений или переживаний, формирующихся у зрителя[17].

Томас Майер, в противовес ряду авторов, считавших политику осевой линией общественного развития, рассматривает символическую политику как эрзац или видимость («акционистская видимость») подлинной политики, разновидностью формирования «ложного сознания». В то же время символическая политика различными методами, прежде всего «эстетизации» политических акций формирует у граждан («гражданин-зритель») иллюзию участия в общественном управлении, влияния на политические процессы.

Введение понятия «когнитивная видимость», объясняющего феномен электорального размежевания при помощи определенных визуальных и речевых средств, позволяет разделить символическую политику на ту, которая осуществляется «снизу», и соответственно «сверху». Т. Майер считает символическую политику угрозой политической культуре, т. к. она выступает антитезой рациональному критическому дискурсу, заменяя его различными инсценированиями и тем самым запутывая и отчуждая людей от политического участия[18].

В зарубежной политологии также разработаны различные модели символической политики. «Театральная модель», основанная на концепте «инсценирования» и «перформанса» понимается как основа дискурсивных практик, связанных с конструированием реальности современными медиасредствами. Театральный компонент политической деятельности интерпретируется как феномен «политического театра». Предполагая наличие ряда политических сцен: повседневного общения, публичных выступлений, публичного инсценирования, сетевого политического инсценирования авторы данной модели интерпретируют символическую политику как сложный конгломерат политики и театра.

«Драматологическая модель» (И. Гофман и др.) опирается на теорию социолингвистической интеракции. Повседневное поведение людей, по сути, является ролевым и не совпадает с психическими действиями и реакциями, представляет перформансы (исполнения), родственные по структуре речевому акту. Действия людей представляют «пред-знаки» и являются определенными ин-

---

[17] Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987.

[18] Meyer T. Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1992.; Meyer T. Die Transformation des Politischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994; Meyer T., Kampmann M. Politik als Theater. Die neue Macht der Darstellungskunst. Berlin: Aufbau-Verlag, 1998.

сценировками. Они позволяют ближайшему окружению судить о выполнении индивидом социальных норм и требований, являются сложным адаптационным механизмом. Тело человека является носителем социальной информации, читаемой как текст. Спонтанное самовыражение человека понимается в качестве фрейма, т. е. заранее заданного социально фиксированного плана, которым определяется подходящая форма самопрезентации. Таким образом конкретизируется роль в качестве поведенческого образца. Фрейминги производят повседневную театральность и представляют собой объект политических действий. Жесты, мимика, лексика политического деятеля, ориентированные на аудиторию с реальными интересами призваны внушать определенные эмоции, смыслы, оценки. Символы являются инструментом политической стратегии рассчитанной на властный эффект. Символический акт (рассматриваемый как габиутальный смысловой тип) базируется на знании социально-психологических особенностей аудитории. Это не означает, что в символической политике можно все рассчитать. Здесь иной тип драматургии не идентичный пропагандистскому обману.

«Перформансная модель» рассматривает символическую политику как комплекс исполнений художественно-эстетического характера перед публикой, за которыми скрываются властные мотивы. В таком случае преследуются цели презентации политиков публике посредством масс-медиа и иных форм художественно оформленных акций. Данная модель легко востребуется избирателем и позволяет эффективно формировать мнения и легитимировать политические решения. В рамках данного подхода используется понятие «социальной драмы» (В. Тэрнер). Поскольку соционормативные нарушения приводят к политическим кризисам, то театральные и ритуальные действия, содержание которых определяется реалиями, рассматриваются в качестве перформансов.

В контексте культурной антропологии символическая политика рассматривается преимущественно с позиций герменевтического подхода, не сводится к интерпретации символов как знаков и «категорий мышления» а рассматривает их в качестве динамических систем (сравнительная симвология). Действие как символ должно пробуждать оценки и эмоции, быть доступно широкому пониманию. Основное внимание в данном подходе уделяется мифам, которые интерпретируются в качестве «растянутых символов» и символических комплексов, а собственно символы могут рассматриваться как «сжатые мифы». Миф в массовом сознании представляет некую реальность, которая руководит чувствами и повседневным поведением людей. Это позволяет формировать образцы и оценки поведения, формулировать простые ответы на сложные вопросы общественной жизни. Значительное внимание в культурно-антропологическом концепте уделено ритуалам, их взаимодействию с мифами в дискурсе формирования политического культа героя, партии, нации.

Использование семиотического метода при анализе и описании политических практик определяется тем, что мифы, ритуалы по природе своей являются смысловыми единицами, представляющими определенный способ использования знаков. Политическое действие осуществляется в семиосфере как общественном знаковом пространстве. Символический политический акт, таким об-

разом, обретает реальность. «Политическая семиотика» рассматривается в данном подходе с позиций политической культуры и символической политики. Это позволяет, в определенном смысле, снять оппонирование аутентичного и символического в политической практике.

Подводя итог краткому анализу подходов к пониманию сущности и содержания символической политики, возможно констатировать, что особенностью современного медиатизированного массового и группового сознания является освоение социального мира на основе конструируемых смыслов. Механизм их символической редукции позволяет использовать политическими акторами, в целях их репрезентации, ресурсы и технологии символической политики в публичном пространстве, прежде всего, в средствах массовой коммуникации.

В то же время информационная глобализация социума требует обращения к анализу функционирования в публичном пространстве символической информации (имеется ввиду понимание информации как метафоры – *средства выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков* (А. В. Соколов)[19], а также механизмов формирования аудиовизуальной, современной сетевой и сужения возможностей документальной коммуникаций, вне которых невозможно представить взаимодействие и оппонирование субъектов политического действия.

По мнению К. Ф. Завершинского «...становление общества сетевых структур» (network society) ведет к доминированию «социальной морфологии» над «социальным действием». Современные информационные сети постоянно находятся в конфликтных отношениях со сложившимися социальными системами и социальными сетями, порождая структурные трансформации в символических сетях культуры, которые в свою очередь фрагментируют сетевое взаимодействие и ведут к изменению в программах («социальной памяти») сетей[20].

Данные точки зрения открывают перспективу анализа специфики современной политической культуры, символических коммуникаций власти как центрального системообразующего компонента российской партийно-политической системы. Политические коммуникации, как обмен символической информацией, образуя локальные информационные поля, структурируют (социальная морфология) электоральные предпочтения, обусловливают редукцию текстов[21] (метафор) политической культуры. Интерпретация культуры как «символического контейнера» социальной идентификации в современном обществе[22] и определяет возможности понимания механизмов реализации права индивидов на самореализацию и социальные инновации в политической сфере.

Существенные перспективы в исследовании механизмов формирования электоральных предпочтений также открывает архетипический подход, раскрывающий понятие архетипа как базовой культурно-психологической универ-

---

[19] Соколов А. В. Информация как метафора // STUDIUM: педагогика высшей школы: интерактивные технологии в образовании и культуре: сб. материалов научно-практической конференции 14–15 марта 2013 г. СПб.: СПбГУКИ, 2013. С. 419–427.

[20] Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1. 2012. С. 155.

[21] В понимании Умберто Эко.

[22] Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти... С. 161.

Библиотека «Санкт-Петербургского государственного института культуры»

628246

салии. Символическое послание, опирающееся на понимание «жизненных стратегий», смыслы человеческого существования и образы мира в современных коммуникативных практиках отражает онтологические константы общечеловеческого культурного пространства. Онтотипы (нирванический, нумерический, формообразующий, синергийный)[23] в различной форме (звуковой, цветовой, цифровой и т. д.) обнаруживаются в современной политической символике. «Онтотипическая символика, вступая в резонанс с ценностным миром аудитории рекламного воздействия, формирует соответствующие жизненные стратегии (включая систему ценностей и специфические представления о смысле жизни, характерные для сегмента формы внешней презентации и коммуникативно-поведенческие модели)»[24].

Данное понимание сущности и механизмов функционирования современной символической политики и политической культуры открывает возможности изучения и интерпретации символических практик легитимации социального порядка. Ключевыми объектами исследования здесь являются партии как субъекты символической политики, власть, как (системно) образующий фактор и ресурс партийной системы, медиапространство (в символико-политическом контексте), социальное конструирование в действиях политических акторов.

Опора на понимание символического в русле социально-конструктивистской концепции социального порядка П. Бергера и Т. Лукмана, методологию П. Бурдье, выделявшего различные символические поля политического противодействия, а также на неоинституциональный подход в интерпретации политических процессов, разработанный Д. Нортом, Д. Уоллисом, Б. Вайнгастом позволяет раскрыть особенности современной российской партийной системы, определить контуры и технологию конструирования политического порядка.

Технологии и инструментарий символической политики играют особую роль в процессе формирования, распространения и конкуренции различных способов интерпретации социальной реальности, конструирования представлений о прошлом, являющихся властным ресурсом для политических акторов. Политический дискурс выступает инструментом формирования социальных смыслов, сквозь призму которых человек усваивает сообщения, обусловливающие его поведение и восприятие политической реальности. Данный фактор имеет особое влияние на социальные процессы в России. Точка зрения, определяющая дискурс как логическую последовательность осмысленной деятельности, проявляющуюся как развертывание смыслов, выраженных словами, знаками и значащими действиями, представляется наиболее адекватной для понимания различных аспектов символической политики.

Символы, идеи, образы, мифы, представления, стереотипы всегда выступали предметом символической редукции, на базе которой вырастала политическая культура (как процесс приобщения и формирования представлений о политиче-

---

[23] Брылева Л. Г. Мир взрослого... Культурологическая типология самореализации человека и онтообразовательная реальность. СПб.: Изд-во Рос. акад. образования, 2004. 160 с.

[24] Кузьмина О. В. Антропологические матрицы рекламы в современной культуре: автореф. дис. ... канд культ. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 18.

ском мире). Исследователь концепта «символическая политика» О. Ю. Малинова отмечает: «Символическая политика как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование, не ограничивается социально-инженерным «изобретением» смыслов»[25].

Это процесс целостного социального конструирования, т. к. политические элиты, стремящиеся к конструированию электоральных предпочтений, являются также полноправными участниками символической политики, вступая в процесс символического обмена.

Потребность в политологической концептуализации понятия «символическая политика», разработке операциональных моделей пространственного и культурно-политического анализа и прогнозирования, формирования и реализации данной политики в современной российской партийно-политической системе обусловлена наличием целого ряда актуальных проблем как в современной политологии в целом, так и в исследованиях идейно-символического пространства, в частности. Символическое пространство формируется как новая политическая реальность, как совокупность полей силового противодействия, сублимации агрессии личностей и социальных групп, как определенная сфера решения социальных проблем в условиях современной глобализации различных сторон общественной жизни.

Символизация политической сферы актуализирует проблему дисбаланса между глубиной и масштабом символико-политического влияния на социум и его недостаточным теоретическим осмыслением в политической культуре и идеологии.

Необходимо признать, что категориальный аппарат объекта и предмета исследования символической политики, реализуемой политическими акторами, требует уточнения и определенной интерпретации ряда понятий, в отдельных случаях их гипостазирования. Это дает методологическую возможность «стартовой операциональности», обеспечивает возможности построения формализованных объяснительных и, в отдельных случаях, прогностических моделей символической политики партий в рамках проблематики исследования. Одним из векторов современного понимания характера символического политического взаимодействия в партийно-политической системе является подход, основанный на использовании научных концепций, разработанных в трудах П. Бурдье, П. Бергера, Т. Лукмана, Ю. Хабермаса, М. Эдельмана и др. авторов.

Практика символической политики в современных условиях реализуется в новом, сконструированном пространстве вопросов и проблем. «Символическая реальность» предстает как пространство взаимодействия конкурирующих концептуальных универсумов, с одной стороны характеризующих, с другой – конструирующих социальные представления и ожидания.

Символическое политическое пространство представляет собой совокупность полей, в котором «политическое поле», по определению французского

---

[25] Малинова О. Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1. 2012. С. 10.

социолога Пьера Бурдье, «это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения „потребителей“ и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства»[26].

Вместе с тем, очевидно, что символическая функция политики не сводится к производству идеологических конструкций. Конкурентная борьба идет и по иным полям символического противодействия: бюрократическому, экономическому, юридическому, электоральному, научному, религиозному и т. д. Государство, как ведущий агент создания и воспроизводства способов интерпретации социальной реальности, занимает особое положение в структуре символического противодействия. Обладая крупным административным ресурсом, власть способна наделять те или иные символы и категории особым статусом, придавать смысловую окраску и формировать отношение к широкому диапазону явлений и процессов, связанных с циркуляцией смыслов.

Но это не означает, что ресурсный потенциал гарантированно обеспечивает приоритет и легитимизацию власти. Власть связана отношениями взаимозависимости по различным аспектам (экономическим, информационным, правоохранительным, международным и др.) с многочисленными акторами. Данные отношения зависимости и образуют некую политическую систему. В то же время, поскольку она не обладает определенной целостностью, замыкается на себе, нестабильна, то ее целесообразно рассматривать в качестве не системы, а политической фигурации (Н. Элиас). Власть в таком случае не понимается и не интерпретируется как абсолютная субстанция. В фигурации связей включены как индивиды, так и социальные группы. Многообразие отношений между ними и формирует габитусы, как социальные отпечатки, налагающиеся на личность.

О. Ю. Малинова отмечает: «Символическая политика осуществляется в публичной сфере, т. е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами – имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности»[27]. Важно отметить, что на процесс обращения смыслов, выбора актором той или иной интерпретации, равно как и его политического участия или неучастия влияет и то, какое место занимает в обществе конкретный актор по отношению к другим акторам.

В данном контексте понятие «габитуса», введенное Пьером Бурдье, является достаточно значимым в анализе сущности культурных процессов в современном социуме. Габитус понимается как «система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе

---

[26] Бурдье П. Социология социального пространства. СПБ.: Алетейя, 2007. С. 180.

[27] Малинова О. Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1. 2012. С. 11–12.

их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик»[28]. Если свести это понятие к простой парадигме, то можно сказать, что габитус – это то, как мы оцениваем и понимаем явление с точки зрения своего социального положения. П. Бурдье в работе «Социальное пространство и символическая власть», пишет: «Габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла». И далее: «Мы знаем также, что точки зрения будут разные и даже антагонистические, ведь они зависят от точки, с которой смотрят, поскольку для каждого агента видение пространства зависит от его положения в этом пространстве»[29].

Представители феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» вводят понятие «символических универсумов» в качестве способа «объяснения» и оправдания окружающего мира. Характеризуя символические процессы как отличные от реалий повседневной жизни, но имеющие к ним отношение в качестве неких обозначений (сны, представления, фантазии), в символическом универсуме эти сферы «нереального» обретают смысловую целостность, находят свое объяснение.

В работе этих исследователей «символический универсум» понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума. И что особенно важно, маргинальные ситуации индивидуальной жизни (маргинальные в том смысле, что они не включены в реальность повседневного существования в обществе) также охватываются символическим универсумом[30].

В этом смысле символический универсум конструируется при помощи объективной социальной реальности, однако способность человека наделять ее определенными смыслами позволяет индивиду существовать в собственном символическом универсуме. Особую важность в методологии социального конструктивизма символические универсумы занимают по той причине, что они выступают (через субъективное осмысление биографического опыта) инструментом легитимации институционального порядка. П. Бергер и Т. Лукман отмечают: «Номическую функцию символического универсума можно определить довольно просто, сказав, что она «расставляет все по своим местам» в жизни индивида. И как бы человек ни отклонялся от осознания этого порядка (находясь в маргинальных жизненных ситуациях), символический универсум позволяет ему «вернуться к реальности» – а именно к реальности повседневной жизни.

---

[28] Бурдье П. Социология социального пространства. С. 75.

[29] Там же. С. 73–75.

[30] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 157.

Так как это та сфера, к которой относятся все роли и формы институционального поведения, то символический универсум гарантирует предельную легитимацию институционального порядка, и ему отводится главенствующее значение в иерархии человеческого опыта»[31]. Институциональный порядок интегрирован в универсум, как в своего рода «отправную точку», объединяющую человеческий опыт.

Символические компоненты в сознании человека интегрируют систему различных понятий и значений, существующих в повседневной жизни. Институциональные роли, габитус, конструирование смыслов, символические поля помогают индивиду ориентироваться в окружающей его реальности, редуцировать сложную структуру социальных взаимодействий. В постижении субъектом политических процессов символическое дает возможность размежевать в сознании человека «своих» и «чужих», «их» и «нас», позволяя в дальнейшем делать тот или иной культурный и электоральный выбор.

В политической истории и культуре России символическое противостояние всегда было фактором особого рода. Специфическое отношение к власти и собственности, к правам и свободам формировалось посредством кратких и емких лозунгов, постулированием национальной (позже интернациональной) идеи, цветом знамени, образами рабочего и колхозницы, символикой герба СССР, доминированием одной общественной группы (класса) над другой. В период перестроечного и постперестроечного этапов – демократическими лозунгами и символикой, идеологией абстрактной свободы и прав человека, обретавшей в массовом сознании сакрализированное значение.

Политическими акторами эпистемологическая интерпретация данных сюжетов трансформируется в особое видение места в современном мире и перспектив исторического развития России. Здесь проигрываются различные политические сюжеты как на основе непосредственного и латентного обращения к сакрализированной символике прошлого (Москва – третий Рим), историческим событиям, образам выдающихся личностей а также конструирования моделей великого будущего страны.

В новейшей истории России, с установлением режима политической консолидации, символическая политика, как особый род политической коммуникации, обрела новые формы. Либеральная эпистемологическая матрица политического оппонирования, в рамках которой с начала перестройки реализовывались концепты тотальной демократизации всех сторон общественно-политической жизни, сменилась консервативно-патриотической, с установкой на упорядочивание и структурирование политических и социальных институтов страны, выстраивание определенной административной иерархии, позволяющей, хоть и формальным образом, стабилизировать работу всех ветвей государственной власти. С другой стороны, властью инициированы новые формы развития гражданского общества – создание общественной палаты, института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федераль-

[31] Там же. С. 160–161.

ных округах, народного фронта, ассоциации молодежных правительств и аналогичных структур в регионах Российской Федерации и многие другие.

Опыт развития российской политической культуры последних 25 лет свидетельствует, что в электоральных предпочтениях еще очень сильны архаичные идеологические формы. Массовый запрос на коммунистические, националистические, социалистические партии и движения прямо указывает на то, что страна существенно дифференцирована по экономическому и социальному признакам. В то время как в мировой практике сформирована тенденция к уходу от классических политических идеологий, созданию т. н. «манипулятивных идеологий», работающих по принципу «catch all parties», в российской политической практике наблюдается несколько иная картину. Несмотря на то, что программы КПРФ или партии «Справедливая Россия» сформированы, в основном, в тренде диверсификации классических идеологий и постулатов, политический дискурс в современной России обращен к ретроспективному конституированию этих форм. Политические партии, в свою очередь, вынуждены отвечать на эти электоральные сигналы, если они хотят оставаться в авангарде политической жизни. Таким образом, возможности партий как производителей эпистемологических смыслов значительно снижаются.

Репрезентации прошлого, которые повсеместно присутствуют в агитационных текстах современных российских политических партий, наглядно иллюстрируют тот факт, что политический дискурс осуществляется преимущественно в историческом контексте. Конструирование представлений о прошлом, как ресурс накопления политического капитала, является основополагающим в противостоянии между российскими политическими акторами. Обращенность в прошлое, неукорененность в настоящем и контурное моделирование будущего существенно снижает эффективность политического влияния акторов, возможности конструирования социальной реальности.

В сущности, партии не выполняют одной из своих основных задач – выработки оптимальной социальной модели будущего. Наблюдая за предвыборными президентскими дебатами 2012, 2016–2017 гг. в США, Франции, Германии можно было отметить, что кандидаты спорили по всем нюансам налоговой, правовой, международной политики, предлагая свои решения по актуальным проблемам. Анализируя предвыборный дискурс российских политиков (как в думских, так и в президентской кампаниях) мы наблюдаем, что участники перманентно уходят в рассуждения о роли своего соперника в тех или иных исторических событиях, не стесняясь грубой, часто оскорбительной риторики в адрес оппонента. И каждый из акторов выстраивал собственное символическое политическое поле, предлагая ту или иную интерпретацию этих событий. В данном случае, политическое оппонирование выстраивается по вектору «мы – они», воспроизводя в коллективном бессознательном осязаемый «образ врага», якобы повинного в тех или иных неудачах. За этой риторикой часто теряется сущностное содержание, обсуждение и совместный поиск выхода из сложившейся социально-экономической ситуации. Показательно и то, как партии умело «жонглируют» такими укорененными в сознании электората понятиями, как «правый-левый», «социализм», «справедливость», «свобода», «патрио-

тизм»… В зависимости от содержания выстраиваемого символического пространства конкретной партии, предлагаются различные смысловые индикаторы.

Символическая политика, без обращения к данным или схожим категориям, теряет свой инструментарий. Получая то или иное сообщение, индивид автоматически воспринимает его сквозь призму устойчивых смыслов. Таким образом, символическая политика – это реальность, опосредуемая символическими универсумами и отрефлексированная в групповом и индивидуальном сознании. Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что коллективные представления о прошлом играют значительную, если не доминирующую роль в формировании эпистемологических матриц.

Политическое поле, дифференцируемое по вектору оценок прошлого – будущего является ареной дискурса, далеко выходящего за рамки собственно политической проблематики. Как акторами, так и электоратом, в силу культурно-исторического развития России, насыщенного драматическими событиями, те или иные точки зрения воспринимаются болезненно остро как масссовым общественным сознанием, так и отдельными социальными группами.

В политической истории и культуре России особенно остро проявлялось противостояние трех ключевых эпистемологических матриц: либеральной, консервативно-патриотической, социалистической. Либеральные идеи, на данном этапе общественного развития оказавшись на периферии, тем не менее, активно популяризируются за счет расширения влияния оппозиционных СМИ и проектов, позиционируемых в качестве показателей общества открытого доступа (демократизация политической системы, возможность свободно вступать в ассоциации…). Лидерами общественного мнения, зачастую, становятся сторонники либеральной ориентации (блогеры и оппозиционные политики). Несмотря на то, что они не получают массовой общественной поддержки, либеральный дискурс имеет существенное влияние на принятие политических решений.

Ряд громких уголовных процессов, фигурантами которых зачастую становились лидеры в либеральном политическом поле (М. Ходорковский, Б. Березовский, А. Навальный и др.), вызывал наиболее громкий кумулятивный информационный эффект, в отличие от других политических событий. В контексте вышесказанного справедливо утверждение классика политической мысли Карла Шмитта, полагавшего невозможность существования либеральной идеологии вне оппозиционного поля: «…имеется либеральная политика как полемическая противоположность государственным, церковным или иным ограничениям индивидуальной свободы, торговая политика, церковная и школьная политика, культурная политика, но нет просто либеральной политики, а всегда лишь либеральная критика политики»[32].

Либеральный дискурс презентирован в идеологической риторике представителей правительства (в прошлом – М. Касьянов, А. Кудрин, А. Фурсенко, ныне Д. Медведев, О. Голодец, А. Дворкович, Д. Ливанов, М. Абызов и др.). Можно выдвинуть предположение о том, что в правительстве РФ также идет неформальное противоборство между чиновниками с либеральными идеологически-

---

[32] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

ми позициями, и министрами «патриотического толка», мыслящими в «консервативном ключе». Но и здесь проблема несколько глубже, т. к. спор идет не столько по сугубо идеологическим позициям, но по вопросам распределения социальных благ. Если министрами экономического блока правительства традиционно становятся либералы, то в социальном блоке, как правило, им противостоят консервативно настроенные патриотические силы.

Следующее поле эпистемологического противостояния связано с рассмотрением различными политическими силами проблемы национально-культурной идентичности, поиска своего рода «единого знаменателя», по вопросу о котором смогли бы договориться все социальные и этнические группы, населяющие Российскую Федерацию. Данная проблема до настоящего времени так и не решена и вряд ли будут определены в обозримом будущем «ценностные индикаторы», ориентиры общественной консолидации. Евразийская идея, на которую в значительной степени ориентируется В. В. Путин, хотя и базируется на культурно-исторической традиции России, подвергается критике как со стороны внутренних политических оппонентов, так и ведущих западных СМИ. Таким образом, данное поле политического оппонирования характеризуется символами национализма, идеями патриотизма, государственности, абстрагированными интерпретациями особого места России в мире, ее роли в мировой истории и культуре и т. п.

Многие либеральные идеологи (начиная с А. А. Собчака) в своих публичных выступлениях отрицают наличие русской национальной идеи и российской специфики утверждая, что существуют только универсальные ценности – демократические свободы и права человека, которыми и необходимо руководствоваться в повседневной практике. Разрешение данного противоречия, ценностная интеграция демократических ориентиров и символов в культурное пространство России при учете национального и поликультурного своеобразия, скорее, дело времени.

Одним из ключевых понятий в либеральной эпистемологической матрице отводится категории «толерантности». В последний период многочисленные исследования имплицидно апологетизируют данный подход и разрабатывают технологии его применения в различных областях: от межкультурной коммуникации до возрастной педагогики. В то же время толерантность как понятие и компонент мировоззрения не являются нравственными категориями, во всяком случае, для российского общественного сознания. Это, скорее, эпистемологема, очередной универсалистский конструкт. 13-ти минутный ролик фильма «Невинность мусульман» (США, 2012 г.) смог мгновенно разрушить не только символическое поле толерантности, но и полностью дискредитировать многолетние усилия и политику отдельных государств по продвижению своей идеологии в мусульманском мире. Такой вариант представляется возможным и в российском символико-политическом пространстве.

С учетом специфики российской политической культуры концепции и проекты формирования толерантности в обществе представляются малоэффективными и ресурсоемкими. Эпистемологическую и социокультурную перспективность,

возможно, представляет реализация на практике концепта признания равноправия культур, взимоуважения культурных ценностей и традиций.

В то же время стоит отметить, что все парламентские политические силы страны имеют единое мнение по ключевым вопросам осуществления государственной власти, таким как: сохранение целостности территории страны, необходимость борьбы с экстремизмом и сепаратизмом, противодействие наркотрафику и коррупции, разжиганию этнической и религиозной розни, поиску национально-культурной идентичности, как некоего способа сплочения всех граждан страны.

Третье поле культурно-символического противодействия – поле социального противостояния. Обилие политических концептов в интерпретации социальной реальности обусловлено как историческим прошлым, так и социальной напряженностью сложившейся в современном обществе. Габитус успеха, престижности, превосходства и богатства полярен габитусу «униженных и оскобленных», обездоленных, «ненужных и лишних» людей. В данном пространстве наиболее остро ощущается и воспринимается электоральными группами символика, отражающая противостояние политических сил. Партии могут воспроизводить габитус аскетичности, народности, социального протеста, используя, например, лозунги в стиле «Мы за бедных! Мы за русских!» у ЛДПР, «Большинство обязано сплачиваться и побеждать!» у КПРФ. Или же выступать защитниками предпринимательской инициативы (партия Правое Дело).

Неудивительно, что особенно острый резонанс вызывают сообщения о наличии у тех или иных чиновников и депутатов заграничной недвижимости, счетов в банках иностранной юрисдикции. В обществе с высокой разницей в доходах (по некоторым оценкам до 15 крат), экономические факторы являются самыми болезненными источниками формирования мотивов политических оценок и символического противодействия.

Нередко в процессе телевизионных дебатов остро встает вопрос в отношении источников финансирования той или иной партии. Политики используют этот «козырь» в случае, когда аргументы по существу уже исчерпаны, или же оппонент находится в заведомо более выигрышной символической ситуации. Включается механизм символического политического обмена, когда дебатирующие «подменяют» позицию оппонента и представляемой им политической силы. В подобной ситуации могут звучать обвинения в «неправильных законах», принятых той или иной думской фракцией, степени оппозиционности, позиции партии по тем или иным фундаментальным вопросам социального обеспечения. Но, так или иначе, ведущим полем противостояния остается социальное, неизбежно отсылающее к экономическим проблемам.

Четвертое поле – символической экспансии новых ценностей, как инструмента завоевания инокультурного пространства. Технология символического, а затем и реального освоения территорий выстраивается примерно по следующей схеме: сначала продвигаются символы, которым придается позитивная окраска и значимое смысловое оформление. Когда население к ним привыкает, следуют более существенные проекты, в основном социального порядка (благотворительные акции, построение и обустройство школ и больниц, обеспечение про-

довольствием голодающих и т. п.). На финальной стадии экспансии, когда население уже подготовлено, привычно к иной символике и иным интерпретациям, ставшим частью аутентичной культурной среды, носители данной символики уже принимаются со знаком плюс. Подобную схему символической экспансии можно было наблюдать в странах Восточной Европы (Грузия, Украина, в определенном смысле, страны Прибалтики) в ходе смены политических элит в этих странах. Ключевую роль в этих процессах, несомненно, играют политические организации, обладающие эффективным культурно-символическим потенциалом.

Политическая культура России, безусловно, также отличается качественным своеобразием в выборе акторами средств и технологий достижения политических целей. Однако, эпистемологические матрицы не всегда адекватно осознаются и оцениваются в партийных программах. Главной функцией любой политической партии в демократическом обществе является выражение интересов различных групп населения. Но не менее важной выступает и деятельность по поиску средств стабилизации институтов демократии, поиску эффективных способов модернизации и оптимизации социальных, экономических и политических институтов, выработке определенного вектора внутреннего и внешнеполитического развития страны.

В последнее десятилетие в политической практике современных российских партий наблюдается ситуация, указывающая на возможность неформальной договоренности между акторами в отношении распределения ресурса государственной власти. Каким бы острым не был предвыборный политический дискурс, в конечном итоге, все парламентские силы признают (пусть и неформально) легитимность как самих выборов, так и политического порядка, в рамках которого они существуют.

Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что в политической культуре России символическое пространство, конструируемое политическими партиями, во многом направлено на поддержание социально-политического порядка, укрепление существующей государственной власти. Символическая политика, в сущности, сводится к легитимации политического порядка. Развитие демократических институтов и модернизация большинства спектров общественной жизни, в свою очередь, существенно изменяют социально-культурную реальность. Деформируются старые и формируются новые политические поля культурно-символической борьбы профессионалов.

В данной ситуации политическое оппонирование неизбежно принимает символические формы, сводя «партийную борьбу» к спору о различных способах интерпретации социальной реальности в формате телешоу. Инсценирование политического процесса становится доминирующим в российской политической культуре. Но, тем не менее, стимулирующим гражданский интерес к политическим событиям, о чем свидетельствует высокий рейтинг программ «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»; «Реальная политика», «Специальный корреспондент», «Право голоса», «Первая студия», «Особая статья», «60 минут», «Процесс» и многих других.

Таким образом, возможно констатировать, что:

• В условиях глобализации и обусловленными данными процессами цивилизационными конфликтами технологии управления информацией и манипулирования массовым сознанием ориентированы на изменение цивилизационных и национальных культурных кодов. Политическая деятельность обретает характер многоканального коммуникационного манипулирования (символическая политика). Посредством социальных сетей и СМИ информационные потоки направляются на создание образов и мифов, позволяющих формировать новые эпистемологические матрицы общественного сознания в регионах, являющихся объектами информационных вбросов. Об этом убедительно свидетельствуют события последнего десятилетия.

• Эпистемологическая колонизация как часть культурной политики осуществляется различными акторами. Современный характер информационных коммуникаций позволяет внешним субъектам активно влиять на те или иные аспекты культурно-символического пространства и, используя ресурсы наднациональных универсалистских глобальных концептов (в том числе и посредством экспертных научных сообществ) осуществлять попытки трансформации культурных кодов.

• Информационные механизмы внедрения в культурное ядро общества (включающее в себя совокупность представлений о мире и человеке, добре и зле, символы, образы, традиции, предрассудки, знания) и манипулирования массовым поведением описаны в рамках концепции «молекулярной агрессии и молекулярной революции» А. Грамши[33]. Защитой от информационных потоков такого рода является только высокий уровень актуализации в национально-культурном пространстве ценностей подлинной гуманистической культуры, сохранения и доминирования исторически сложившейся эпистемологической матрицы в качестве системообразующего фактора национально-культурного самосознания, высокий уровень образованности населения.

• Культурно и политически Россия в данный момент оказалась активным актором противодействия эпистемологической колонизации и использования технологий цивилизационного перекодирования. Концепция основ государственной культурной политики Российской Федерации, ориентированная на противодействие использованию «мягкой силы», информационного давления направлена на сохранение культурно-национальной самобытности народов, проживающих на ее территории, цивилизационных культурных кодов.

• В современном обществе, характеризуемом чрезвычайной сложностью социума, политические отношения далеко не всегда выстраиваются в логике базовых интересов социальных групп. Медиатизированное сознание (как индивидуальное, так и массовое) осваивает окружающий мир за счет символической редукции социально конструируемых смыслов. Идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию политической проблематики.

---

[33] Грамши А. Тюремные тетради: Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд-во иностр. Литры, 1956–1959. 1400 с.

В рамках введенного в научный оборот концепта «символическая политика» и разработанных на его основе практиках, осуществляется кодирование и интерпретация в сложившемся знаково-коммуникативном нарративе объективной реальности и конструирование ее политической составляющей посредством символического действия. Символическая политика как область социальной практики, связанная с производством определенных способов интерпретации реальности и борьбой за их доминирование в социуме, обладает значительными ресурсами и технологиями, позволяющими эффективно реализовать различные политические проекты. Поскольку реализация данных практик осуществляется в пространстве сложившейся политической культуры общества, то представляется вполне правомерным введение и использование в научном обороте понятия культурно-символическая политика.

• Символическое пространство в современной российской политической культуре представляет собой совокупность полей, где в конкурентной борьбе создается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, акции, нацеленные на решение актуальных общественных проблем. В качестве доминирующих в российском социально-политическом и культурном пространстве возможно констатировать такие поля, как: либеральное, консервативно-патриотическое, социалистическое. Эпистемологическое противостояние в них осуществляется, в первую очередь, по показателям доминирующих сфер интересов, интерпретации и конструированию реальности – экономики, межнациональных отношений, социальной политики, международной политики, прав и свобод человека, безопасности, репрезентации прошлого, концепций будущего развития общества.

1.2. Мифологические основания и культурно-символическое конструирование политического порядка

Модернизация и развитие современного российского общества, изменение социального строя, реформирование всех сторон общественной жизни привели за последние 26 лет и к качественным изменениям в отечественной политической культуре. Развитие многопартийности, становление гражданского общества, культурное многообразие российского социума определяют качественное своеобразие происходящих изменений, ответов на вызовы времени. Очевидно, что нерациональные факторы (мифы, образы прошлого, историческая память и др.) обретают в политической культуре все большее значение в связи с расширением возможностей их воздействия на массовое сознание и поведение граждан. В данном контексте формируется несколько стратегий использования социокультурных практик, ориентированных на решение проблем управления политическими процессами, формированием, изменением, или деформаций ценностных ориентаций как электората в целом, так и отдельных социальных групп.

Во-первых, это практики создания мифологизированных массовых образов потребляемых вещей и соответствующих ориентаций, социокультурных стилей (консьюмеризм), посредством которых осуществляется формирование идентичностей на основе продвижения в глобальном и локальном коммуникацион-

ном пространстве (брендинг) ценностно-символических систем. В результате обострения конкуренции за материальные ресурсы символические факторы стали эффективным инструментом «маркировки» индивида, определяют его потребительские предпочтения, жизненные стратегии, формируют мораль и иные качества личности. Общество потребления реализует культурно-символические практики ориентированные на развитие потребительского инстинкта и обслуживание интересов производителей товаров и услуг. Естественно, в рамках данной стратегии реализуется определенная эпистемологическая матрица и базирующаяся на ней политическая модель общественного устройства.

Во-вторых, существенную роль в современных условиях обретает политическая мифология, использующая (или искусственно создающая и подтасовывающая образы прошлого), обладающая существенными возможностями воздействия на политическое поведение индивидов. Поскольку в современном чрезвычайно сложном социуме, политические отношения далеко не всегда выстраиваются в логике базовых интересов социальных групп, то медиатизировано-мифологизируемое сознание неизбежно осваивает окружающий мир за счет символической редукции социально конструируемых смыслов. В данном случае мифы, конкретные символы обусловливают презентацию и трансляцию политической проблематики в соответствии с сформированным заказом.

Миф способен конструировать реальность, делать ее правдоподобной с помощью художественно-образных средств, внедрять, до определенной степени[34], необходимые (научно и псевдонаучно обоснованные) лозунги и стереотипы. Его культурно-символический потенциал заключается в возможности формирования над «базовым культурным слоем» стереотипов массового сознания и управления ситуационным политическим поведением. Миф со временем может восприниматься как нечто естественное, объективное и легитимное.

В-третьих, политическое конструирование реальности вряд ли возможно вне опоры на «культурное ядро», включающее как культурные коды, так и совокупность габитуальных ориентаций социальных групп и отдельных индивидов, представлений, ценностных ориентаций, образов и символов. Власть, как гегемония, направленная на сохранение существующего порядка, опирается на коллективную волю большинства, стабильное «культурное ядро». Без его деформации невозможна смена политических элит и осуществление экспорта революций различного типа.

Мифы, являясь непреложной частью политической культуры, в определенном смысле, являются системообразующими факторами политической идеологии. История, в том числе и современная, изобилует примерами такого рода. Нацистский режим в Германии 1933–1945 гг. широко востребовал мифологию, в том числе и древних культур, на основании которой формулировал национальные цели, создавал образ врагов, выстраивал человеконенавистническую

[34] Безусловно, этос, менталитет, национальная культура обладают энергией сопротивления перекодированию посредством манипулятивных технологий.

идеологию и социально-политические практики. Подобные процессы происходят и в ряде государств бывшего СССР.

Не секрет, что и в политической культуре и идеологии США широко представлены символы и образы масонства, используются ценностные модели древних культур. Очевидно, что политические мифы, в свою очередь, отражают состояние политической культуры определенного общества. Мифы могут его идеализировать, продуцировать реваншистские лозунги, демонстрировать наукообразность, носить как религиозный, так и светский характер. Чаще всего мифы представлены как «образы прошлого». Однако, символически концентрируя и транслируя коды и образы прошлого, формируя мифологические модели мира в зависимости от властных амбиций и политического заказа определенных сил они формируют и «образы будущего».

Безусловно, такой процесс, как правило, не происходит стихийно. Деятельность интеллектуалов, идеологические и политические практики, заказ элит, внешние факторы, проявляемая оппонентами политкорректность и уступчивость нередко приводят к желаемому результату. Примером может служить активно изучаемый в последнее время специалистами разных направлений имеющий фундаментальные мифологические основания проект «Украина».

Мифы выступают важнейшими системообразующими факторами политической культуры. Их неисчерпаемый потенциал заключается в определенной иррациональности, возможности влияния на область «коллективного бессознательного». Политический миф активно влияет на реальность, социокультурную практику «производства мнений» в СМИ и сетях, определяет дискурс по актуальным проблемам современности. Формируемые убеждения, ориентации, формы и традиции политического поведения определяют характер политического пространства и, соответственно, культуры общества.

Наиболее типичными мифами, влияющими на формирование политического поведения граждан практически во всех культурах являются миф о сильном, противостоящем власти справедливом герое, включающий впоследствии различные модификации (от Робин Гуда и справедливого властителя до мудрого политического деятеля во главе государства). Основанием данного мифотворчества являются надежды на безопасность и защищенность, справедливость. Герой выступает адвокатом слабых перед силами зла, наделяется благородными помыслами и чертами, он практически непогрешим и ему многое прощается. Герой может требовать от народа жертв во имя достижения высших целей.

Расовая мифология базируется на идеях этнического, цивилизационного, социального, интеллектуального превосходства одних групп над иными (дикари, недочеловеки, несвободные люди и т. п.) и достаточно широко представлена в современных концептах различной направленности, например теории «золотого миллиарда». Как правило, данная мифология носит латентный, но может обретать и миссионерский характер. Стереотипы глубоко укореняются в массовом сознании и бытовых предрассудках. Тем не менее, эксплуатация ощущения превосходства служит питательной почвой для многих политических проектов. Данные концепты реализуются и в характере проведения внешней политики рядом государств.

Либеральная мифология, интегрирующая в современных условиях философию и концепты постмодерна, в последние десятилетия обрела довольно агрессивный характер. По оценкам экспертов глобализация, инициированная транскорпоративным капиталом и связанными с ним элитами, продвигающая идеологию деконструкции традиционных культурно-цивилизационных систем, рассматривается в качестве стратегического пути развития человечества. Данная тенденция вызывает обоснованное противодействие культурных систем, опирающихся на устоявшиеся, чаще всего сакрализованные традиционные ценности.

Социальная мифология, пережившая пик популярности в XX в., в последние десятилетия в связи с распадом коммунистической системы, разочарованием значительной части в возможности реализации декларируемых лозунгов (типа построения коммунистического общества), психологической усталостью в значительной степени утратила свои позиции в общественном сознании. Марксистский миф, представлявший альтернативную модель сакральности в крестьянской России XIX – первой трети XX в. в силу ряда объективных и субъективных причин не получил дальнейшего развития на рубеже перехода к информационному обществу и был оттеснен иными, преимущественно либеральными концептами, формировавшими иную эпистемологическую матрицу.

В последний период популярностью, в основном, пользуются антиолигархические, антимонополистические и антикоррупционные лозунги. Однако, вряд ли их правомерно рассматривать в качестве мифологических структур, формирующих устойчивые массовые представления о реальности и стойкую поведенческую мотивацию.

Роль мифологии в политической культуре рассматривалась многими выдающимися зарубежными и отечественными исследователями, среди которых особенно необходимо отметить Э. Кассирера и К. Леви-Строса, исследовавших миф в качестве политического и социального феномена. Природа мифа и его функционирования в культуре исследовалась в трудах Р. Барта, М. М. Бахтина, Л. Г. Ионина, С. Г. Кара-Мурзы, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, А. С. Панарина, А. А. Потебни и др. авторов. В рамках различных исследований данными авторами разработаны концепты, позволяющие понять природу и социальные функции мифов.

В политической культуре общества главная роль мифов заключается в формировании массовой индоктринальной идентичности. Безусловно, этот процесс зависит от множества иных факторов, связанных с менталитетом, историческими традициями, массовыми представлениями. В политической культуре Франции террористический акт против редакции еженедельника Шарли Эбдо в январе 2015г., печатавшим антирелигиозные карикатуры, вызвал всплеск массовой идентичности (мы Шарли Эбдо!) и солидарности граждан с данным изданием. Этот акт был поддержан во многих европейских странах. В политической культуре Франции, абсолютизация свободы слова является безусловной ценностью, хотя отдельные граждане, публично не поддержавшие данные настроения были подвергнуты остракизму.

Иная реакция наблюдалась в странах с населением, исповедующим ислам. В том числе и в Российской Федерации. Миллионный митинг в Чеченской рес-

публике 19.01.2015 г. оценил и осудил изображения пророка Мухаммеда на страницах журнала, как оскорбляющее чувства верующих. В значительной части государств мирового сообщества воздержались от публикаций и крайних оценок происходящих событий.

Данный символический акт и последовавшая на него террористическая реакция показывает, насколько эффективным может явиться информационный вброс, затрагивающий глубинные социокультурные основания массовой идентичности.

Особенностью политических мифов является их эксплицидность в образно символических формах, мощный, как было отмечено, идентификационный потенциал и способность быстро и эффективно формировать настроения граждан. Уникальная способность современных мифов, репрезентируемых в образно-символических формах управлять массовым сознанием и поведением, их роль в формировании политической культуры общества, связей между современными культурными явлениями и сложившейся системой традиций и ценностей предоставляет широкие возможности их использования в практиках социального конструирования реальности.

Одной из главных технологий такого рода, реализуемых в рамках культурно-символических практик, является обозначенная в политологических теориях «технологии накопления символического ресурса и конструирования символического политического порядка».

Конструирование символического политического порядка в современном политическом пространстве России представляется одной из неоднозначных проблем как в плане теоретического осмысления, так и понимания технологий и средств его проектирования и воплощения. Если политическое пространство рассматривается как совокупность полей и практик (учитывая сложности их структурной дифференциации), то конструирование предполагает определение целей и исходных позиций акторов, средств (PR и рекламных технологий), ресурсов. Конструирование политического порядка как технология культурно-символической политики осуществляется по различным векторам деятельности акторов. Наиболее перспективными для политических партий, как свидетельствует опыт последних двух десятилетий, представляются:

- переконструирование политического поля акторами, обладающими символическими ресурсами;
- мобилизация сторонников и расширение электоральной базы политической организации;
- увеличение политической ренты.

Первое из направлений реализуется в процессе символического давления с целью переформатирования политического порядка, ослабления позиций оппонентов. Второе ориентировано на «мажоритарность», получение поддержки и доверия электората, увеличение числа сторонников с целью увеличения возможностей влияния по актуальным сферам политической деятельности (примат силы). Третье – выстраивание отношений с действующей властью исходя из тех возможностей и ресурсов, которые оформились в результате продвижения акторов в политическом поле.

Каждый из политических акторов (имеется в виду довольно широкий спектр: партии, протопартии, группы интересов[35]) стремится к увеличению культурно-символического ресурса в целях обретения «власти как стихии» (К. Шмидт), тем самым пытаясь максимально легитимизировать себя в политическом пространстве. В предыдущие исторические периоды такие культурные символы власти как корона, трон, скипетр, держава, одежда (королевская мантия), знамя, ритуалы и церемонии и др. представляли атрибуты легитимизации не только в рамках властвующей элиты, но и являлись средством властной коммуникации с населением. Одновременно в народных массах доступными в тот период коммуникационными средствами реализовывалась мифология о мудром и справедливом правителе, проявляющем заботу о народе. Согласно данной схеме помехи ему, правителю, создают интриганы и корыстолюбцы из его окружения и т. п. Понижение символического ресурса осуществлялось с помощью политических анекдотов[36], слухов о коррупционных делах, подозрений в нечестности, амаральных связях и т. д. Таким образом, осуществлялась атака на имидж с целью разрушения и минимизация символического капитала, формирования недоверия к легитимности существующего порядка.

Отдельным символическим ресурсом возможно и необходимо рассматривать и политическую лексику (семантические войны в политическом дискурсе), однако это требует отдельного исследования в рамках политической лингвокультурологии[37].

Современные информационные ресурсы, не меняя по сути содержания политических посланий, существенно расширяют возможности как наращивания, так и утраты символического капитала. Крис Касперски не без оснований полагает, что хакерские технологии атаки на человека (рассматриваемые в качестве *социальной инженерии* (*social engineering*)[38], обозначают любые способы психологического воздействия на человека, как то: *введение в заблуждение* (обман), *игра на чувствах* (любви, ненависти, зависти, алчности, в том числе и *шантаж*).

В числе хакерских технологий социальной инженерии «введение в заблуждение» (обман), включающей техники и цели: выдачи себя за другое лицо, отвлечения внимания, нагнетания психологической напряженности; получение несанкционированного доступа к конфиденциальной информации и уход

---

[35] В данном случае не указываются СМИ т. к. они также отражают позиции групп интересов.

[36] Каган М. С. Анекдот как феномен культуры // Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: 2002. С. 5–16.

[37] Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.html (дата обращения 05.09.2017); Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.; Горбачев, Е. В. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления // Вестник СамГУ: Языкознание. 2000. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2000web3/yaz/200031203.html (дата обращения 05.09.2017).

[38] Касперски К. Секретное оружие социальной инженерии [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/kasp_sekret.php (дата обращения 05.09.2017).

от ответственности путем перевода подозрений на постороннее лицо, рассылка спама, содержащего политически-ориентированную или компрометирующую информацию. Системные администраторы, «маски», блогеры обретают реальные ресурсы манипуляции общественным мнением. Данный фактор не всегда адекватно учитывается имиджмейкерами и политтехнологами политических партий, хотя, на первый взгляд, к созданию символического продукта хакерские технологии прямого отношения не имеют. Однако формирование «символического информационного имиджа» в сетях неизбежно обретает значимость в качестве компонента культурно-символической практики.

Значительный символический ресурс представляет и обращение к образам личностей (далеко не бесспорное, например КПРФ – Ленин, Сталин), являющихся обобщенными символами национальной истории и культуры, олицетворяющих ее духовное ядро, политические и военные успехи, достижения, концентрирующие представления народа о желаемом будущем или рефлексирующим к символическому капиталу прошлого. Обладая харизмой и сакральным статусом, образы таких людей являются обобщенными символами национальной истории и культуры, олицетворяют ее духовное ядро. В культурно-символической политической практике они используются в качестве духовных референтов, символов побед, достижений и надежд, неявно предлагающим избирателям проект лучшего будущего.

Обозначенные основные компоненты символического потенциала политических партий могут быть представлены также в системе показателей, примерно отражающих его уровень. Предлагаемая матрица позволяет осуществить сравнительный анализ как по качественным характеристикам символического потенциала политических партий, так и по его уровням. Девять градаций позволяют с относительной степенью надежности констатировать символический потенциал каждой партии и оценить возможности его реализации в политической практике.

Таблица 1.1
Проект матрицы оценки символического потенциала политической организации (партии)

Политическая организация	Культурно-символический ресурс	Электоральная база	Политическая рента
Высокий уровень	31–40	21–30	41–60
Средний уровень	16–30	11–20	21–40
Низкий уровень	1–15	1–10	1–20

Каждый из качественных показателей предполагает наличие ряда критериев. К символическому ресурсу возможно отнести: идеологические конструкты; харизматичность лидеров; политическую рекламу; позиционирование референтных образов, устойчивость к информационным атакам, вбросам, заведомо ложной информации.

Электоральная база характеризуется: стабильными группами социальной поддержки; связями с группами интересов; возможностями рекрутирования новых сторонников и мобилизации имеющихся на активные действия.

Политическая рента, впрямую связанная с двумя предыдущими показателями характеризуется реальным доступом к власти; информационными ресурсами; взаимоотношениями с правящей элитой; возможностями лоббирования и теневого влияния; международной поддержкой; финансовыми возможностями.

Таблица 1.2
Проект карты эксперта

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС	**КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТА**
Харизматичность лидеров 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Эффективность политической рекламы 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Позиционирование референтных образов 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Устойчивость к информационным атакам 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ БАЗА	
Стабильные группы социальной поддержки 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Связи с группами интересов 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Возможностями рекрутирования и мобилизации новых сторонников 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕНТА	
Реальный доступ к власти 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Информационный ресурс 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Взаимоотношения с правящей элитой 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Возможности лоббирования и теневого влияния 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Международная поддержка 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Финансовые ресурсы 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	

Данная матрица (заполняемая на основании экспертных оценок[39]) на основании ряда показателей по каждому из векторов культурно-символической политики, в известной мере, призвана отразить символические ресурсы акторов в границах партийной системы. В настоящее время, особенно после парламентских выборов 2011и 2016 гг. и совершенствованием законодательства, относящегося к политическим партиям, вполне возможно рассматривать действующие политические партии как сложившиеся политические структуры.

Экспертная оценка каждого параметра по определенной шкале (10 бальной, но не обязательно) может с определенной степенью надежности констатировать символический потенциал политической организации (партии), позволит проанализировать культурно-символическую политику как систему, связанную с конструированием и легитимизацией политического порядка.

Рамки темы исследования ограничивают рассмотрение проблемы в границах деятельности политических партий. Вместе с тем полагаем возможным использование заявленного в ней подхода для анализа символического потенциала широкого круга акторов, в том числе протопартий, транзитеров, групп интересов.

Сложность и противоречивость современной политической ситуации в России, обусловленная особенностью становления и развития новых социальных институтов и организаций, требует научного осмысления на основе применения современного инструментария социально-политического анализа. Изучение идеологических позиций акторов, социальных ожиданий различных электоральных групп, особенностей продвижения символического политического продукта, ценностных моделей, характера взаимодействия внутри политической элиты требует нового концептуального ракурса анализа процессов формирования политического порядка в современной России.

Этим объясняется необходимость опоры на методологические подходы, позволяющие интерпретировать сложные социально-политические реалии с позиций технологий действий политического руководства по конструированию политического порядка, легитимации и ограничения насилия, механизмов формирования и функционирования господствующей коалиции и ряда других. Представляется, что такой концептуальный анализ возможно осуществить на основе теории неоинституционализма, рассматривающей политические процессы с позиций категорий «социального порядка», государств «открытого» и «ограниченного доступа», технологий осуществления насилия внутри правящей коалиции и элиты по отношению к гражданам, механизмов манипулирования экономической системой для создания ренты, которая обеспечивает политический порядок.

Институциональный порядок, как фундаментальная методологическая парадигма, включает ряд различных по своему содержанию подходов. Это «структуралистский подход» в объяснении институционализации порядка (концепция «социальных фактов» Э. Дюркгейма), нормативной трактовки институтов

---

[39] Данные матрица и карта эксперта представляют опорный модельный вариант, который может быть расширен, дополнен как показателями, так и данными, полученными иными социологическими методами.

(А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский), социальных систем и нормативного порядка (Т. Парсонс, Э. Шилз), социального и институционального порядка (П. Бергер, Т. Лукман). Структуралистский подход исходит из приоритета общества над отдельным индивидом. Общество (социальные структуры) – это объективная данность, включающая в себя нормы, ценности, идеи, правила, нормативные соглашения, и имеющая устоявшиеся социальные и психологические устройства, упорядочивающие совместное общежитие индивидов.

Второй подход в описании институционального порядка можно обозначить как «экономоцентристский», или «экономический подход» (Д. Норт, Д. Бьюкенен, Г. Таллок). Опора на теорию рационального выбора, обусловливает главенство индивида (рационального актора) с его предпочтениями, ожиданиями, потребностями, вступающего в социальные взаимодействия и находящегося в ситуации неопределенности. Поскольку индивид всегда руководствуется собственными выгодами, то возникает потребность в установлении неких «общих норм поведения», снижающих неопределенность индивида, и выступающих ограничивающими структурами, которые организуют рациональное взаимодействие между людьми. Этими структурами и являются *институты*. По мнению ведущих теоретиков социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана: «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода… Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия»[40].

Дуглас Норт, опираясь на рациональный подход, разделяет организации (как акторов) и институты как таковые. Если организации у Д. Норта выступают объединением людей для достижения какой-либо цели, то институт – это «правила игры», по которым протекает взаимодействие между акторами»[41]. Исследователь институциональных практик П. В. Панов, в свою очередь, отмечает: «Институциональная практика – такие взаимодействия между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как «типичная» они относительно устойчиво воспроизводят принятые и коллективно осмысленные в данной социальной группе правила поведения»[42].

В процессе создания культурно-символического политического продукта и его дальнейшего продвижения политическими акторами, как правило, речь идет о перманентной неготовности, неприемлемости российским обществом каких-либо существенных перемен. Особенности менталитета, построенного на отрицании слияния традиций рынка с культурным контекстом общественной жизни, патернализме, потребности в «сильной руке», призванной навести политический порядок, делают структуру политических ожиданий общества доста-

---

[40] Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 92.

[41] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 19–20.

[42] Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. С. 63.

точно консервативной и слабо подвижной. С другой стороны, ориентации части политической элиты зачастую идут в разрез с политическими представлениями и ожиданиями основной массы населения.

Применяемый идеологами руководства современных развитых государств культурно-символический инструментарий политического насилия, политико-информационные технологии являют собой различные способы легитимации социального порядка. Однако их использование, так или иначе, нарушает принцип свободы волеизъявления граждан. Ввиду неприятия обществом открытого насилия власть «снимает» проблему изнутри используя символическое насилие, наполняя понятия «управление», «руководство», «менеджмент» авторитарным смыслом[43].

В государствах ограниченного доступа или же «естественных государствах», к числу которых ряд западных исследователей относят и современную Россию, политические партии и организации не играют ведущей роли производителей идей и «борцов за власть», т. к. не являются независимыми институтами в том смысле, что существуют в тесной связи с государством. Независимость может сохраняться лишь в том случае, если партии не претендуют на раздел ренты или политическое влияние. Монополия на легитимное насилие остается в руках правящей элиты. «Переход к порядку открытого доступа, когда механизмы конкуренции на всех уровнях экономики и политики сменяют механизмы привилегий и ренты»[44], не представляется возможным в ближайшей и среднесрочной перспективе. Российские политические партии все еще сильно связаны с личностями, являются излишне персонифицированными в отличие от партий Европы, где харизма, пассионарность в политике уже давно отошли на второй план.

Это заставляет партийных политтехнологов придерживаться линии на модернизацию образов уже продвинутых, популярных персоналий, применение новых символических форм, направленных на поддержание их политического капитала. В связи с этим адаптивная эффективность партий и политических организаций, т. е. способность реагировать на изменения внешней среды, значительно снижается.

С другой стороны, зависимость от предшествующего развития партии значительно возрастает. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов в своих публичных выступлениях нередко ссылается на советский опыт и достижения коммунистической партии, апеллируя к уже достигнутым успехам как символическому инструментарию, оформляющему легитимацию проведения нового левоцентристского курса. Подобная зависимость проявляется и в дискурсе идеолога и руководителя партии ЛДПР Владимира Жириновского, выделяющего в перечне ее главных заслуг долгожительство на политической арене России (более 25 лет) а также неоднократное участие самого В. В. Жириновского в президентских выборах, включая первые выборы президента РФ 12 июня 1991 г.

---

[43] Кузина С. И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире. Ростов-на-Дону, 2010. С. 4.

[44] Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 18.

Политические акторы, с целью повышения их адаптивной эффективности, все чаще прибегают к приему гипостазирования, придания абстрактным понятиям сущностного значения. Применяется регулярная отсылка к безличным благам характеризующим, как правило, общества открытого доступа, таким как: свободная пресса, открытая конкуренция со стороны оппозиции, развитое гражданское общество.

Залогом конкуренции в политике, в ситуации открытого доступа, является сильная оппозиция, обеспечивающая контроль в сдерживании амбиций элит и получении ренты. В фундаментальном труде «Насилие и социальные порядки», посвященном изучению функционирования «естественных государств» и государств «открытого доступа», группа ученых в лице Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста приходят к выводу: «Политическая конкуренция также создает сильные стимулы для тех, кто находится у власти, для проведения такой политики, которая способна разрешить проблему; те, кто не может этого сделать, рискуют потерять власть»[45].

Что касается порядков ограниченного доступа, то здесь центральной характеристикой политических институтов являются личные отношения. Экономические и политические решения принимаются «взирая на лица», что и приводит к многолетней несменяемости партийных элит в России (Г. А. Зюганов, В. В. Жириновский и др.) и, как следствие, всецелому сращиванию (политическому и экономическому) с государственной властью. Это и делает российскую оппозицию малоэффективной, более направленной на поддержку системы сдержек и противовесов, нежели чем на реальную политическую борьбу.

Таким образом, адаптивная эффективность в процессе создания политического продукта характеризуется способностью партий и политических организаций реагировать на изменения внешней среды, а также их зависимостью от собственного предшествующего развития.

По-разному в технологии создания культурно-символического политического продукта партии подходят к рассмотрению проблемы формирования политического порядка, и механизмов его поддержания в государстве. Проблема порядка и его обеспечения относится к фундаментальным вопросам осуществления государственной власти, а также имеет ключевое отражение в программах политических партий. «В общественно-политических дискуссиях порядок ассоциируется с управляемостью, способностью властей добиваться подчинения, обеспечивать безопасность и общественное спокойствие»[46]. Это означает, что концепт «политический порядок», как нормативный идеал имеет большее отношение к консервативному полю политического противодействия, и подразумевает стабильность институтов.

С другой стороны, либеральное поле политического противодействия рассматривает порядок как некую обязанность государства, при этом отрицая излишнее вмешательство государственных институтов в его осуществление. Тем

---

[45] Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 259.

[46] Панов П. В. Политический порядок: проблема концептуализации. М.: 2011. С. 3.

не менее, институционализация политического порядка подразумевает наличие центра власти для принятия решений, учитывая сложные процессы аккумулирования социальных порядков в различных социальных группах и выработки моделей поведения и культурных индикаторов для макроколлектива.

Успех политической партии или лидера на выборах, во многом, зависит от занимаемой позиции в отношении политического порядка. В этой связи очень показателен результат генерала А. Лебедя, участвовавшего в президентских выборах 1996 г., и получившего по итогам выборов около 11 миллионов голосов (14,52%). В сознании части электората он ассоциировался с человеком «способным навести порядок» по принципу армейской дисциплины и устойчивости, настоящим боевым военачальником, готовым «взять страну в свои руки». А. Лебедь играл на «правом» поле политического противодействия, олицетворяя собой консервативную государственническую традицию в отношении политического лидерства, в отличие от Г. А. Зюганова, которого СМИ старательно представляли в образе ретроградствующего реакционера, способного осуществлять политический порядок лишь «по-зюгановски», т. е. старыми репрессивными коммунистическими методами. В силу данного обстоятельства платформа Г. Зюганова обретала в сознании масс реакционный характер, оставляя ему леворадикальное поле политического противодействия. Тем не менее, в структуре политических ожиданий общества, на тот момент, социальный дискурс лидера КПРФ находил гораздо больше понимания и сочувствия, нежели дискурс его оппонентов.

Понимание «социального порядка» в политической культуре и его взаимосвязи с созданием символического продукта по разному трактуется в социологических и политологических исследованиях.

П. Бергер и Т. Лукман под социальными порядками понимают «человеческий продукт», «непрерывное человеческое производство». Исследователи отмечают: «Он существует лишь как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт»[47].

Ведущий теоретик неоинституционального подхода Д. Норт под социальными порядками понимает модель социальной организации, характеризующуюся тем «как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации»[48]. При этом стоит отметить, что как теоретики структуралистских концепций, так и представители теории

---

[47] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 88–89.

[48] Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 40.

рационального выбора противопоставляют категории «социальный порядок» и «политический порядок». Сторонники экономического подхода выделяют политический порядок как разновидность социального, в котором принимаются руководящие решения по публичным вопросам. Структуралистское видение (Т. Парсонс) подразумевает наличие микро и макроуровня социальных взаимодействий.

Политический порядок, также, может рассматриваться как условие социальных порядков. По определению П. В. Панова «ключевая идея здесь в том, что социальное конструирование порядков в отдельных социальных группах одновременно предполагает (и в качестве условия, и в качестве результата) социальное конструирование политического порядка»[49].

В программных документах и заявлениях современных политических партий и организаций России наблюдается серьезная полярность мнений по фундаментальным вопросам организации социального порядка. В зависимости от идеологических воззрений той или иной партии, предлагается либо полная замена или реконструкция существующих институтов, включая смену формы правления и государственно-территориального устройства (программа ЛДПР), национализация минерально-сырьевой базы, т. е. огосударствление всех природных ресурсов страны (программа КПРФ), либо умеренные политические и экономические реформы, предлагаемые, например, партией «Яблоко».

Возможно констатировать тот факт, что ряд парламентских партий России до сих пор окончательно не договорились по вопросам структуры и содержания такого важнейшего института, как Конституция, и его соответствия убеждениям и предпочтениям основной массы людей. Эта специфическая особенность, во многом, и является камнем преткновения в вопросе сменяемости государственной власти в России, в отличие от развитых демократий, в которых политические элиты, несмотря на разницу в идеологических платформах, не стремятся к смене сложившейся политической системы страны, а спорят, в основном, по частным вопросам. Данное обстоятельство и обеспечивает регулярную и безболезненную сменяемость власти в государствах открытого доступа. Правда, кампания по выборам президента США 2016 г. (Д. Трамп) и последующие события заставили многих усомниться в устойчивости политической системы, апологеты которой считают ее образцовой моделью демократического общественного устройства.

В то же время стоит отметить, что все ведущие политические силы Российской Федерации имеют единое мнение по многим ключевым вопросам осуществления государственной власти, таким как: сохранение целостности территории страны, необходимость борьбы с экстремизмом и сепаратизмом, противодействие наркотрафику и коррупции, разжиганию этнической и религиозной розни.

В политической культуре общества социальный порядок – это всегда институты и организации. Но если институт характеризуется набором элементов, та-

---

[49] Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. С. 76.

ких как: правила, нормы, убеждения и организации, то последние целесообразно выделить в отдельную подсистему. Организации, в ситуации открытого доступа, создаются отдельными свободными индивидами с целью участия в разнообразных видах экономической, политической и общественной деятельности. В данном случае «надзор» со стороны государства, в основном, сведен к минимальным требованиям при их регистрации.

В отношении социального порядка в России необходимо отметить тот факт, что уровень добровольного объединения в организации и ассоциации относительно низок, а уровень применения легитимного насилия со стороны власти достаточно высок. Но с возрастающими политическими потребностями общества возрастает и параллельный рост популярности тех оппозиционных партий и движений, которые либо выставляют на передний план проблему либерализации социального порядка, требование более свободного доступа к институтам и организациям, либо требуют осуществления жесткой политической практики. Необходимо признать, что в современной ситуации, с учетом внешних факторов, наиболее оптимальным для политического развития, сохранения культурных кодов и суверенитета России представляется вариант общества «ограниченного доступа».

В результате возможно констатировать:

1. В политической культуре России нерациональные факторы (мифы, образы прошлого, историческая память и др.) сохраняют большее значение в связи с возможностями их воздействия на массовое сознание и поведение граждан. Это определяет основные стратегии применения политических и социокультурных практик, ориентированных на сохранение и изменение аксиологического ядра культуры. Такими практиками являются:

- создания в глобальном и локальном коммуникационном пространстве мифологизированных массовых образов потребляемых вещей и соответствующих ценностно-символических систем и социокультурных стилей (консьюмеризм);
- искусственного создания и подтасовывания образов прошлого, целенаправленного формирования политической мифологии как одного из средств аксиологической деформации (культурно-символической деконструкции) культурного пространства;
- конструирования реальности на основе культурных кодов, мифов с учетом габитуальных ориентаций социальных групп и отдельных индивидов, формирования на данной основе институциональных оснований политического порядка.
- политические мифы выступают важнейшими системообразующими факторами культуры. Их потенциал заключается в определенной иррациональности, возможности влияния на область «коллективного бессознательного». Миф активно формирует реальность, воздействует на социокультурную практику «производства мнений» в СМИ и сетях, определяет дискурс по актуальным проблемам современности. Роль мифов заключается в возможности формирования массовой индоктринальной идентичности.

3. В современной российской действительности противостояние политических организаций, все более обретает культурно-символические формы, что отражает объективный вектор развития демократических процессов. Эффективное решение конкретных политических задач на поле идеологического противодействия становится возможным посредством формирования культурно-символического политического продукта и его эффективного продвижения политическими акторами. Его создание осуществляется по векторам: формирование символического ресурса с целью переконструирования политического поля акторами; мобилизации сторонников и расширения электоральной базы политической партии; увеличения политической ренты.

4. Современная российская политическая система конструируется культурно-символическими средствами организации социального порядка и легитимизации насилия. Практики и технологии политического взаимодействия внутри элит, в том числе и символического, в большей степени отражают стремления к контролю экономической системы для создания ренты, которая обеспечивает сложившийся на данный момент политический порядок.

5. Проблема формирования культурно-символического политического порядка для России решается в аспекте приятия или неприятия моделей государства естественного или открытого доступа. В силу природно-географических и историко-культурных условий России, сложностей международной обстановки, общественное мнение склоняется к точке зрения неприятия модели открытого доступа, аргументируя это тем, что данное положение может обернуться дезинтеграцией социального порядка, угрозой национальной безопасности. Данная позиция представляется вполне логичной и обоснованной на данном этапе развития российской политической системы. Стабилизация, консервативные общественные настроения обеспечивают «баланс сил», в то же время, усиливают возможности культурно-символического политического взаимодействия в рамках существующей политической системы, что, в свою очередь, является фактором ее дальнейшего конструктивного демократического развития.

1.3. «Политический текст» как форма экспликации и репрезентации национально-культурной специфики

В современной политической культуре общества текст как средство коммуникации, хранения и трансляции информационных кодов должен обладать определенными свойствами, позволяющими ему оказывать необходимое воздействие на реципиентов. Монологичность политического текста, несмотря на четкое наличие автора и адресата, обусловлена его целевым характером. Задача текста – побудить получателя информации верно декодировать сообщение, интерпретировать смысл и начать действовать в соответствии с авторским замыслом. Текст в политической культуре позволяет трансформировать прошлое в «образы прошлого», интерпретировать исторические события и факты, формировать политическую мифологию. Посредством текста осуществляется экспликация и репрезентация компонентов, отражающих национально-культурные осо-

бенности, менталитет, глубинные антропокультурные основания сложившихся общественных институтов.

Политические тексты представляют собой, в определенном смысле, информационно-насыщенные объекты обладающие сильной энергетикой. Являясь основным информационным ресурсом политических практик тексты отражают и формируют культурный контекст (лат. contextus – тесная связь, соединение, согласование) социума, иными словами социокультурную реальность, включающую ментальные, психологические, ценностно-смысловые компоненты. Задача политического текста – провоцировать диалог между его реципиентами и эксплицировать информационные «поля сознания», формировать концепцию окружающей действительности. Гипертекстуальность, в силу ее многоуровневой организации посредством информационных сетей, фрагментарности и нелинейности позволяет «креатировать» политический текст (информационный вброс) множественностью интерпретаций, содержащихся в ссылках, что способно консолидировать или разрушать заложенный в нем первоначальный смысл. Потенциал многоуровневого текста (контекст и гипертекстуальность) заключается в возможности быстрого и эффективного влияния на умы и настроения электората.

В популярном издании «Речи, изменившие мир»[50] составители отмечают, что слова могут изменить историю человечества. Речи, произнесенные Махатма Ганди, Че Геварой, Мартином Лютером Кингом, Владимиром Лениным, Уинстоном Черчиллем и др. описаны на этих страницах в моменты триумфа, к которому они шли всю жизнь. С содержанием их выступлений можно спорить, но выдающаяся харизма каждого из ораторов, реализованная в контексте конкретной ситуации, определила последующие крупномасштабные политические изменения.

В процессе социального конструирования политической реальности текст, о чем говорит возросшее внимание к такому направлению политологии как «политическая лингвистика», играет весьма значительную роль. Политический текст как специфическая форма дискурса представляет особую подсистему языка, ориентированную на пропаганду тех или иных политических идей и решений, идеологий и социальных практик в условиях амбивалентности общественных настроений. Политический текст представляет собой эмоционально насыщенный и семантически оформленный комплекс логически выстроенных идей, выраженных в конкретных политико-мировоззренческих установках. При этом, реципиент (аудитория политического текста) имеет ряд специфических признаков, отличающих ее от аудитории других текстовых жанров. Это особое эмоциональное состояние и готовность к восприятию информации, габитуальные ориентации, потребность в получении ответов (как правило, простых и непротиворечивых) по актуальным проблемам бытия, определенная готовность к акционистским действиям.

Любой политический текст, в зависимости от идеологических задач, обладает определенным спектром лексических и риторических средств (терминология, клише, лозунги, стереотипы), которые доступны и воспринимаются только

---

[50] Речи, изменившие мир: 55 важнейших выступлений в истории. М.: Эксмо, 2014. 384 с.

той аудиторией, которая «владеет ключом» к пониманию данных категорий. Ведущими средствами политического текста являются непротиворечивое убеждение и эмоциональная некогерентность. В первом случае предлагается логически выстроенная цепь из фактов и сопутствующих оценок, предлагающих объекту политического воздействия «самому сделать правильный выбор», но по существу закладывающая «правильный ответ» в диалектически выстроенном тексте политического сообщения. Во втором случае актор подвергается противоположному воздействию (чувственной экспансии), выраженному в скрытом отсутствии логических связей между выдвинутыми утверждениями и положениями, но взывающему к таким естественным для человека чувствам как страх, горечь, сочувствие, ненависть, солидарность и т. д.

Культурно-символическая составляющая любого политического текста выражается в конкретных образах, имплицитно присутствующих и формируемых из прямых характеристик, оценок и априорных смыслов, лежащих в основе тех или иных идеологических постулатов. Автор текста формирует определенную картину мира с определенной системой ценностных установок, императивами общественной морали, нормами поведения и проектами социально-политических реформ. В культурно-символическом компоненте политического языка, так же, фигурирует прием «априорных утверждений». К примеру, такие распространенные фразы-утверждения как «универсальные права человека», «свобода слова», «право наций на самоопределение», «агент пятой колонны», «казарменный социализм», «капитализм с человеческим лицом» и т. д., хоть и рефлексируются в массовом сознании, часто не имеют какого-либо сущностного (овеществленного) значения. Несмотря на то, что многие фразы-утверждения имеют вполне официальный статус и закреплены в международных правовых документах, в зависимости от национально-культурной специфики могут восприниматься и оцениваться по-разному. Процесс приписывания «абстрактным понятиям самостоятельного существования... в другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо»[51] носит название «гипостазирование».

Ключевой целью выступают увеличение числа сторонников и расширение электоральной базы конкретной политической силы, являющейся заказчиком текста. Культурно-символический компонент политического текста условно можно разделить на две категории:

1. Объективно-сформированный;
2. Субъективно-воспринимаемый.

Речь идет о том, как реципиент должен, по замыслу автора, воспринимать политический текст, и как он его реально воспринимает.

Политический текст обладает конвенциальными и регулятивными свойствами. Любой общественный договор невозможен без конкретного текстового выражения, определяющего «правила игры» в процессе социальной коммуникации. К примерам текстового оформления общественного договора можно отне-

[51] Кара-Мурза С. Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. С. 99.

сти Конституцию, свод законов, правила этики и т. д. Текст выступает как средство регулирования социального взаимодействия, побуждающего к активности, и в то же время ее ограничивающее. Бинарность функций политического текста связана со сложной диалектикой общественного развития: формированием и ликвидацией институтов власти и общества, устойчивостью архетипов и сменяемостью экономических формаций, менталитета и наднациональных образований.

Политический текст представляет собой особую культурную форму органично отражающей этос и менталитет определенного социума. Малоэффективна экспликация ряда универсалий типа «свобода слова», «права человека» и ряда других в силу именно культурных факторов. Так в культуре ислама полное подчинение заповедям Аллаха является императивом, не подлежащим сомнению. Мусульмане не верят в понятие свободы слова, так как их помыслы и действия определяются божественным откровением, не основываются на желаниях людей. Также существует своя, мусульманская декларация прав человека.

В православии такими императивами выступают понятия духовность, совесть, милосердие. В российском массовом сознании ценится и уважается свобода слова, но крайне негативно воспринимается «свобода лжи» и «свобода осквернения».

В культуре народов Кавказа в качестве императива выступает понятие чести, тесно интегрированное с достоинством рода. Правовое сознание доминировано мнением главы рода или совета старейшин. Современные западные концепты, объясняющие данные факты с позиций противостояния типов традиционного и постиндустриального общества (обладающие расистским оттенком), практически игнорируют и отрицают право на культурную самобытность многих народов.

Представляющие более трети населения планеты китайская и индийская цивилизации, опирающиеся на многовековые культурные традиции, в современном мире являют собой преимущественно адаптивно-адаптирующие модели развития. Многолетнее колониальное влияние незначительно воздействовало на жизненный уклад, мировоззрение, ценностные ориентации определяемые культурными кодами и топосами[52].

Аналогичные факторы императивных предписаний действуют и на уровне различных клановых и даже корпоративных субкультур.

В политической культуре России одним из наиболее напряженных «проблемных узлов», уходящим в историческое прошлое и активно эксплицируемого в политических текстах на протяжении очень длительного периода, является проблема политического насилия и его легитимации. Правозащитные и историко-культурные объединения склонны рассматривать ее в сложной системе отношений государства и общества, гражданских прав и свобод, художника и власти, свободы слова и самовыражения. Сложность и неоднозначность интер-

---

[52] Понимаемые в культурологическом и социологическом смыслах как склонности, предпочтения, знаковые слова какой-либо социальной группы (формирующееся, не общепринятое значение).

претаций в политических текстах данной проблематики также связана с периодически поднимающимся градусом напряженности в обществе и международных отношениях по темам жертв, репрессий, насилия.

Еще одной актуальной областью политического дискурса является проблема контроля власти, распределения политической ренты и борьбы за электорат. Здесь политические тексты обретает характер концептуально насыщенных, довольно сложных конструкций, используемых в дискуссиях профессионалов. Тексты изобилуют материалами социологических исследований, профессиональной терминологией, обращением к научным теориям и изложением взглядов видных ученых и представителей экспертных сообществ.

Оценить роль текстов в формировании политической культуры может позволить контекстуальный обзор вышеобозначенной проблематики, связанной с различными аспектами реализуемых практик.

Текстуальный культурно-символический продукт по отношению к насилию, его форме и допустимости в государстве напрямую связан с тем, какую позицию политические акторы занимают по данному вопросу. «Проблема политического насилия для России имеет особое значение в виду его большой роли на всех ее исторических этапах – и в период становления российского государства, и расцвета абсолютной монархии, и в период тоталитаризма, и в современных условиях»[53].

Анализ данной проблемы, зачастую, начинается с изложения в текстах знаменитой точки зрения М. Вебера, отмечающего, что «государство – это организация, обладающая монополией на легитимное применение насилия»[54].

Чаще всего в политических текстах практикуется опора на подход, разработанный в рамках неоинституционализма, в рамках которого разделены способы ограничения насилия в естественных государствах и в политических системах (порядках) открытого доступа.

Политический дискурс разворачивается по проблематике типов государств – естественного (ограниченного) или открытого доступа и практиках применения насилия в этих системах. Вполне обоснованно можно полагать, что в российском политическом дискурсе утвердилась точка зрения о том, что естественное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. «Так политическая система естественного государства манипулирует экономической системой для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок»[55]. В сущности, ограничение насилия упирается в необходимость обеспечения ренты для всех участников господствую-

---

[53] Кузина С. И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире. С. 4

[54] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

[55] Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. С. 64.

щей коалиции. В данном случае надо пояснить, что под рентой понимается отдача от экономического актива, использованного самым оптимальным способом, т. е. с максимальной отдачей.

Применяя данную методологию при анализе российских реалий, можно констатировать, что развитие политической системы нашей страны соответствует логике становления естественного государства. Парламент, формально призванный осуществлять посредническую деятельность между гражданами страны и властными структурами, по сути, представляет собой институт регулирования противоборства экономических интересов, направленных на распределение ренты. Политический дискурс партий и соответствующие тексты зачастую замыкаются на вопросах финансового обеспечения, на взаимных обвинениях в «нечистых деньгах» и принадлежности к «агентам запада». Но при всей видимости острой неприязни, ни одна политическая сила не идет на какие-либо серьезные меры конфронтации и делегитимации сложившегося политического порядка. Наличие мест в Государственной Думе, равно как и в региональных парламентах, напрямую влияет на процесс распределения ренты. Все задействованные в этом процессе политические акторы, члены господствующей коалиции, объективно не заинтересованы в смене сложившегося порядка, а лишь в упрочнении своих позиций в нем.

В данном контексте интересен пример оценки президентских выборов 1996 г. в России. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов, имея серьезные правовые основания оспорить результаты второго тура выборов и ввязаться в серьезную борьбу за власть, которая могла обернуться его победой, или арестом и запретом партии, отказался от прямого политического конфликта, сохраняя за КПРФ возможность дальнейшего участия в распределении ренты. Схожая ситуация сложилась вокруг попытки импичмента президенту Борису Ельцину в 1999 г. Остро публично критикуя власть и президента на протяжении всего периода нахождения партии в думе, фракция ЛДПР (за исключением нескольких депутатов) не поддержала ни одного из пунктов обвинения, тем самым не допустив прохождения импичмента и сохранив как свои привилегии, так и сложившуюся систему контроля над насилием. В связи с этим можно сделать вывод, что в государствах ограниченного доступа элиты имеют сильные стимулы к тому, чтобы контролировать применение насилия по отношению друг к другу.

Описывая логику политического взаимодействия в естественных государствах, Д. Норт отмечал: «Поскольку господствующая коалиция в любом естественном государстве является партнерской организацией, неизбежность мира не обеспечена: мир зависит от баланса интересов, создаваемого процессом создания ренты»[56]. При это следует отметить, что электоральная поддержка в данных процессах принимает символический, номинальный характер, выступая скорее инструментом легитимации политического порядка для самой господствующей коалиции, нежели чем для граждан.

---

[56] Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. С. 67.

В данном контексте представляет интерес исследование специалистов Аналитического центра Юрия Левады под названием «Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения». Исследование было проведенного в преддверии выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. В разделе «Ожидания избирателей и интерес к выборам» специалисты центра отмечают: «Большинство опрошенных с недоверием относились к тому, что выборы и новый думский состав смогут изменить положение дел в стране к лучшему. За этим скепсисом стоит низкий уровень доверия к Думе как самостоятельному институту, весьма слабая осведомленность о том, чем заняты депутаты». И далее: «Большинство избирателей были убеждены: речь идет не о всенародных выборах, а о борьбе бюрократических кланов за доступ к государственному бюджету, замаскированную под электоральный процесс и использующую избирателей для сохранения все той же власти»[57].

Примечательно, что согласно представленным ниже результатам лишь 34% опрошенных россиян считали, что будет происходить реальная борьба за власть и места в Думе, большинство же (51%) полагали, что будет продемонстрирована имитация такой борьбы, а распределение мест в Думе будет определено по решению властей[58]. Как видно из приведенных выше данных и оценок, говорить о преодолении электорального кризиса, равно как и повышении уровня доверия граждан к политическим институтам, пока не приходится. Тем не менее, интересен факт трансформации идеологических предпочтений россиян, приведенный в этом же исследовании (см. табл. 1.3).

Таблица 1.3
Каких политических взглядов Вы сейчас придерживаетесь?

	2005 Апрель	2011 Апрель
Коммунистические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства и пр.)	17	18
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики)	39	40
Аграрные взгляды (прежде всего необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	21	19
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать интересы русского народа)	14	12
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	12	12
Режим «твердой руки» (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	22	18
Другие ответы / нет ответа	14	13

N=1600

[57] Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. М.: Аналитический центр Юрия Левады Левада-Центр, 2012. С. 10.

[58] Там же. С. 11.

Источник: Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. – М. : Аналитический центр Юрия Левады Левада-Центр, 2012. – С. 14

По данным «Левада-центра»[59] августа 2016 г. рейтинг партии власти резко снизился. Согласно опросу в августе 2016 г. голосовать были готовы за «Единую Россию» 31% россиян по сравнению с 39% в июле.

Вместе с рейтингом партии падает и престиж ее формального лидера – Дмитрия Медведева. В августе его рейтинг снизился до 48%, в то время как в июле его деятельность одобряли 55% россиян.

На этом фоне рейтинг президента страны Владимира Путина достиг беспрецедентных 82%.

Опираясь на представленные в таблице данные, а также результаты выборов в Государственную Думу 2011 г.[60] и затем 2016 г. можно выдвинуть предположение о том, что в российском обществе на данный момент наиболее сильны «левые» социалистические настроения. Авторы исследования называют данный факт «логичной эволюцией патерналистского понимания отношений между государством и зависимым от него населением. Демократия, как и свобода, в глазах россиян не является сама по себе ценностью: она должна служить главным образом обеспечению определенного уровня жизни населения и защите его от произвола властей»[61].

Утверждение о патерналистском характере политических взглядов, отражаемых в текстах, справедливо, но не в полной мере характеризует сложившуюся структуру предпочтений. Дело в том, что социалистическая модель (как коммунизм, так и социал-демократия) в сознании масс является наибольшим гарантом от возможной дезинтеграции социального порядка, снижения социальной ответственности государства перед гражданами. Высокий уровень запросов на «социальную защиту» со стороны государства, несомненно, продиктован как предшествующим историческим развитием, так и серьезным расслоением по имущественному признаку. В связи с этим либеральные политические установки (укрепление принципов частной собственности и развитие рыночной экономики), как видно из таблицы, не приобрели большой поддержки. Тем не менее, как указывают в упомянутом отчете специалисты Левада-Центра[62] серьезную поддержку партия власти, риторика которой носит достаточно «правый» характер, хоть и в значительной степени наполнена социальной составляющей (которую исследователи обозначили как «популистская демагогия»), получает именно на «социальной периферии», в малых и средних городах. Там, где уровень жизни по всем показателям еще крайне да-

---

[59] «ЕдРо» и Медведев остались без ядерного электората [Электронный ресурс]. URL: http://newsbabr.com/msk/?IDE=149032 (дата обращения 05.09.2017).

[60] По результатам выборов в ГД в декабре 2011 года партии левого спектра (КПРФ и СР) получили в суммарном исчислении 32,43% голосов. В свою очередь КПРФ – 19,19%, СР – 13,24%.

[61] Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. М.: Аналитический центр Юрия Левады Левада-Центр, 2012. С. 14.

[62] Министерством юстиции РФ в 2016 г. «Левада-Центр» признан иностранным агентом.

лек от уровня жизни в мегаполисах. Это можно объяснить как серьезной экономической зависимостью регионов от федеральной власти, так и ментальными установками, консервативной структурой политических ожиданий общества.

Взрыв либерально-демократических настроений, произошедший в начале 90-х гг., был резко демпфирован под напором быстро меняющейся социально-политической обстановки. Это привело к тому, что уже на первых парламентских выборах в России 1993 г. победу одержала партия «ЛДПР» Владимира Жириновского (12 318 562 голосов, или 22,92%), политический дискурс которого всегда отличался реакционным консерватизмом. В свою очередь, спустя 2 года, на вторых парламентских выборах в России самой большой фракцией в Государственной Думе становится КПРФ (15 432 963 голосов, или 22,30%). Партия ЛДПР, за указанный период, сильно потеряла в электоральной поддержке, получив на выборах 1995 г. всего 11,18%[63].

В то же время пропрезидентские партии, ориентировавшиеся на поддержку действующего президента Бориса Ельцина (Выбор России, Наш дом – Россия), значительно уступали в электоральной борьбе. Если в 1993 г. за «Выбор России» Егора Гайдара голосовали 8 339 345 избирателей или 15,51%, то в 1995 г. за эту же партию свои голоса отдали только 2 674 084 россиян или 3,86% (потеря 11,65%). Что касается фракции «Наш дом – Россия», то по итогам тех же выборов в 1995 г. она стала лишь третьей с результатом в 6 666 402 голосов, или 10,13%.

По результатам парламентских выборов 1999 г. партия КПРФ вновь формирует самую большую фракцию в ГД (16 196 024 голосов, или 24,29%). Либерально-демократические силы СПС и Яблоко, по итогам этих выборов, получают всего 8,52% и 5,93% соответственно. Говоря о партии «Яблоко» Г. Явлинского стоит отметить тот факт, что начиная с первых выборов 1993 г., наблюдается стабильная тенденция в падении популярности партии, вплоть до не прохождения в нижнюю палату парламента в 2003 г. В данном случае рассматривается электоральный период 1990-х гг., т. к. в последующие годы произошел серьезный слом всей общественно-политической системы, и дальнейшие парламентские и президентские выборы, соответственно, политическая риторика были тесно связаны с личностью Владимира Путина, что требует отдельного рассмотрения.

Результаты выборов в Государственную Думу 2016 г. показали, что партия «Единая Россия» получает 343 мандата, КПРФ – 42 мандата, ЛДПР – 39 мандатов, «Справедливая Россия» – 23 мандата, «Родина» – 1, «Гражданская платформа» – 1. Один мандат получил кандидат, выдвинутый в порядке самовыдвижения»[64], что свидетельствует об устойчивой поддержке российским электоратом политики, проводимой руководством Российской Федерации.

---

[63] Надо заметить, что в период с 1993 г. произошло сильное разочарование избирателей в личности В. Ф. Жириновского. Триумфально победив на первых парламентских выборах, к 1999 г. уровень электоральной поддержки партии ЛДПР снизился практически на 17% (16,94%).

[64] ЦИК утвердил результаты выборов в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/election2016/20160923/1477668197.html (дата обращения 05.09.2017).

Можно сделать вывод о том, что, несмотря на попытки массированного использования либерально ориентированных текстов в целях трансформации России от порядка «естественного государства» к государству «открытого доступа», общество и его институты в массе своей не готовы к такому переходу ни технически, ни идеологически. Политические взгляды россиян, определяемые эпистемологической матрицей, неизбежно склоняются в сторону консерватизма на социалистических началах. Поскольку природа консерватизма довольно динамична, то в тот или иной период консерваторами становятся как партии левого спектра, так и сугубо правые или умеренно центристские партии, в зависимости от правящего статуса. Тем не менее, следует отметить, что тексты программ российских политических партий следуют, в основном, в тренде диверсификации классических политических схем, воспроизводя структуры «манипулятивных идеологий», выстроенных по принципу «сиюминутной электоральной выгоды», и ставящих своей целью охват как можно большего числа избирателей из различных социальных групп.

В сущности, программы политических партий, рассматриваемые как тексты культуры, охватывают почти все сферы человеческой жизнедеятельности. Но программы всегда выстроены исключительно со знаком «+». В данном случае речь идет о том, что практически не встречается в предложениях той или иной партии, например, призыва к сокращению социальных расходов, снижению довольствия силовиков или средств на ВПК, ограничению частной инициативы, понижению налогового бремени для богатых или малоимущих, отказу от поддержки соотечественников в странах СНГ, ограничению деятельности профсоюзов. По всем вышеперечисленным позициям, как и по ряду других, предлагается регулярное увеличение, поддержка, индексирование.

Более того, в случае декларации той или иной политической силой намерения, например, уменьшить налоговое бремя для обеспеченных слоев населения, заморозить минимальный размер оплаты труда (по принципу политики Р. Рейгана в США, Маргарет Тэтчер в Великобритании), или же сократить те или иные социальные расходы, данный актор рискует получить электоральное банкротство. В этой ситуации, какая бы политическая партия не стала правящей, правительство будет вынуждено брать на себя беспрецедентные социальные обязательства, помимо тех бюджетных расходов, которые направлены на администрирование этих финансовых потоков. С другой стороны, как мы видим из представленных статистических данных, запрос граждан на идеологии еще слишком высок, что сильно снижает адаптивную эффективность политических партий, вынуждая отвечать на электоральные сигналы. Но постулирование той или иной идеологии не является гарантом успеха на выборах, т. к. ни одна политическая сила страны в полной мере не отвечает запросам избирателей.

В последнее десятилетие, в процессе оформления новой власти в лице президента В. В. Путина и партии «Единая Россия», специфика социального конструирования символического политического порядка приобрела новые формы. Была определена установка на упорядочивание и структурирование политических и социальных институтов страны, выстраивание сложной административной иерархии, позволяющей стабилизировать работу всех ветвей государствен-

ной власти. В данный период возникают партийные концепции «Суверенной демократии», позднее «Российского консерватизма». Несмотря на то, что долгое время идеологическая идентичность партии была размыта, статус правящей президентской партии, всецело поддерживающей курс президента В. В. Путина, обеспечивал ей высокую поддержку.

Следует отметить, что указанный президентский курс успешно сочетал в себе элементы противоборствующих идеологий. В экономических вопросах программа правительства базировалась на достаточно либеральных позициях, хотя и вызывала вопросы теоретиков либерализма относительно излишнего государственного регулирования экономических процессов. Коммунистически настроенный электорат, напротив, поддерживал государственническую установку в отношении централизации власти, независимой позиции в международных вопросах. Что касается идеи «особого демократического пути с российской спецификой», то по статистическим данным Левада-Центра еще в 2005–2007 гг. она поддерживалась практически 50% опрошенных[65]. Есть основания полагать, что в последующие годы тенденция поддержки данной точки зрения усилилась.

Еженедельные измерения динамики электоральной поддержки российских партий, проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), демонстрируют устойчивую поддержку правящей партии. Приведем данные за март-апрель 2013 г. (см. таблицу 1.4).

Таблица 1.4
Динамика электоральных предпочтений россиян, в %[66]

	Март 24, 2013	Март 31, 2013	Апрель 7, 2013	Апрель 14, 2013	Апрель 21, 2013
Партия «Единая Россия»	45,3	44,3	43,6	44,3	**44,1**
КПРФ	11,9	11,9	11,6	11,6	**11,7**
ЛДПР	7,4	9,4	7,2	8,0	**7,1**
Партия «Справедливая Россия»	5,6	4,3	5,4	4,9	**5,9**
Затрудняюсь ответить	5,9	8,3	8,9	9,0	**9,3**
Не стал бы участвовать в выборах	19,8	18,4	18,3	18,4	**18,0**

На официальном ресурсе центра, под данной таблицей, можно посмотреть электронную схему динамики предпочтений россиян в отношении политических партий в период с февраля 2006 по август 2012 г. В целом наблюдаем устойчиво высокую поддержку партии власти, по сравнению с другими политическими силами. Самый кардинальный спад мы видим в декабре 2011 г. (до 35%), что вероятно было связано как с неуспешной для партии кампанией по выборам в Государственную Думу, так и широкими протестными настроениями, продиктованными результатами выборов.

---

[65] Левада-Центр. Демократия и оппозиция. URL: http: // www. levada.ru/press/2007121804.Html (дата обращения 05.09.2017).

[66] Источник: http://wciom.ru/ratings-parties/ (дата обращения 05.09.2017).

Данные за декабрь 2016 г. (см. таблицу 1.5) свидетельствуют, что кардинальных изменениях в предпочтениях российских граждан за практически 3,5 года не произошло. Но отмечается определенный рост социальной активности граждан (отказ от участия в выборах) снизился с 18 до 13%; и количество затрудняющихся ответить снизилось с 9,3 до 5,3%.

Таблица 1.5[67]

Электоральные рейтинги политических партий* *(% респондентов)*			
	10–11. XII. 2016	**17–18. XII. 2016**	**24–25. XII. 2016**
«Единая Россия»	46,9	48,0	**48,0**
ЛДПР	12,0	12,0	**12,1**
КПРФ	9,4	8,2	**8,8**
«Справедливая Россия»	6,2	4,9	**6,5**
Непарламентские партии	6,2	6,0	**5,6**
Приду и испорчу бюллетень	0,8	1,2	**0,7**
Затрудняюсь ответить	5,3	5,2	**5,3**
Не стал бы участвовать в выборах	13,3	14,3	**13,0**

Таким образом:

- Тексты, представляя собой основной информационный ресурс политических практик, формируют культурный контекст социума, являются своеобразными инструментами экспликации и репрезентации национально-культурной специфики, включающей ментальные, психологические, ценностно-смысловые компоненты. Задача политического текста – создавать информационные «поля сознания», формировать у реципиентов концепцию окружающей действительности. Современные информационные сети, позволяют «креатировать» политический текст множественностью интерпретаций, осуществлять информационные вбросы, что способно консолидировать или разрушать заложенный в текстах первоначальный смысл. Потенциал многоуровневого текста (контекст и гипертекстуальность) заключается в возможности быстрого и эффективного влияния на умы и настроения электората. В то же время, текст, отражающий ценностное наполнение доминирующей эпистемологической матрицы, репрезентирующий коды культуры обладает в силу данных обстоятельств гораздо более эффективным ресурсом воздействия на социум. Нейтрализация или устранение из политического пространства текстов, отражающих национально-культурную специфику текстами иных ценностных систем, постепенно приводит к культурной колонизации социума с вполне прогнозируемыми и очевидными последствиями.
- Анализ текстов и материалов социологических исследований подтверждают предположение о том, что в политической культуре России, в процессе социального конструирования символического политического порядка упор осуществляется на широкий спектр консервативных идей и установок. В поли-

[67] Данные ВЦИОМ. URL: http: // wciom. ru/ index. php?id=236&uid=116016 (дата обращения 05.09.2017).

тических текстах доминирует символическая редукция, т. е. обращение к предшествующему историческому опыту, опора на сложившиеся ценности, нормы, стереотипы, представления о методах и формах осуществления государственной власти. Отсутствие массового запроса на смену политических лидеров и элит, в совокупности с определенным уровнем недоверия к правящим институтам, что имеет свои исторические корни, прямо указывает на консервативный характер общественно-политических настроений. Определенная противоречивость настроений свидетельствует об относительно высоком запросе в реорганизации социального порядка и инертности в разработке конкретных предложений, склонности к легитимизации применения насилия в контексте модели «естественного государства», которая возросла после украинских событий 2013–2017 гг.

- Репрезентация в текстах проблематики политического насилия, в силу национально-культурной специфики, особенностей современного социокультурного развития российского общества, связано с рядом внутренних и геополитических факторов. Так, политические акторы России, вне зависимости от жесткости дискурса и поляризованности политических платформ, но в зависимости от уровня включенности в процесс распределения ренты, не имеют стимулов для применения насилия внутри господствующей коалиции. В то же время, вопрос допустимости насилия государства в отношении граждан остается дискуссионным, является ключевым инструментом в технологии создания символического политического продукта. Данное положение вещей неизбежно обостряет политическую конкуренцию на поле символического противодействия. В зависимости от того, на каких позициях стоит политическая организация, как осуществляется ее символическое позиционирование, формируется и отношение к ней со стороны граждан. Призывы к скорейшему применению насилия могут привлечь часть радикально настроенного протестного электората но, в тоже время, рискуют отпугнуть, например, представителей креативного класса.

1.4. Концептосфера культурно-политического пространства современной России

Концептосфера политической жизни современной России формировалась под влиянием ряда социально-политических и культурных факторов. К числу наиболее значимых следует отнести: сложившуюся в 90-е гг. многопартийность, новые правовые основы политической системы, активное развитие гражданского общества. В то же время, на процесс формирования новых политических реалий воздействовали тенденции, связанные с восприятием либеральной идеологии и широкой культурной колонизацией, ввиду происходящего в тот период поворота к открытости общества.

Восприятие ценностей, символики, социокультурных стилей евроатлантической цивилизации, становление институтов демократии как обогатило, так и деформировало сложившийся в советский период жизненный уклад, изменило потребительские ориентации и экономическую мотивацию граждан. Резкая со-

циальная поляризация общества, рост влияния криминальных структур, коррупция, «сырьевой» характер складывающейся экономической модели определили культурно-политические ориентации сформировавшихся элит, предпочтения и настроения масс.

Начало XXI в. характеризовалось ростом политической стабильности, повышением уровня ответственности власти, социальной направленностью реформ а также усилением административных начал в практике государственного регулирования. Модификация коммунистической и репрезентация политических идеологий консервативной, либеральной, социалистической ориентаций привело к образованию устойчивых партийных структур, становлению практик в той или иной мере адекватных социальным реалиям и российским политическим традициям.

Современная концептосфера российского политического пространства представляет достаточно сложный вариативный конгломерат идеологических моделей, доктрин, партийных программ, социальных проектов, мифов, текстов, лозунгов, призванных формировать общественные настроения. В то же время возможно утверждать, что идеологические концепты российских парламентских партий, несмотря на противоречивость многих составляющих, формируют доминирующие дискурсы российского культурно-политического пространства.

В современной политической культуре и практике сложилось несколько подходов к анализу системообразующих факторов становления партии как особого рода общности. Таковыми являются идейная, «доктринальная» (либеральная концепция партии); социально-классовая, идеологическая (марксистско-ленинская концепция партии); структурно-функциональная, рассматривающая партию как общность на базе определенной организационной структуры. Характер доминирования данных базовых структурных компонентов и способ их интеграции в единое организационное целое самым существенным образом влияет на ее социальный состав и доктринальное единство. В то же время, особенности функционирования современных политических систем свидетельствуют, что эффективность деятельности партии и даже сами принципы и методы этой деятельности определяются главной устойчивой характеристикой – ее базовой организационной структурой.

Проводя и отстаивая данную точку зрения М. Дюверже, однако, отмечает, что «подавляющая часть исследований политических партий связана главным образом с анализом их доктрин. Такая ориентация вытекает из либерального представления о партии, в котором она рассматривается, прежде всего, как идеологическое объединение»[68]. Это положение нашло свое подтверждение в результате лавинообразного роста СМИ и социальных сетей, расширения их технических возможностей, породивших понятие и целую концепцию «теледемократии» и «новой технологии демократии» (О. Тоффлер и др.), а также ожидания «конца» политических партий как института власти, замены политической деятельности социологическими исследованиями.

---

[68] Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект; Королев: Парадигма. 2005. С. 17.

Данный фактор, в результате, обусловил значимость рассмотрения актуальных общественных проблем на языке культурной символики и символической политики, в которой концептология обретает особую форму презентации и способов воздействия на электорат. В современной политической науке концепты, которые отражают менталитет, этос социума представляют своеобразную «политическую концептосферу». В программах и иных документах политических партий позиционируются или имплицитно представлены основные точки зрения по проблемам, их интерпретации и способам решения, предлагаемых обществу.

В процессе реализации культурно-символической политики партии осуществляют конструирование новых социально-политических реалий, дают схемы интерпретации исторического прошлого, формируют общественное мнение по актуальным проблемам современности. Символическая политика позволяет кодировать и интерпретировать в сложившемся социально-культурном пространстве объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия. Индивидуальное и массовое медиатизированное сознание осваивает окружающий мир за счет символической редукции социально конструируемых смыслов. Идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию и интерпретацию политических концептов.

На основании критериев: глубинных смысловых и ценностных оснований, отражающих онтологические, гносеологические и антропологические уровни бытия культуры, высокочастотности и широты представления концепта в политическом пространстве возможно осуществить оценку и сравнительный анализ политических программ парламентских партий. Концепты, текстуально позиционированные в партийных программах и иных документах, целесообразно, в первую очередь, оценить с позиций их адекватности культурным кодам, эпистемологическим матрицам, политическим мифам и социальным ожиданиям граждан.

Метод сравнительного анализа политических концептов (концепт-анализ), с учетом национально-культурной специфики, позволяет выявить качественные отличия и осуществить сравнение основных символических позиций партий, представленных в российском парламенте. Знакомство с программами политических партий показывает наличие достаточно определенных позиций по тем или иным концептам, актуализированным в массовом сознании. Представляется, что выделение на основе изучения постоянно доминирующих тем в СМИ, точек зрения лингвокультурологических исследователей концептов российского политического дискурса[69] и степени актуализации в социуме, позволяет

---

[69]Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурологический концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. С. 75–80; Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65; Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). СПб.: 2011. 244 с.; Гаврилова М. В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов. URL: http://www.politex.info/content/view/198/30/ (дата обращения 05.09.2017).

определить в качестве объекта анализа следующие концепты: исторического прошлого и исторической памяти, патриотизма, демократии, прав и свобод человека, социальной справедливости, будущего (в т. ч. и будущего России), благосостояния, мирового порядка и международных отношений.

В качестве обоснования выбранных концептов был проведен дискурс-анализ наиболее актуализированных в публичном пространстве социально-политических тем на базе политических программ и телешоу («Поединок» и «Воскресный вечер» с Владимиром Соловьёвым, программа «Политика» на 1 канале, «Специальный корреспондент» с Аркадием Мамонтовым, «Воскресные новости» с Дмитрием Киселёвым, «Первая студия» 1 канал, «Право голоса» ТВЦ, «Право знать» Сергей Михеев», «Особая статья» и «Процесс» канал «Звезда», «60 минут» Россия 1) и других, а также ряда аналитических публикаций представленных в журналах «Коммерсант. Власть», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Стрингер» и ряда других изданий.

Наиболее целесообразным представляется объединение вышеуказанных концептов в некие «смысловые группы», что позволит идейно структурировать выбранные темы. В частности, в 1 группу концептов по признаку позиционирования партий в политическом пространстве можно отнести следующие категории: «демократии», «прав и свобод человека», «социальной справедливости», «благосостояния». В свою очередь, 2 группу концептов по признаку «временного измерения» будут составлять категории «исторического прошлого и исторической памяти», «патриотизма», «будущего», а также концепт «мирового порядка и международных отношений» как, своего рода, отдельная смысловая единица, характеризующая видение (позиционирование) политическими партиями места и роли России в мире[70].

В силу специфики актуализации концептов в политическом дискурсе в те или иные временные периоды сравнительный анализ возможен и целесообразен с определенной позиции когнитивного дистанцирования (стороннего наблюдателя), что позволит минимизировать субъективизм исследователя. Значительная часть исследований политических партий связана главным образом с анализом их доктрин. Это обусловливается тем, что партии рассматриваются, прежде всего, как идеологические объединения.

В то же время, необходимо отдавать отчет и в том, что сформулировать критерии оценки содержания политических программ представляется маловероятным и даже невозможным[71] в силу различия в идеологических подходах, «растворенности» в текстах диаметрально противоположных ценностно-ориентационных моделей. Сравнительный анализ способен выявить символический потенциал программ с позиций герменевтического подхода, предоста-

---

[70] При выборе данного подхода автор опирается на условную классификацию, разработанную в трудах Ю. А. Левады. См.: Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. 507 с.

[71] Концепты конституционного устройства, демократии, экономического развития и ряд других не рассматриваются в данном исследовании в силу сложности интерпретации ряда положений, требующих специальных знаний

вить возможность интерпретации символов как метазнаков и «категорий мышления», рассмотреть их в качестве динамических систем (сравнительная симвология, включающая анализ «растянутых символов» и символических комплексов, «сжатых мифов», политических культов, «символов-конденсатов», символических «актов» и действий, «когнитивной видимости»).

Поскольку культура, в определенном смысле, рассматривается как выстроенная последовательность знаков, то есть текст, то тексты политической культуры отражают действенное присутствие выражаемого им символического содержания, связывают с непредметным миром смыслов. Происхождение символа тесно связано с исторически первым способом духовного освоения мира – мифом, являющимся и способом постижения действительности. По широко известной мысли А. Ф. Лосева «символ – это миф, «снятый» развитием культуры и сохраняющий память о своих предшествующих смыслах»[72]. Мифологические символы обретают роль своеобразных конденсатов опыта человечества. Мифотворчество, по существу, есть трансформация архетипа в образ, способом обеспечения единства и многообразия культуры, исторической преемственности и памяти. В то же время в мифе не разделяется естественное и сверхъестественное, все его содержание мыслится как подлинная реальность.

Политический же концепт способен соединить реальность и ментальный план в единой конструкции, сочетающей архитепическое ядро, мифологему, исторический опыт и память, модель будущего. Концепт также необходим как способ моделирования имиджа политических лидеров, развертывания политических дискурсов, репрезентации идей в политическом пространстве.

Анализ концептов предполагает изучение способов позиционирования в текстах программ системообразующих идей, апелляции к базовым ценностям (в различных формах культурной кодификации – миф, традиция, текст, и т. п.), символической презентации политических целей.

Концепт *«исторического прошлого и исторической памяти»* разворачивается в политическом дискурсе как одна из системообразующих конструкций менталитета. В программе КПРФ указывается, что «сложное переплетение геополитического положения, национальных и экономических обстоятельств сделало российское общество носителем самобытной культурной и нравственной традиции. Основополагающими ее ценностями являются общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства»[73]. Историческое прошлое рассматривается сквозь призму непримиримого спора между социализмом и капитализмом. Отсюда следует, что концепт классовой борьбы является системообразующим в интерпретации как исторического наследия, так и современности. Факторы общинности и коллективизма интерпретируются как национально-культурные условия, определяющие возмож-

---

[72] Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 480 с.; Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

[73] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества». URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

ность эффективного воплощения проекта социалистического общественного устройства.

Концепт *«исторического прошлого»* в программе ЛДПР ограничивается довольно кратким периодом (100 лет), за который «граждане России испытали на себе все «прелести» ленинской уравниловки, горбачевской говорильни и предательства, ельцинского разграбления»[74]. Диапазон историко-политического анализа и его содержательное наполнение элиминируется к символической схеме, рассчитанной на апелляцию к определенному типу массового сознания и эмоционального восприятия.

В программе партии «Справедливая Россия» исторический ракурс фактически отсутствует. Прошлое обретает мифический образ небытия: «Ушел в небытие не социализм, ушли командная экономика, административный рынок, гипертрофия государственной собственности, уравнительное распределение, однопартийная политическая система, страх перед великими вождями»[75]. В отличие от других партийных программ концепт прошлого связан с чувством страха и освобождением от него. Прошлое в данном контексте наполняется некими мистическими оттенками с обретающими в нем особое смысловое наполнение символическими комплексами «командная экономика», «административный рынок» и др. Можно предположить, что на данной символической основе и должна, судя по тексту, развиваться российская социалистическая идея[76].

«Единая Россия» в своей программе также подводит черту под периодом начала 90-х гг., избегая оценок исторического прошлого[77]. Обращенность в будущее связывается с победой над сепаратизмом, преодолением жесточайшего кризиса лихих 1990-х, решением за эти годы долговых проблем, созданных в 1990-е гг. и доставшиеся в наследство от СССР. В то же время, реальная политическая практика свидетельствует, что в символическое пространство активно интегрируются образы и идеи славного исторического прошлого России: великих исторических деятелей, полководцев, философов, писателей, ученых и т. д., хотя данный тренд не зафиксирован в программных документах.

Концепт *«социальной справедливости»* в программе КПРФ выстроен на основе крайней поляризации символов бедности и богатства. Преодолеть эксплуатацию человека человеком, расточительный характер капиталистического производства и потребления может только социализм[78]. Национальный капитал своей классовой сущности не теряет. Увеличивается поляризация между количеством долларовых миллионеров и миллиардеров и огромной массой обнищавших людей, задавленных угрозой безработицы и неуверенностью в зав-

---

[74] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии Раздел 1: «ЛДПР укажет дорогу». URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[75] Справедливая Россия: программа партии. М.: Издательский дом «Ключ-С», 2011. С. 6.

[76] Там же. С. 6.

[77] Это не относится к оценкам исторического прошлого в публичных выступлениях лидеров партии Единая Россия.

[78] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 1: «Современный мир и Россия». URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

трашнем дне. Отмечается, что в Россию вернулось антагонистическое противоречие между наемным трудом и капиталом[79].

В программе ЛДПР, в сущности, концептуальное понимание и интерпретация проблемы обеспечения социальной справедливости отсутствует. Доминируют предложения относящиеся, скорее, к социальной сфере и компетенции профсоюзов: «Списание долгов по квартплате, за электричество и газ для всех пенсионеров, для российских граждан с доходами менее 7 тысяч рублей за счет дополнительных доходов федерального бюджета; списание долгов сельскохозяйственных организаций, фермеров, всех, кто трудится на земле за счет дополнительных доходов федерального бюджета; установить минимальную зарплату 50 рублей в час, с 2014 г. – 100 рублей в час; предоставлять работу в первую очередь гражданам России, затем – мигрантам; отменить подоходный налог с заработков до 10 тысяч рублей в месяц. Введение дополнительного налога на сверхдоходы; законодательное установление минимальной зарплаты, обязательное для предприятий всех форм собственности»[80].

Глубинное символическое содержание по проблеме обеспечения социальной справедливости в программе ЛДПР не просматривается. Конкретные предложения и требования не обретают значения стабильных и долгосрочных символических конструктов. Очевидно, что по данному аспекту символического позиционирования ЛДПР обладает довольно скромным ресурсом. Это обусловливается и тем, что данный спектр предложений (посредством их дополнения и совершенствования) может быть легко использован в своих целях любой политической силой. Концептосфера либерализма не нашла своего отражения в программном документе партии по данному, достаточно актуальному спектру политической деятельности.

«Справедливая Россия» уходит от конкретных оценок категории *«социальная справедливость»* и ее содержания, делегирует проблему ее обеспечения к прямой обязанности государства – гарантировать справедливость[81]. Справедливость рассматривается как равенство возможностей, а не получаемых благ[82]. В программе не определено, гарантирование каких возможностей предусматривается, и каким образом должно обеспечиваться решение данной проблемы. «Равенство возможностей» как символический конструкт в российском обществе воспринимается как миф с изрядной долей скепсиса и является заимствованной и частично интегрированной[83] системообразующей конструкцией обеспечения равных прав в путях достижения желанного положения в обществе независимо от класса, возраста, расы или рода. В последний период это распространяется и на гендерные отношения вплоть до признания однополых браков.

---

[79] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества».

[80] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 6: «Практическая программа ЛДПР». URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[81] Справедливая Россия: программа партии. С. 12.

[82] Там же.

[83] Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 298 с.

В идеологии партии социал-демократической (СР) ориентации наличие данного конструкта связано с рядом других положений социального характера.

В программе «Единой России» степень абстрагирования в понимании обеспечения социальной справедливости гораздо выше, чем у иных парламентских партий: «Отстоять справедливость и достоинство каждого человека»… «Обеспечить «правду и доверие в отношениях государства и общества»[84]. В программе не просматривается четко обозначенной символической редукции данных положений и их символического позиционирования.

«Концепту патриотизма» значительное внимание уделено только в программах КПРФ и ЛДПР. Как правило, он связывается с вопросами проведения национальной политики.

В программе коммунистической партии патриотизм также рассматривается сквозь призму классовых противоречий. Но традиционный для коммунистов подход, ориентированный на интернационализм как системообразующий фактор, оказывается на периферии политического позиционирования. Наоборот, в тексте документа отмечается рост национальных конфликтов.

Русский вопрос, обострившийся с изменением общественного строя, и задачи его решения в программе определяются как интегрированний фактор борьбы за социализм[85]. В программе отмечается, что «русские стали самым крупным разделённым народом на планете. Идет откровенный геноцид великой нации. Численность русских уменьшается. Уничтожаются исторически сложившиеся культура и язык. Задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают»[86]. И далее: «Чувство унижения угнетенных и обездоленных сливается с болью патриотов за поруганную честь державы. На этой основе ширится народно-патриотическое движение за независимость страны»[87]. Главная задача в решении данного вопроса в программе видится в соединении социально-классового и национально-освободительного движения в единый народный фронт. Правда, что подразумевается под национально-освободительным движением в современной России не раскрывается.

Программные положения Либерально-демократической партии по проблеме патриотизма также отличаются радикальной ориентацией. В качестве главного обозначен «русский вопрос». Смена различных политических режимов и экономик на протяжении XX в., как отмечается в тексте, не приводила к позитивным результатам в его решении. Далее следует представляющая интерес символическая апелляция к русскому духу и русской культуре как таковым, и требование создания русского национального государства[88]. Там же провозглашается в качестве лозунга принцип: «все для русских, ничего против рус-

---

[84] Единая Россия [Электронный ресурс]: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года: Итоги десятилетия и задачи развития. URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения 05.09.2017).

[85] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества». URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] ЛДПР: программа партии. Раздел 6.

ских»[89]. Патриотизм позиционируется как любовь к России и русскому народу, который создал великое государство и открыл путь в будущее для десятков народов и народностей нашей страны[90]. В программе обозначены идеи придания русскому народу статуса государствообразующей нации, строительства со всеми коренными народами России общего Русского Дома. Концепт патриотизма и национальной политики базируется на идеологии русского воссоединения, возвращения России ее исторических территорий, необходимость которого мотивируется «историческим и моральным правом». Доктрина исторического воссоединения и выхода из невыгодной для России геополитической ситуации опирается на совокупность положений: необходимости обоснования и признания исторического примирения России Самодержавной, Советской и современной, и дальнейшего развития российского общества на основе русской общинности. Сама же общинность интерпретируется как истинный русский феномен – взаимовыгодный союз свободных людей одной культуры и одного языка[91].

Текст положений по данному вопросу программы ЛДПР представляется в своем сегменте достаточно аргументированным и дает возможность символической редукции в политическое пространство тех или иных символических конструктов и мифов, резонансных в общественном сознании. Данный концептуальный потенциал активно эксплуатируется лидером ЛДПР Владимиром Жириновским на протяжении довольно продолжительного периода и практически не модифицируется в содержательном аспекте его публичных выступлений.

«Справедливая Россия» в своей программе четко не обозначает позицию по данному вопросу. В тексте позиционируется отличие от иных политических ориентаций: либеральных, рыночных, олигархических.

В программе партии «Единая Россия» обозначена только необходимость выработки стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме[92].

«Концепт демократии» и стратегия его реализации в политико-символическом измерении в партийных программах интерпретируется, преимущественно, в идеологическом аспекте.

В программе КПРФ одной из приоритетных задач является установление демократической власти трудящихся, широких народно-патриотических сил во главе с КПРФ[93]. Отсюда следует, что власть руководящей партии рассматривается в качестве приоритетной по отношению к иным демократическим институтам. Одновременно постулируется мирный переход к социализму, необходимость заботы власти о нуждах народа и возможность вынужденного восстания против тирании и угнетения в качестве последнего средства.

---

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] ЛДПР: программа партии. Раздел 6.

[92] Единая Россия [Электронный ресурс]:: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года. Раздел 1: «Наши ценности». URL: http://putin2012.ru/program/_(дата обращения 05.09.2017).

[93] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 3 «Три этапа развития страны» URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

Либерально-демократическая партия в своей программе концепту демократии уделяет особое внимание. В разделе 1 программы партии утверждается, что поскольку партия демократическая, то выступает за демократические формы управления государством в основе которых свободные честные выборы и многопартийная система.

В программе «демократия» рассматривается как «свобода без анархии и выборность без давления со стороны партии власти и без использования административного ресурса»[94]. В качестве задач предусматривается избавление России от насильственных и анархических систем, исключение возможности получения «политическими призраками» власти и возможность выбора всеми гражданами России в Государственную Думу и иные органы власти достойных, заслуживающих доверия людей[95].

В программах партий «Справедливая Россия» и «Единая Россия» концепт демократии специально не позиционируется в аспектах политических целей, ценностей, средства и формы общественного устройства.

Значительно большее внимание в политических программах уделено концепту *«прав и свобод человека».*

КПРФ в программе апеллирует к Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН. Главный тезис заключается в том, что власть обязана заботиться о нуждах народа. При этом отмечается, что сложившийся в стране режим, проводя антинародную политику, сам роет себе могилу[96].

Либерально-демократическая партия констатирует, что люди «не могут быть одинаковыми, в разнообразии – красота мира. Насилием не заставишь людей думать одинаково… Задача ЛДПР – создать механизмы для полной реализации гражданами страны своих способностей»[97].

В программе «Справедливой России» проблема прав и свобод человека интерпретируется в аспекте создания социально ответственной власти, отвечающей требованиям открытого и справедливого общества. Власть не может быть выше закона и должна работать на интересы граждан[98].

Тот факт, что идея открытого общества заявлена в программе, качественно отличает ее от программ иных парламентских партий. В то же время, идеи открытого общества и справедливого общества рассматриваются взаимосвязано. Контуры «справедливого общества» как типа социальной организации в программе фактически не прописаны.

Программа «Единой России» рассматривает государство в качестве гаранта условий надежной защиты прав каждого гражданина России. В тексте отмечается, что «каждому должен быть обеспечен свободный выбор, при этом свобода должна базироваться на фундаменте справедливости – только так она будет признана

---

[94] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 1: «ЛДПР укажет дорогу» URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[95] Там же.

[96] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества».

[97] ЛДПР: программа партии: Раздел 1.

[98] Справедливая Россия: программа партии. С. 73.

нашим обществом. Социально незащищённым гражданам должны быть предоставлены надёжные социальные гарантии, включая достойные пенсии»[99].

В данной партийной позиции очевидно рассмотрение прав и свобод человека преимущественно сквозь призму социальных гарантий и обеспечения свободного выбора на основе справедливости, что содержит некий скрытый смысл и возможность широкого толкования данного положения.

«Концепт будущего» в партийных программах достаточно широко представлен в экономическом, социальном, национально-государственном ракурсах.

В своей программе КПРФ определяет в качестве стратегического направления борьбу за единство, целостность и независимость Отечества. КПРФ заявляет о необходимости воссоздания братского Союза советских народов, обеспечении благополучия и безопасности, нравственного и физического здоровья граждан[100]. В тексте программы обосновывается необходимость защиты национально-государственных интересов России, которая органически сливается с борьбой за социализм и советские формы народовластия[101].

Следующим аспектом проектирования будущего в программе КПРФ является создание прочной экономической основы дальнейших преобразований посредством национализации. Такая стратегия позволит пресечь ограбление мелких товаропроизводителей крупным капиталом, чиновниками и мафиозными группами. Партия также не отказывается от идеи строительства коммунизма как исторического будущего человечества[102].

В программе ЛДПР предусматривается изменение государственного устройства страны. Россия рассматривается как унитарное (единое) государство с административным делением на губернии. Предполагается уход от национально-республиканского и переход к территориально-административному устройству страны. ЛДПР предполагает объединение в рамках России (на добровольной основе) всех территорий бывшего СССР, доказав, что в условиях кардинальных геополитических и климатических изменений в мире жизнеспособными могут быть только единые и сильные державы[103]. Кроме этого предполагается убрать национальные названия регионов и вывести Ставропольский край из Северо-Кавказского федерального округа[104].

Справедливая Россия в своей программе обязуется приложить все силы для того, чтобы уровень и качество жизни народа были соразмерны величине природных, интеллектуальных и духовных богатств страны[105].

---

[99] Единая Россия [Электронный ресурс]: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года: Раздел 1: «Наши ценности».

[100] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества» URL: http: //kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

[101] Там же.

[102] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 3: «Три этапа развития страны».

[103] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 6: «Практическая программа ЛДПР». URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[104] Там же.

[105] Справедливая Россия: программа партии. С. 16.

В партийной программе «Единой России» постулируется в качестве ключевой ценности развитие человека[106], а также «создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят единый, постоянно развивающийся, и одновременно – устойчивый, здоровый государственный организм»[107]. В программе декларируется, что такая политическая и экономическая модель окажется способной гарантировать суверенитет России и процветание граждан страны на десятилетия вперед.

«Концепт благосостояния народа» в программе КПРФ рассматривается в аспекте ряда мер социально-защитного характера. В качестве основных требований и предложений – предотвращение вымирания страны, восстановления льгот для многодетных семей, воссоздание сети общедоступных детских садов, обеспечение жильём молодых семей. Кроме этого КПРФ выдвигает требования принятия мер по борьбе с бедностью, введение государственного контроля над ценами на товары первой необходимости, восстановления высоких стандартов всеобщего бесплатного среднего и высшего образования, обеспечения общедоступности и высокого качества здравоохранения[108].

ЛДПР выступает за эффективную многоукладную экономику, за равные права и возможности для предприятий различных форм собственности, полагает, что России не нужен ни «рынок ради рынка», ни «бизнес ради бизнеса». В программе отмечается, что «национальная экономика нашей страны должна стать платформой и источником богатства для достижения конкретных целей во внешней и внутренней политике»[109].

Неопределенность обозначенных в тексте позиций не позволяют сформировать ясные представления о путях решения проблемы повышения благосостояния общества в целом, и различных социальных групп в частности.

В программе партии «Справедливая Россия» данный аспект политической стратегии и практики отдельно не рассматривается.

Единая Россия в партийной программе связывает рост благосостояния и гарантии безопасности граждан с экономическим развитием страны. Российская экономика, отвечающая потребностям общества, призвана обеспечить «более высокие трудовые доходы, более интересную, творческую работу и создавать широкие возможности профессионального роста, формировать социальные лифты»[110].

---

[106] Единая Россия: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года: Раздел 1: «Наши ценности».

[107] Единая Россия: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года. Итоги десятилетия и задачи развития.

[108] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 4: «Программа-минимум». URL: http: //kprf.ru/party/program/ (дата обращения 05.09.2017).

[109] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 4 «Внутренняя политика». URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[110] Единая Россия [Электронный ресурс]: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года: Раздел 2: «Достойная жизнь – гражданам великой страны». URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения 05.09.2017).

«Концепт мирового порядка и международных отношений» в партийных программах характеризуется констатацией неадекватности места в международных отношениях и роли России в современном мире. Так в программе КПРФ отмечается утрата позиций страны на международной арене, недостаточный уровень боеспособности Вооруженных Сил. Внешние угрозы связываются с продвижением НАТО к границам России, ссылаясь на то, что наша страна стала объектом очередного передела мира, превращается в сырьевой придаток империалистических государств[111].

Либерально-демократическая партия констатирует, что страны Запада, нарушив свои обязательства, воспользовались ситуацией и перешли к новому наступлению на Россию, реализуя политическую практику «игры без правил». Это привело к реальным уступкам по многим позициям со стороны России[112]. Вторым аспектом понимания современного миропорядка является констатация в тексте программы необходимости сближения в рамках СНГ и наличие потребительских настроений отдельных политиков из бывших советских республик, старающихся обменять свою лояльность на те или иные преференции, прежде всего, в торговле. В программе также отмечается отказ от спонсирования политических режимов. В то же время «исключая саму возможность «дружбы» за счет нашей страны, мы считаем, что каждая уступка со стороны России должна быть оценена в рублях и уравновешена аналогичными уступками со стороны наших партнеров по СНГ»[113].

Партия «Справедливая Россия», как указывается в программе, «ставит целью вывести Россию на позиции действительно великой державы, равноправного и ответственного партнера в межгосударственных отношениях»[114]. Также партия намерена противостоять установлению однополярного мира и нового мирового порядка, что противоречит принципам справедливости мирового устройства[115].

Единая Россия в свое программе в качестве приоритетной цели определяет создание Евразийского союза на геополитическом пространстве и в сфере влияния бывшего СССР. В программе также особое внимание обращено к соотечественникам, живущим за рубежом: «Мы не оставим в беде россиян, попавших в сложное положение вдали от Родины»[116].

В программах партий по данному спектру вопросов явно акцентируются позиции, связанные с национально-культурной обособленностью и в ряде случаев исключительностью, мессианством, обусловленные, очевидно, существующей

---

[111] КПРФ [Электронный ресурс]: программа партии.: Раздел 2: «Уроки истории и пути спасения Отечества».

[112] ЛДПР [Электронный ресурс]: программа партии: Раздел 2: «Внешняя политика» URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.09.2017).

[113] Там же.

[114] Справедливая Россия: программа партии. С. 89.

[115] Там же.

[116] Единая Россия: предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года [Электронный ресурс]: Раздел 5: «Сильная Россия в сложном мире». URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения 05.09.2017).

необходимостью сохранения концепции «русского мира», обретения для России достойного места в современном мировом пространстве.

Таким образом, возможно констатировать, что:

1. В современной политической культуре России символическое пространство характеризуется наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества. Данная противоречивость, в значительной степени, обусловлена недостаточной теоретической проработкой позиций по многим ключевым проблемам современности. Необходимо отметить, что декларируемые в программах политических партий положения, способы решения поставленных задач носят нереалистичный, а в ряде случаев и утопический характер, чаще всего в программах ЛДПР и КПРФ. На ряд ключевых вызовов современности ответы в программах политических партий отсутствуют. Редукционирование ряда положений партийных программ в символическое пространство формирует и, в ряде случаев, искажает картину реальности, ограничивает поле консенсуса и принятия эффективных политических решений. Так в программах политических партий отсутствуют или слабо представлены такие категории как человек, гуманизм, культура, свободы личности, хотя тексты программ отличаются высоким уровнем социальной ориентированности; в экономическом блоке программ отсутствует концепт «среднего класса» и т. п.

2. Вакуум культурно-символического политического пространства обусловливает необходимость быстрого реагирования и принятия конкретных решений по актуальным вопросам, что компенсируется авторитетом власти. В свою очередь, недостаточная эффективность культурно-символической политики партий способствует дальнейшему усилению авторитета власти и монополизации права на принятие решений, ввиду отсутствия или концептуальной непроработанности дискурса, по тем или иным актуальным проблемам. Такое положение может способствовать неоправданно высокому уровню влияния административных структур в общественной жизни. В данном контексте особую значимость обретает политическая концептология. В современном символическом дискурсе концепты, репрезентирующие менталитет, этос социума, отражающие ключевые проблемы современности представляют своеобразную «политическую символическую концептосферу».

3. Реализуя те или иные доктрины средствами символической политики, партии осуществляют конструирование новых социально-политических реалий, дают схемы интерпретации исторического прошлого, формируют общественное мнение по актуальным проблемам современности. Культурно-символические практики позволяют кодировать и интерпретировать в сложившемся социально-культурном пространстве объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия. В таком случае идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию и интерпретацию политических концептов.

4. Развитие и оптимизация концептосферы российской политической культуры возможна по следующим направлениям:

- Более тщательной концептуальной проработки и расширения спектра основных политических позиций, отслеживания и реагирования на тенденции общественного развития, что существенно повысит качество дискурса по ключевым проблемам современности и принятие высококвалифицированных политических решений;
- Повышения эффективности «обратной связи» с обществом в лице элиты, связанной с формированием общественных настроений; инициативными объединениями граждан различной направленности; гибкого реагирования на текущие политические и социально-значимые события;
- Опережающего, основанного на научном прогнозировании, конструирования и проектирования «образов будущего», репрезентации их в символическом политическом пространстве.

Резюме по главе 1

1. Современная политическая культура России характеризуется сложной конфигурацией взаимодействия факторов, имеющих глубинные цивилизационные и национально-культурные основания. Данные взаимодействия преимущественно проявляются в позиционировании ценностных систем, продвижении кодов и практик различных типов общественного развития.

В российском политическом пространстве эпистемологическая колонизация как часть глобальной культурной политики осуществляется различными акторами. Современный характер информационных коммуникаций позволяет внешним субъектам активно влиять на те или иные аспекты культурно-символического пространства и, используя ресурсы наднациональных универсалистских глобальных концептов (в том числе и посредством экспертных научных сообществ) осуществлять попытки трансформации культурных кодов.

Посредством социальных сетей и СМИ информационные потоки направляются на создание образов, мифов и текстов позволяющих формировать новые эпистемологические матрицы общественного сознания в регионах, являющихся объектами информационных вбросов. Защитой от информационных потоков такого рода является только высокий уровень актуализации в национально-культурном пространстве ценностей подлинной гуманистической культуры, сохранения и доминирования исторически сложившейся эпистемологической матрицы в качестве системообразующего фактора национально-культурного самосознания, высокий уровень образованности населения.

2. Культурно и политически Россия в данный момент оказалась активным актором противодействия глобалистской либеральной эпистемологической колонизации и использования технологий цивилизационного перекодирования. Концепция основ государственной культурной политики Российской Федерации, ориентированная на противодействие использованию «мягкой силы», информационного давления направлена на сохранение культурно-национальной самобытности народов, проживающих на ее территории, цивилизационных культурных кодов. В политической культуре России нерациональные факторы (мифы, образы прошлого, историческая память и др.) сохраняют большое значение в связи с возможностями их воздействия на массовое сознание и поведение граждан. Это определяет основные стратегии применения политических и социокультурных практик, ориентированных на сохранение и изменение аксиологического ядра культуры.

3. Мифы и тексты выступают важнейшими системообразующими факторами политической культуры. Миф активно формирует реальность, воздействует на социокультурную практику «производства мнений» в СМИ и сетях, определяет дискурс по актуальным проблемам современности. Роль мифов заключается в возможности формировании массовой индоктринальной идентичности. Тексты, представляя собой основной информационный ресурс политических практик, формируют культурный контекст социума, являются своеобразными инструментами экспликации и репрезентации национально-культурной специфики, включающей ментальные, психологические, ценностно-смысловые ком-

поненты. Задача политического текста – создавать информационные «поля сознания», формировать у реципиентов концепцию окружающей действительности.

Современные информационные сети позволяют «креатировать» политический текст множественностью интерпретаций, осуществлять информационные вбросы, что способно консолидировать или разрушать заложенный в текстах первоначальный смысл. Потенциал многоуровневого текста (контекст и гипертекстуальность) заключается в возможности быстрого и эффективного влияния на умы и настроения электората. Нейтрализация или устранение из политического пространства текстов, отражающих национально-культурную специфику текстами иных ценностных систем, постепенно приводит к культурной колонизации социума с вполне прогнозируемыми и очевидными последствиями.

4. В политической культуре современной России символическое пространство характеризуется наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества. Редукционирование ряда положений партийных программ в символическое пространство формирует и, в ряде случаев, искажает картину реальности, ограничивает поле консенсуса и принятия эффективных политических решений. Так в программах политических партий отсутствуют или слабо представлены такие понятия и категории как человек, гуманизм, культура, свободы личности.

В символическом дискурсе концепты, репрезентирующие менталитет, этос социума, отражающие ключевые проблемы современности представляют своеобразную «политическую символическую концептосферу». Реализуя те или иные доктрины различными средствами, в т. ч. и культурно-символической политики, партии осуществляют конструирование новых социальных реалий, дают схемы интерпретации исторического прошлого, формируют общественное мнение по актуальным проблемам современности.

Культурно-символические практики позволяют кодировать и интерпретировать в сложившемся социально-культурном пространстве объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия. В этом случае идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию и интерпретацию политических концептов.

Развитие и оптимизация концептосферы российской политической культуры возможно по следующим направлениям: более тщательной концептуальной проработки и расширения спектра основных политических позиций, отслеживания и реагирования на тенденции общественного развития; повышения эффективности «обратной связи» с обществом в лице элиты, связанной с формированием общественных настроений; инициативными объединениями граждан различной направленности; опережающего, основанного на научном прогнозировании, конструирования и проектирования «образов будущего», репрезентации их в символическом политическом пространстве.

ГЛАВА 2
ТЕХНОЛОГИИ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОНТРОЛЯ СОЗНАНИЯ МАСС В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

2.1. Технологии конструирования символических доминант политического дискурса

Понятие «символических универсумов» введено П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». Оно рассматривается как определенный символический способ легитимации, позволяющий человеку «объяснить» и оправдать окружающий мир. Символические процессы, по мнению исследователей, проявляются в качестве неких обозначений (сны, представления, фантазии), отличных от реальностей повседневной жизни, но имеющих к ним отношение. В символическом универсуме эти сферы «нереального» обретают смысловую целостность, находят свое объяснение.

В работе указанных авторов «символический универсум понимается как матрица всех субъективно реальных и социально объективированных значений. История общественного развития и индивидуальная биография рассматриваются в качестве явлений, реализующихся и функционирующих в рамках данного универсума[117].

На протяжении почти всей истории цивилизационного развития, о чем убедительно свидетельствуют тексты культуры, предпринимались попытки изучить и использовать приемы, с помощью которых стало бы возможным изменить взгляды и поведение человека, воздействовать на его сознание и психику и, следовательно, изменить его «символический универсум». Оформившись, прежде всего, в определенные практики удержания и завоевания власти, они обрели название манипулятивных технологий, реализующихся в различных коммуникативных формах.

Технологии разработки методов информационно-психологического воздействия на широкую аудиторию активно стали развиваться с расширением средств массовой коммуникации: книгопечатанием, появлением прессы, радио, телевидения, информационных сетей.

Содержательное наполнение манипулятивных средств влияния на массы было первоначально заимствовано из психологических религиозных практик. Другим эффективным источником генерирования приемов и методов влияния на массовое сознание послужили маркетинговые технологии. Современная манипулятивная политическая реклама, имиджирование, практики дискредитации конкурентов и ряд других, в значительной степени, заимствованы из сферы предпринимательства. Расширение технических возможностей средств массовой информации, возможности аудиовизуальных эффектов, позволило активно

---

[117] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 151–209.

применять в манипуляции массовым сознанием и репрезентировать в социуме культурные формы. В первую очередь – образы и политические мифы, которые активно используются в современных политических практиках и эксплуатации массового сознания.

Современные теории информационного воздействия конструируют, а практики массмедиа, широко используют различные средства, способы и приемы психологического воздействия на массы. Среди них использование различного рода логических оснований, нравственных критериев, источников коммуникации и информационных каналов, спланированные соотношения внушения и убеждения в процессе воздействия, специфику информационно-коммуникативных ситуаций и т. д.

В российской политической культуре символические практики, как технологии контроля сознания масс посредством публичного дискурса, обрели в последние десятилетия доминирующее влияние в сложной системе взаимоотношений институтов власти, элит и иных акторов. Символический ресурс власти в постсоветский период достаточно эффективно реализуется в целях формирования общественных настроений и предпочтений. Безусловно, фундаментальные ресурсы, такие как материальные средства производства, бизнес-интересы, финансовые возможности, структуры управления и социального контроля, возможности «теневого влияния» и др. составляют основу института власти. В то же время, основной доступ к данному институту обеспечивается для той или иной политической группы в результате проведения эффективной символической политики.

Определение власти в качестве системы государственного управления, глобального регулятора экономики сегодня дополняется и широко интерпретируется как контроль над сознанием масс, прежде всего, над публичным дискурсом. В различных его семиотических измерениях (манифестация и экспертиза текстов в СМИ и социальных сетях, фрейминг, символические акции и др.) политический дискурс институтов и групп является главной социальной практикой, формирующей убеждения и управляющей ими.

Сложные связи политических элит и медиа определяются взаимовлиянием интересов бизнеса, государственного управления, силовых структур, институтов гражданского общества. Производство «символического продукта» контролируется и обеспечивается «символическими элитами»[118] к которым относятся профессиональные группы, личности, реализующие «символический капитал» как инструмент власти (журналисты, деятели культуры и искусства, ученые, лидеры общественных формирований, культурные референты, популярные блогеры). Они обладают относительно широкими возможностями в выборе дискурсивных жанров, тематики, стиля и форм презентации текстов. Данная символическая форма власти реализуется в управлении публичной коммуникацией посредством подбора и подачи информации, формировании тематики публичных дискуссий и многими иными способами. Как результат – формиро-

---

[118] Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 58.

вание оценок, норм, убеждений, ценностей, моральных суждений, идеологий, общественного мнения по актуальным вопросам современности, знаний о настоящем и прошлом.

Дискурсивные и когнитивные средства воспроизводства социальной власти в обществе имеют не только политэкономические или социологические основания но и, прежде всего, обретают широкий культурный контекст. «Символический продукт» как семиотическая система (вне зависимости от намерений и воли акторов) интегрирует «коды культуры» (лингвистические структуры, ценности, смыслы, символы, ментальные инфокванты и др.). Политический дискурс объективно обретает векторы сохранения, изменения или разрушения культурных кодов. Так, навязанный дискурс о правах сексуальных меньшинств из интимно-личностной проблематики культуры сексуальных отношений приобрел масштабы политических прав и свобод человека. В данном случае институт традиционной семьи как культурная ценность явился объектом постмодернистски искаженной репрезентации в культурно-символическом контексте. Данная репрезентация использовалась рядом зарубежных политиков как фактор политического давления в отношении России.

Осуществление политики формирования знаний и ценностей, обеспечения их гегемонии как инструмента власти реализуется не посредством оказания прямого давления на оппонентов, а воздействием на концепты современных знаний в обществе. Власть во все возрастающей мере реализуется не через аппараты принуждения, а путем конструирования систем массовых представлений, оценок, суждений которые репрезентативно «выглядят» как свободное самовыражение мнений различных социальных групп и отдельных авторитетных индивидов. В глобализированном социуме, где информация выступает главным фактором мгновенного формирования нового знания, дискурсивные практики являются одним из главных инструментов власти. В информационной среде разворачиваются как научно-интеллектуальные стратегии решения острых современных проблем, так и манипулятивные дискурсы. Очевидно, что символико-коммуникативное пространство, в зависимости от конкретных обстоятельств, может наполняться как объективно ценным, социально-значимым содержанием так и деструктивными по своей природе и направленности смыслами.

Символическое политическое пространство в своем сегменте актуализирует не только позиции акторов, но и интегрирует заключенные в лексических единицах и конструктах (инфоквантах) коды культуры. Лексика Киевского майдана образца декабря 2013 – марта 2014 гг. и политические комментарии в СМИ убедительно свидетельствовала о наличии как минимум трех диссонирующих культурных паттернов, характеризующих противостоящие в конфликте стороны: фашиствующе-националистического; восточно-славянского; национально-консервативного. Невозможность «услышать» оппонента обусловливается не столько политической позицией, сколько культурной несовместимостью устремлений масс и элит, стремящихся посредством института государственной власти

обеспечить доминирование не только своей политической позиции, но этоса и ментальности.

В процессе формирования компонентов культурно-символической власти (социокультурной гегемонии) посредством дискурса определяющая роль принадлежит символическим элитам. Они осуществляют подбор тематики, аргументации, риторики и презентации, стиля публичного дискурса. Но представители символических элит, в свою очередь, находятся в ситуации двойной зависимости: от институционального или корпоративного хозяина, поддерживающего и оплачивающего элитарный статус и от индивидуального культурного паттерна, включающего и профессиональную этику. В случае диссонирования данных факторов у отдельных представителей (ученых, писателей, журналистов) возникает относительная свобода и относительная власть в выборе тем, дискурсивных жанров, аргументации и т. п.

Идеологические дискурсы, реализуемые посредством символических практик, производятся и организуются различными институтами: государством, медиа, образованием, церковью, учреждениями культуры, общественными формированиями, определяются интересами и социальным положением отдельных социальных групп, например: молодежи, пенсионеров, молодых семей, отдельных профессиональных и корпоративных сообществ и т. д. Доминирующая идеология, как правило, это идеология тех, кто контролирует не только основные сферы производства и финансов, но производит те или иные темы, коммуникативные события, специфичные жанры дискурса, риторические средства[119].

Главными властными институтами, с которыми соотносятся специфичные формы дискурса, являются парламент и правительство, институты ветвей власти и управления, вооруженные силы, корпорации, доминирующие религиозные конфессии, СМИ, политические партии и протопартии, структуры гражданского общества, социально-культурные институты. Внутри данных институтов также складываются корпоративные дискурсивные практики, определяемые внутренней структурой, рангами и статусами, содержанием деятельности, обретающей общественную значимость.

Особую роль в формировании политизированных дискурсивных практик играют *групповые властные отношения*[120]. Противоречия между бедными и богатыми, автохтонами и эмигрантами, представителями различных рас, регионов, сексуальных ориентаций, религиозных конфессий как между собой, так и атеистами, и многое иное определяют социокультурную идентичность групп и индивидов по векторам «Мы» и «Они». Властные отношения актуализируют отдельные представители как доминирующих, так и аутгрупп на основе властного потенциала общности, к которой они относятся.

---

[119] В этом отношении представляет интерес активное распространение лексики, мифологии, норм криминальной субкультуры в российском социуме в 90-е. Существенную роль в данном процессе сыграли криминальные сериалы, деликвентный шансон, заимствование лексических конструкций отдельными политическими лидерами, звездами эстрады

[120] Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. С. 60.

Как в институциональном, так и повседневном, неформальном общении эти властные отношения могут актуализироваться членами доминирующих групп. Эффект влияния на дискурс очевиден в случае наличия провоцирующего фактора, определяющего дисбаланс контроля над диалогом. Погромы в Москве, в районе Бирюлево 13. 10. 2013 и последующие дни, вследствие убийства жителя района мигрантом, резко актуализировали дискурс по проблемам толерантности, межнациональных отношений, миграции и мигрантов. Но сам провоцирующий факт и актуализированное им антимигрантское общественное настроение определил дисбаланс в оценках ситуации, что в результате мало способствовало решению основных проблем. Взвешенные оценки происходящего в СМИ практически были сведены к минимуму. Позиции и точки зрения представителей мигрантов в дискурсе представлены не были.

Политическим партиям, безусловно, принадлежит определяющая роль в дискурсах о стратегии и формах общественного развития, природе власти, формировании представлений о социально-классовой структуре и социальной справедливости и иных актуальных проблемах общественной жизни. Сложившись в той или иной форме, политическая система определяет структуру и содержание, динамику символического политического пространства и, как следствие, генерирует политическую культуру общества.

Институционализация, как этап развития политической культуры, обеспечивает структуризацию социальных норм и контроль за их исполнением. Институты, в свою очередь, «безотносительно к тому, насколько безличными и технократическими они являются, имеют идеальное основание, которое фундаментальным образом формирует их организацию и цели, а также обеспечивает структурированный контекст для дебатов об их легитимации»[121].

Политические партии являются основными коллективными субъектами парламентского представительства, избирательного процесса, выступают также доминирующими субъектами формирования политического дискурса. Выполняя важную функцию артикуляции и агрегации социальных интересов, они обеспечивают связь политической системы и социума. При этом групповым интересам посредством универсализации и концентрации смыслов придается общегосударственная значимость. Политические партии, как отмечалось выше, предлагают стратегию общественного развития, формируют значимые социальные цели. Посредством СМИ осуществляют анализ и интерпретацию событий, решают проблемы защиты прав и свобод граждан от действий государства и иных политических сил, формируют общественное мнение по различным аспектам общественной жизни. Партии осуществляют политическое представительство, мобилизацию сторонников, формируют руководящие элиты, являются легитимным институтом борьбы за власть.

Российские политические партии в силу особенностей становления и функционирования партийной системы, даже являясь представленными в правительстве, не могут в достаточной степени реализовывать свои партийные про-

---

[121] Джеффри А. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение: Т. 9. № 2. 2010. С. 12.

граммы. Состав и политика правительства напрямую зависит от позиции президента и иных структур при руководителе государства. Но, в то же время, соотношение сил в Государственной Думе гораздо в большей степени влияет на принятие политических решений. Это свидетельствует об устойчивом процессе демократизации политической культуры России.

Партийно-политическая система России по численности и возможностям единиц, ее составляющих, за последние, примерно, 15 лет не претерпела кардинальных изменений. Сохраняются основные политические партии, их позиции и ресурсы. По показателю функциональной ориентации преобладает доминирование различий по социально-классовой ориентации. Поляризация колебаний в идеологических предпочтениях между партиями оценивается по «лево-правой» шкале. Политический спектр не характеризуется радикальной ориентацией и изменчивостью[122].

Особенности системы определяют содержательный и стилевой аспекты политического дискурса. Поскольку правительство подотчетно президенту, то партийные программы и коалиционные соглашения не могут, как правило, являться основой правительственного курса. Однако, диапазон дискурсивных практик гораздо шире. В них искажается содержание партийных программ, нивелируются цели акторов, разворачиваются различные, в том числе и спекулятивные суждения по результатам практической деятельности партий и их представителей в правительстве. Отдельный спектр дискурса – отношения президента, правительства и парламента по различным процедурам принятия и реализации решений. Здесь также наблюдается радикализация текстов, что не усиливает мотивацию к сотрудничеству представителей властей и оппозиционных политических сил. Поддержка президента или ее отсутствие со стороны парламента заставляет власть прибегать к либеральной или жесткой риторике, что может интерпретироваться как проявление авторитаризма.

Проблематика «сильной президентской власти» и различные интерпретации ее природы и специфики проявления в российской действительности занимает существенное место в политическом дискурсе. Негативные и позитивные оценки подкрепляются системами аргументаций, дополняются прогностическими концептами и многочисленными рекомендациями. Анализ текстов, жанров и стилей риторики позволяет также проследить историко-культурные основания позиций участников данного дискурса.

Современная политика осуществления власти все менее опирается на инструментарий прямого давления на несогласных. Главным средством становится формирование особых описательных и оценочных «матриц» действительности. Воздействие на концепты современных систем гуманитарных знаний в обществе (действия информационных элит и экспертных групп) – это возможность интерпретировать и конструировать текущую реальность развертывая аргументацию с позиций истинности, объективности, веры в идеалы. Иными словами – формирования и изменения эпистемологической матрицы. Безусловно, в современном глобальном символическом пространстве сложились определен-

---

[122] Показатели измерения партийных систем предложенные Я.-Э. Лэйном и С. Эрсоном.

ные рамки политического дискурса. Так практически стала невозможной критика идей демократии, свободы или практики их реализации. Сомневающийся сразу подвергается остракизму, объявляется тоталитаристом, сторонником диктатур, несвободным (почти неполноценным) индивидом[123]. В рамках действующего глобализированного концепта в символическом пространстве вполне легитимно позиционирование его разновидностей (например: социальная демократия, христианская демократия, либеральная демократия, и даже национал-демократия). В сущности, такое положение вещей не ново. В различные исторические периоды доминировали концепты: православия, самодержавия, народности, соборности; клеймилась «буржуазная демократия» и т. п.

Заинтересованность власти в изменении положения вещей реализуется средствами политического маркетинга, в котором PR-технологии становятся эффективным средством борьбы за власть. На знаково-символическом уровне формируется первоначально фрейм, затем «нужное» описание действительности и затем «картины мира», «символического универсума». Их репрезентация приводит к тем «правильным» действиям индивидов, которые были «спланированы» политтехнологами.

Интернет-пространство не является в этом отношении принципиально иной средой. Его особенностью является исчезновение «молчаливого большинства». Глобальная аудитория мгновенно превращается в «шумящий рой» под воздействием тех блогеров и авторитетных лиц, кто обладает полнотой интеллектуально-информационной легитимности, умеет оперативно интерпретировать факты, нивелировать или придавать им свехзначимость. Обратной стороной культурно-символической глобализации является тотальный контроль над интернет-пользователями со стороны спецслужб. Разоблачения Эдварда Сноудона в 2013 г. проявили масштабы этой деятельности. Стало также очевидным, что хакерские атаки на сайты партий, вброс ложной и провокационной информации, сведений о личной жизни, доходах и пр. могут существенно подрывать авторитет партий и их лидеров. Использование возможностей электронных средств слежения за оппонентами и утечек конфиденциальной информации (примером может служить Уотергейтский политический скандал (англ. *Watergate scandal*) в США 1972–1974, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона; президентская выборная кампания 2016 г. в США) создают очень серьезную проблему правил политической борьбы в информационной среде. Структуры или группы лиц, контролирующие информационные потоки фактически способны нейтрализовать как деятельность политических институтов, так и системы в целом. Следует отметить, что опыта информационной работы в интернет-пространстве у действующих политических партий в настоящее время явно недостаточно.

Следующим аспектом политического контроля дискурса является формирование экспертных сообществ, развитие экспертно-консультационных структур.

---

[123] Следует отметить, что в связи с событиями 2013–2015 гг. на Украине в политическом дискурсе возможно констатировать существенные изменения в оценке и интерпретации ряда универсальных понятий.

Эта тенденция имеет двоякую природу: направленность на сохранение статус-кво, удержание существующих позиций и стремление к завоеванию политической власти. Ключевой технологией дискурса в данной ситуации становится критический дискурс-анализ[124], который в условиях глобализации и эскалации идеологических дискурсов, дефрагментации информационной среды обеспечивает усиление научно-интеллектуальной компоненты в осмыслении существующих проблем а также формирует критическое отношение и умение понимать сущности и содержание манипулятивных дискурсов.

Особая роль науки для формирования политических дискурсов отмечена довольно давно. На научном знании основывались классовые и психоаналитические теории, разрабатывались и ниспровергались экономические и социальные проекты. В современном символическом пространстве для продвижения того или иного концепта, который маловероятно или невозможно ввести официально, заявляют о себе «экспертные группы», «советы» (не имеющие никаких официальных прав). Мнения и заключения экспертов внезапно оказываются услышанными политиками, которые активно апеллируют научными или псевдонаучными данными в формировании мнений и настроений широкой аудитории.

Поддержанные СМИ (как правило, в первую очередь партийными или ангажированными СМИ) экспертные заключения и оценки вводят проблему в пространство информационного обмена. К оценкам и заключениям экспертов обращаются различные политические партии. Так представители КПРФ в своих публикациях, выступлениях обращаются к научным сведениям о состоянии экономики, финансов, социальной сферы и озвучивают соответствующие выводы и предложения. Представители правого крыла развертывают аргументацию опираясь на экономические концепции и статистические данные в либеральном контексте.

Одним из примеров также может служить «научно обоснованный» в рамках постструктурализма дискурс о правах гомосексуальных меньшинств и продвижении в социуме нетрадиционной сексуальной ориентации. Дискурс в данном случае стал политическим инструментом, явился средством дифференциации общественных настроений по проблемам не только отношений полов но и толерантности, обострил проблему прав человека, был ориентирован на формирование негативного образа российских властей накануне Зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи.

Очевидно, что многие правозащитные организации фактически берут на себя экспертные функции. Осуществляя правозащитную деятельность они под определенным углом зрения осуществляют юридическую экспертизу законодательной базы, внутринормативных актов, решений и действий должностных лиц. Точка зрения правозащитников напрямую отражается в СМИ. Возможность реализации принципа первичной информации в подаче материала ставит оппонентов в достаточно невыгодную информационную позицию, вынуждая объясняться и оправдывать свои действия.

---

[124] Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. 344 с.

Следующий аспект институциализации культурно-символического пространства – формирование групп контроля над дискурсом, о которых частично шла речь выше. Осуществления контроля над публичным дискурсом – это управление посредством применения манипулятивных методов сознанием аудитории. Умение убеждать, внушать, соблазнять, или манипулировать людьми, исключает применение силы. Важным аспектом манипулятивных практик является умение распознать желания, стремления или надежды аудитории. Поэтому многочисленные формы проявления власти в современном демократическом обществе являются культурно-символической властью, то есть возможностью особого, постоянно воспроизводимого доступа к публичному дискурсу и обеспечения контроля над ним.

Символическая власть органически проистекает и опирается на другие виды власти. Производство идеологии и права, правоприменительная деятельность (в случае политического господства), финансовые и электоральные ресурсы, интеллектуальный потенциал, опора на определенные социальные и корпоративные группы, легальные и теневые связи, наличие эффективно действующего актива и др. определяют влияние политической организации и, как следствие, ее ресурс символической власти. Доступ политиков к публичному дискурсу, соединенный с ресурсами знания, которыми обладает научная элита – есть производство культурно-символической политики и достаточно эффективного контроля сознания аудитории. Научная, преимущественно гуманитарная элита, таким образом, выступает одной из групп контроля дискурса. Это отнюдь не исключает политического заказа на производство текстов и технологий. В то же время, ученый, в отличие от политика, обладает относительно большей степенью свободы участия или не участия в политическом процессе.

Более тесно связаны с производством и тиражированием символического политического продукта представители элит, имеющие особый доступ или косвенно управляющие доступом к публичному дискурсу. В режиме прямого доступа могут действовать медийные бизнес-менеджеры, журналисты, отдельные чиновники. Косвенного – юристы, учителя, представители бизнеса, иных властных и элитных групп[125]. В то же время, это не означает, что представители отдельных профессий, имеющие прямой или косвенный доступ, обладают властью. В данном случае они представляют социальную позицию как элемент власти организации. В сложной системе взаимозависимостей политических структур, организаций, бизнеса, медиа фундаментальные интересы определяют содержание и контроль дискурса.

Важный аспект управления дискурсом – осуществление непрямого контроля над сознанием посредством разработки и реализации значимых репрезентаций, имеющих личностный и социальный смысл. Это означает и возможность косвенного контроля над действиями. Действия людей определяются их культур-

---

[125] Особую социальную роль играет культурно-символическое пространство, в котором преимущественным доступом обладают представители художественно – творческой элиты, менеджмента и творческих профессий.

ным базисом, включающим нормы и ценности, знания, отношением к личному социальному статусу, материальным благополучием и т. д. Контролируемое действие вновь может оказаться дискурсивным в случае внедрения иного дискурса в интересах иных субъектов, обладающих доступом и властным ресурсом. Очевидно, что главным фактором осуществления власти в символическом пространстве в современных условиях является контроль дискурса.

Основной алгоритм такого контроля осуществляется примерно по следующей схеме. Первоначально для введения проблемы в информационное поле осуществляются «научные исследования», результаты которых продвигаются с помощью масс-медиа. Затем могут создаваться эвфемизмы или фреймы, задача которых сформировать позитивное отношение к заявленной проблематике и ее интерпретации. Далее следует легитимизация, достигаемая различными средствами: обращением к историческому прошлому, общественным настроениям, модерация дискурса, при котором аргументы подгоняются под необходимое мнение или решение.

«Менеджмент сознания», реализуемый группами контроля, в то же время невозможен вне оценки и понимания базовых интересов социальных групп, специфики менталитета, культуры, образованности, здравого смысла и иных факторов, управляющих представлениями аудитории по тем или иным проблемам. Понимание новостей и интерпретация событий, изменение мнений и оценок зависит от собственного опыта, предшествующих оценок и взглядов, разделяемых с другими членами группы. Личные интерпретации событий, их ментальная модель являются основой персональных действий индивида или отказа от таковых. На данном этапе контроля управление элементами производства публичного дискурса (интеракциональными, имиджевыми) зависит от заинтересованности агентов властных структур в конкретных результатах завоевания и поддержки влияния на сознание аудитории с помощью PR-технологий.

Особым измерением качества дискурса являются его культурные и эпистемологические основания. Культурный базис (матрицу) характеризует приверженность общепризнанным в данном обществе традиционным культурным ценностям, нормам, обычаям, которые определяют единые стандарты поведения. Совокупность ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов, принятых в конкретном культурном пространстве и усвоенных личностью как основные принципы жизни и нормы поведения выступают как первооснова, определяющая потребности и поведение индивида.

Кросс-культурные исследования, проведенные в маркетинговых целях убедительно свидетельствуют о необходимости учета таких факторов как специфика базовых и сепаратных субкультур, степень маргинализации социума, особенностей этоса, менталитета, социогендерной специфики и ряда иных показателей. Недооценка чревата вероятностью провала даже хорошо спланированных и ресурсно обеспеченных PR-кампаний.

В условиях возрастающей глобализации дискурсы и способы воспроизводства власти, тем не менее, существенно отличаются в зависимости от культурно-цивилизационного контекста. Представители различных культур исполь-

зуют дискурсы в зависимости от базовых представлений, убеждений, ценностных ориентаций интегрированных в «ткань» социальных реалий. В современной российской действительности культурно-цивилизационные различия накладывают отпечаток на политические дискурсы по различным векторам, таким как: Россия – Европа, Православие – Ислам, этнофобия – толерантность, центр – регионы и др. Одним из частных исторических примеров такой крайней оппозиции может служить характеристика этоса чеченцев представителем данного народа в письме к И. В. Сталину:

«Не покоряться никакой власти – это слава;

Защита непокорного это тоже слава, а предать его власти – это позор на всех потомков;

Месть врагу самосудом – слава, а не предание его властям;

Прощение за ненамеренную провинность это тоже самая великая слава, что тот (прощенный) обязывается всю жизнь чтить простившего»[126].

Данный пример свидетельствует о том, что использование технологий контроля символического пространства вне понимания культурно-исторической специфики региона, сути культурно – цивилизационного кода, «прорастающего в ткань культуры» практически не имеет смысла. Традиционный российский этос, базирующийся на иных основаниях (в частности культурных универсумов «правда», «совесть») контрастен как многим европейским и западным ценностям, так и культурам ряда этносов, проживающих в Российской Федерации. Применение в дискурсе по политическим и иным актуальным проблемам технологий «осквернения ценностей», в частности и дегероизации исторического прошлого, может иметь более глубинные основания и последствия. Различия культурных кодов, заимствование аргументации, основанной на иных культурных матрицах, способствует нарастанию конфликтогенности и практически сводит на нет зоны понимания и сотрудничества.

Осуществление контроля дискурса и менеджмента сознания предполагает оценку рисков. К таким показателям относятся:

- Оценка враждебности оппонентов и необходимости затрат для вхождения в дискурс;
- Оценка конкуренции, возможных действий по обеспечению контроля дискурса;
- Показатели комплиментарности – враждебности информационной среды;
- Емкость дискурса (величина информационного поля), цели, позитивные и негативные последствия, трансакционные издержки;
- Государственная поддержка;
- Поддержка негосударственных организаций, возможность использования их информационных ресурсов.

---

[126] Письмо Салатаева В. А. Сталину от 10.12.1952 г. [Электронный ресурс]. URL: http://foto-history.livejournal.com/4685415.html (дата обращения 05.09.2017).

Контроль дискурса также требует системной аналитики результатов социологических исследований, периодических изданий, получения информации из неофициальных источников с использованием коммуникативных возможностей актора.

Общеизвестно, что политические партии оформляют свои интересы на основании тех или иных идеологий и ценностей. Политический дискурс разворачивается как конкуренция идеологий, что дает основания для его рассмотрения в качестве технологии достижения власти и ее реализации от имени как государства, так и иных акторов. Государство обладает гораздо большими ресурсами контроля дискурса – властью, реализуемой посредством административного аппарата. Таким образом, аппарат обретает и выполняет функции проводника определенной идеологии, систем ценностей, модератора общественных настроений. Безусловно, аппарат опирается на жесткие методы регулирования, используя силу и авторитет закона, правоохранительные структуры, контролируемые СМИ.

По результатам его действий и проводимой политики в различных сферах экономической и социальной жизни складываются группы доверия – недоверия к идеологии и практике деятельности правящей политической партии или коалиции. В то же время, любая идеология, являясь в широком смысле, культурным продуктом, содержит совокупность культурных кодов, имеет фундаментальные психологические основания (массовые психотипы справедливости, милосердия, участия или культа силы, власти денег и т. п.).

Таким образом, возможно констатировать:

- Символико-культурная власть (социокультурная гегемония) осуществляется посредством символического продукта, дискурса, определяющая роль в производстве которого принадлежит символическим элитам. Они осуществляют подбор тематики, аргументации, риторики и презентации, стиля публичного дискурса. Элиты, формирующие идеологию и реализующие ее в дискурсивных практиках, берут на себя и ответственность за обеспечение баланса базовых интересов социальных групп. Если элита не справляется с данной задачей, то наступает кризис с возможностью перехода к революционным действиям с целью отстранения элиты от власти, перераспределения между победителями ее ресурсов.
- В современном символическом пространстве, продвижении того или иного концепта особую роль обретают «экспертные группы», «советы». Точки зрения и заключения экспертов обусловливают формирование мнений и настроений, которые маловероятно или невозможно ввести официально.
- Важнейшим компонентом развития политической культуры является формирование и деятельность групп контроля над дискурсом. Осуществление контроля над публичным дискурсом – это применение манипулятивных методов управления сознанием аудитории. Доступ политиков к публичному дискурсу, соединенный с ресурсами знания, которыми обладает научная элита – есть производство культурно-символической политики и достаточно эффективного контроля сознания аудитории.

2.2. Манипулятивные технологии и практики контроля сознания масс

В большинстве современных государств во второй половине XX – начале XXI в. борьба за власть осуществляется преимущественно средствами информационно-психологических технологий, главной целью которых является манипуляция сознанием. Россия в этом отношении не является исключением. В отечественной многонациональной культуре становление организационных форм борьбы за власть исторически развивалось от использования явного прямого насилия (террор народовольцев, эсеров и др.), вооруженного восстания, революции и т. п.) к технологиям, основанным на использовании средств неявного манипулирования сознанием людей посредством информационных и социокультурных технологий. Особенности российского социально-экономического развития, сопряженные с кризисными факторами, обернулись значительными потерями в духовной сфере, что обусловило масштабное использование информациионно-психологических манипуляций в политической борьбе.

Данные практики опираются на фундаментальные исследования культурных, социальных и психологических процессов (Г. Блумер, Э. Канетти, А. Моль, С. Московичи, Г. Ле Бон, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд и др.)[127], широко освещены в работах зарубежных и отечественных исследователей, опираются на различный понятийный аппарат[128]. Из отечественных публикаций последних лет необходимо отметить работы в области манипулирования сознанием и личностью Е. Л. Доценко, Е. Г. Дьяковой, Г. В. Грачева, И. К. Мельника, С. Г. Кара-Мурзы[129].

В контексте динамики российского политического пространства информационно-манипулятивные технологии представляют интерес как практики, востребующие символы, образы, тексты, ориентированные на модификацию основ национальной культуры. С учетом культурно-антропологических особенностей российского многонационального и многоконфессионального социума, характеризующегося также относительно высокой степенью образованности населения, традиционным бытовым укладом, этатированностью сознания, определенной психологической усталостью и разочарованием от реформ использование многих средств манипулирования сознанием оказывается малоэффективным. Культурный базис и обретенный опыт способствовал формированию определенного иммунитета к информационным вбросам, обещаниям политических лидеров, различного рода дезинформации.

---

[127] Блумер Г. Коллективное поведение. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 90–115; Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 528 с.; Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.; Моль А. А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 407 с.; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 347 с.

[128] Например, понятие «символическая политика», концепты «мозаичной культуры», «восстания масс» и др.

[129] Грачёв Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. М.: Алгоритм, 2002. 196 с.; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во: Эксмо, 2005. 832 с.; Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

В такой ситуации особое значение обретают технологии, ориентированные на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов. Основной упор делается на практики скрытого манипулирования методом двойного воздействия. Исследователь данных практик и публицист С. Г. Кара-Мурза отмечает: «Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия – наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия»[130].

Тактика и методы информационно-психологического манипулирования опираются на фундаментальные научные исследования в области социологии и психологии масс, широко используются в целях информационно-психологического воздействия как на психику отдельного человека, так и групповое и массовое сознание. Анализ вышеозначенных работ по проблеме манипуляции сознанием, информационному воздействию на личность и массы позволяет достаточно полно представить объекты, методы, структуру реализации данных практик.

Основной алгоритм манипулирования сознанием включает несколько этапов «тайного принуждения личности».

Понятие манипуляции характеризуется признаками психологического воздействия и отношения к объектам манипулирования как средству достижения поставленных целей; ориентацией на получение одностороннего выигрыша; неявным характером воздействия и его направленности; использованием факторов, связанных с психологической уязвимостью и социальной незащищенностью объекта воздействия; формированием различного рода мотивации поведения в интересах инициатора.

Манипуляция рассматривается и в качестве вида психологического воздействия, которое ведет к скрытому возбуждению у другого человека стремлений, не совпадающих с его устоявшимися желаниями; скрытого внедрения в психику целей, намерений, формирования установок, отвечающих целям инициатора; изменение вектора активности другого человека и побуждение его к действиям в интересах конкретного актора. По мнению Е. Л. Доценко «Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением»[131].

Как технология тайного принуждения личности манипуляция сознанием относится, безусловно, к насильственным практикам. Однако, провести разграничение «принуждаемых» действий от ненасильственных изменений поведения человека практически невозможно. В данной ситуации огромное значение об-

---

[130] Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. С. 57.

[131] Доценко Е. Л. Психология манипуляции. С. 58.

ретает фактор мастерства манипулятора. Большинство манипулятивных операций может скрываться под завесой идей прав и свобод человека, постулатов веры, защиты тех или иных ценностей. Показателен в этом отношении пример вербовки террористическими организациями Аль-Каида и ИГИЛ молодых боевиков из числа потомков эмигрантов родившихся и выросших в странах Западной Европы.

Опираясь на точки зрения вышеупомянутых исследователей проблемы манипулирования сознанием возможно констатировать, что манипулирование следует рассматривать как действия, целью которых является формирование общественных мнений и настроений посредством комплекса методов выстраивания коммуникативного пространства, обеспечивающего в интересах субъектов манипуляции контроль и управляемость доминирующей части социума. Манипуляция рассматривается как форма скрытого психологического воздействия, средство информационного влияния посредством рекламы, пропагандистских акций, политических шоу и игр (политических маневров, закулисных сговоров, интриг, сделок и т. п.) и иных средств – т. е. главного фактора информационной и психологической борьбы за власть и влияние. Здесь информационно-психологическое воздействие ориентировано на «размывание» аргументации оппонента, лишения его базиса концептуальных построений, ослабление морального духа, подрыв авторитета лидеров, дискредитацию их действий, формирование в общественном сознании представлений в интересах заказчика для достижения его целей.

В манипулятивных практиках особое место занимают *социально-культурные технологии.*

Современная «встроенность» человека в общественные процессы, его «зависимость» от множества факторов обеспечения жизнедеятельности, удовлетворения нарастающих потребностей обусловливает возрастание роли социального управления. Социальная технология, как возможность операционального влияния на качество, воспроизводство и тиражирование различных сторон общественной жизни и конкретных видов деятельности не может быть эффективно реализована вне учета действия многочисленных культурных факторов. В свою очередь она также является своего рода культурным продуктом, так как обеспечивает сохранение, изменение и трансляцию различных элементов культуры общества.

Социально-культурные технологии рассматриваются в качестве научно обоснованного и операционально обеспеченного способа достижения целей, имеющих общественную значимость. Большей частью они реализуются в информационных, культурно-досуговых, творческих практиках и проектных технологиях. Значимость использования технологий социально-культурного конструирования реальности осознавалась большинством политических акторов еще с начала XX в. Это обусловило и проведение исследований в области массовой психологии (З. Фрейд, Г. Ле Бон, Э. Канетти, Х. Ортега-И-Гассет, С Московичи, Г. Блумер и др.), разработку концепций и технологий изменения национальных культурных кодов и замены эпистемологических матриц.

Одним из примеров формирования научно-обоснованного базиса использования манипулятивных практик может служить дискурс о «русской матрице», аксиологических основаниях российской и русской культурной идентичности, развернутый в научных публикациях последних лет. Так в материалах заочного круглого стола общенационального научно-политического журнала «Власть»[132] особую остроту приобрела дискуссия по проблеме понимания «российской матрицы». Констатируя в качестве исходного тезиса точку зрения о том, что «Российская матрица» – российский культурно-исторический код, который был и является экзистенциальной основой идентичности, определяющей течение отечественной истории (А. Лапшин)[133] авторы осуществили широкий высококвалифицированный обмен мнениями о сути, становлении, обусловленности и функционировании данного феномена.

Не вдаваясь в тонкости дискуссии, выходящей за рамки данного исследования, необходимо отметить и точки зрения, изложенные в чисто научной дискуссии, но формирующие теоретическую базу манипулятивных практик.

С точки зрения А. А. Пелипенко[134], отмечающего отсутствие строго научного определения термина «матрица» в гуманитарном контексте[135] «российская матрица» антиисторична, антиличностна и антиантропна, что создает и воспроизводит механизм архаизации общественного сознания. Это создает критичную для российской цивилизации расколотость российского общества на русский Запад и русскую Азию. Она представляет продукт исторически сформировавшегося ментального типа, организацию русского общества, при которой оно расслаивается на властную верхушку и огромное бесправное большинство.

Далее аргументируется тезис об антиисторизме самого русского национального сознания. По мнению автора, оно мифологично, фольклорно и лишено исторического понимания времени с его необратимостью события и аккумуляцией социокультурного опыта. Антиантропность российской культурно-цивилизационной модели – первый признак ее глубокой патологичности.[136] Отмечается, что глубина проектирования будущего России… набор мессианских мифов… Россия представляется такому сознанию единой и неделимой матрицей, всегда равной самой себе независимо от изменений политико-географического ландшафта. В основе российской матрицы лежит идея господства – ментальный фундамент того, что собирает все компоненты социокультурной системы в устойчиво воспроизводящее себя целое – «русскую матрицу». Ее основные компоненты, таковы:

Имперство, как наиболее адекватное воплощение русской идеи господства позднее артикулированая в идеологии коммунизма;

---

[132] Русская матрица: мифы и реалии. Материалы заочного круглого стола // Власть. 2014. № 2. С. 15–65.

[133] Там же С. 15.

[134] Пелипенко А. А. Проклятие «русской матрицы». С. 17–20; Пелипенко А. А. Код к «русской матрице». С. 58–65.

[135] Там же С. 58.

[136] Там же. С. 59.

Антиличностность как антитеза понимания личности в качестве особого культурно-антропологического типа, для которого служение облекается в формы свободной творческой самореализации… Идея Запада угасла и ушла к индивидуализму. В «российской матрице» личность маргинальна, подавляема, подозрительна. Ее существование допускается и осуществляется на условиях служения власти, отечеству, богу, обществу.

Самовластие, как компонент матрицы, порожден идеей господства и являет специфический тип отношений. Власть в российской матрице пребывает вне моральных ограничений, над любыми законами. Власть неизменно персонифицирована. В обществе существует полубессознательное представление о власти как о мистическом медиуме с высшими сферами. Медиум – шаман, жрец, пророк – должен быть персонифицирован.

Реанимация Должного (агрессивно-изоляционистских инстинктов имперского сознания) могла принять только вид симулякра – фальшивки, пустышки, имитации. Ощущение нестерпимой фальши и пустоты, помноженное на безотчетную боязнь будущего, переполняет общественное сознание, выливаясь наружу то злобной истерикой «патриотизма» и ксенофобии, то эпидемией конспирологии, то угрюмой безысходностью существования, лишенного «больших смыслов»[137]. «Проклятие России – в ее дурной бескачественности, межеумочности. Ни восточной религиозности, ни западной секулярности. В российской матрице скорее не власть от Бога, а Бог от власти. Отсюда особый феномен российского холуйства <…> готовности исполнять самые дикие и преступные прихоти власти»[138].

«Россия – варварское продолжение византийской цивилизации. Русский индивидуализм – не буржуазный, а варварский: ему чужд дух протестанстской этики. Его национальная идея – халява. Но уже сложился сектор вполне вестернизированного мировоззрения людей, которые не хотят и не могут жить в российской матрице (поколение выбирает пепси). Один из возможных путей России… «коротать недолгий исторический век калеки, урода в обломках «российской матрицы»[139]

Далее в контексте кризиса логоцентризма, как системообразующего фактора российской матрицы, отмечается, что основной вектор развития определяется восходящей силой постлогоцентрического культурно-цивилизационного качества. В нисходящем векторе пребывает ислам и, в более неявной форме, Россия, которая разведена на Россию-Азию и Россию-Европу.

Если отвлечься от чисто научной экспликации данных тезисов, то такая парадигма легко может быть использована в целях манипуляции массовым сознанием. Опираясь на методы «технологии осквернения» возможно доказательно утверждать, что Россия не имеет перспектив цивилизационного развития, является культурно-отсталой, «варварской» страной. В современном социально-

---

[137] Пелипенко А. А. Проклятие «русской матрицы». С. 17–20; Пелипенко А. А. Код к «русской матрице». С. 61.

[138] Там же. С. 62.

[139] Там же. С. 65.

политическом контексте это концепции, утверждающие антипостмодернистский, традиционный тип общественного устройства России как «общества ограниченного доступа», тоталитаризма, антидемократизма, неразвитости гражданских институтов, отсутствия свободы слова, нарушения прав человека и прав сексуальных меньшинств и т. п. Естественно, аналогии с иными культурно-цивилизационными типами не проводится, те или иные «штампы» используются исключительно при оценке российской действительности. Таким образом, один из аспектов чисто научного дискурса обретает характер устойчивых мифов, на основании которых выстраивается информационные вбросы в общественное сознание.

Не секрет, что такие типы культурно-цивилизационного развития, как китайский, индуистский и особенно японский также возможно представить в категориях традиционализма, общества ограниченного доступа и т. п. В ряде произведений Харуки Мураками отражены сложные процессы культурной интеграции в условиях постиндустриального общества национально-культурных традиций и современных культурных трендов. Безусловно, процессы сложные, противоречивые, но это вряд ли дает основания их интерпретации с точки зрения «неразвитости» тех или иных культурных систем. В полной мере данную ситуацию возможно отнести и культуре иудаизма. Однако никто не считает современный Израиль ортодоксальным, догматическим и неспособным к развитию государством.

Аналогично выглядит и идея господства, «имперства». Евро-атлантический цивилизационный тип, особенно в варианте США, достаточно наглядно демонстрирует «зависимость» от данного концепта внешнеполитической, экономической, культурной практики. Косвенным доказательством этого может служить утверждение английского языка в качестве основного языка международного общения. Тезисы о антиантропности российского варианта развития, «халявности», как русской национальной идее обладают явными признаками расизма. Данное понятие вполне возможно использовать при оценке массовых действий жителей Европы и США в начале сезонных распродаж, стремлении и умении определенной части населения использовать возможности социального обеспечения и поддержки в собственных интересах.

Кризис или даже возможный крах концептов мультикультурализма и толерантности, о чем ранее высказывались ведущие политические лидеры Европы, особенно обострился после теракта в отношении издания Шарли Эбдо и последующих событий, приведших к краху концепции мультикультурализма. Трудность и даже невозможность осуществления полноценного диалога культур на Европейском пространстве, сложности в решении проблемы миграции разрушают теоретические основания концептов, связанных с продвижением идей либеральной ориентации.

Русская культурно-историческая традиция создала тип цивилизации, который демонстрирует не только жизнеспособность, но и способен предложить после крушения коммунистической идеи свой вектор развития (российский путь, русский мир, русская правда) в современном обществе. Точка зрения о том, что концепт «российская матрица» не может иметь оснований в связи с

тем, что Россия не является мононациональным государством и, тем более, не «матрешка», из которой выскакивают национальные копии российской матрицы, представляется более чем сомнительным. Именно исторически сложившаяся на определенной территории многонациональная и поликонфессиональная евразийская система, по мнению многих сторонников данной идеи, возможно и продемонстрирует как в геополитическом так и социально-экономическом контексте еще один вариант общественного развития, опирающийся на традиционные культурные основания.

Таким образом, синхронизация либеральной и расистской эпистемологических матриц и построение на данной основе моделей и стратегий общественного развития не отвечает строгим научным критериям. Востребование и использование теоретических постулатов в манипулятивных практиках является лишь средством в попытках трансформации культурных кодов, осуществления культурной колонизации.

Особую технологию манипулирования общественным сознанием представляет *модель «Окон» Джозефа Овертона*, политтехнолога, бывшего вице-президентом Макинского центра публичной политики (США). Эта технология достаточно хорошо известна специалистам в области информационных коммуникаций. Основная цель «окон Овертона» – легализация в общественном сознании представлений, запретов, выработанных и табуированных в процессе развития человеческой цивилизации. Изменение отношения к идеалам, ценностям, взглядам, просто популярным точкам зрения достигается посредством поэтапного «сдвига» мнений. Отсюда и понятие «окон», открываемых одно за другим. Сначала диагностируется общественное мнение в отношении той или иной идеи. Создается некое терпимое или даже позитивное отношение к ней. Когда отношение общественного мнения к объекту становится вполне приемлемым и даже институализированным, то уже оно берется за первооснову и осуществляется следующий сдвиг «окна».

Стандартным механизмом осуществления такого продвижения являются средства массовой коммуникации. В этих целях организуются дискуссии, приглашение экспертов, научные публикации, ток-шоу и другие акции в результате которых производится подмена понятий (например, каннибализм – антропофилия). Итогом манипулятивных действий становятся искаженные и «перевернутые» концепты, представления, правила, которые обретают уже в ином качестве нормативный статус и используются в конкретных политических целях.

«Окна Овертона», как технология, предусматривает пять основных этапов.

На первом этапе (условно обозначим его как этап «первичной трансформации мнений) явно неприемлемая и табуированная идея переводится в область радикального мнения. Возможность и даже необходимость обсуждения заявленных проблемы, явления аргументируется необходимостью соблюдения прав человека, свободой слова, толерантностью и аналогичной аргументацией. Обсуждение предмета вводится в широкий оборот, организуется «реакция мнений» авторитетных лиц. В ходе дискуссий предмету придается и некий флер «респектабельности».

На втором этапе (этап модификации мнений) осуществляется пересмотр позиций от явно негативного отношения к более позитивному. Происходит разрушение однозначности оценки проблемы или явления и формируются некий спектр «оттенков серого».

На третьем этапе (этап легитимации) – проблема или явление переводятся в ранг «возможного», легитимируются. Здесь возможно создание мифа, изменение обозначения, аргументируется необходимость «узаконить» и «рационализировать» продвигаемый предмет.

Четвертый этап (этап популяризации) – новое понимание сущности предмета манипулирования тиражируется посредством СМИ, «встраивается» в культурное пространство. При необходимости обсуждаемая проблема ассоциируется с образами популярных личностей,[140] запускается механизм самовоспроизведения предмета манипуляции в СМИ, приводятся доказательства наличия огромного количества сторонников нового видения обсуждаемой проблематики.

Пятый этап (институализации) характеризуется тем, что предмет обретает нормативный статус. Далее он может использоваться в целях политической манипуляции, различных проектах, входит в общественное сознание в качестве культурной нормы. Данный этап также предусматривает и экспансию в инокультурное пространство вновь утвердившегося норматива, осуществление акций в целях его популяризации (например, гей-парадов).

Особенностью использования технологии «окон Овертона» является ее латентность. Необычайно трудно дифференцировать действительно актуальную проблему от манипулятивного концепта. В знаменитом фильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля» симпатии зрителя на стороне преступника, автоугонщика Юрия Деточкина. Если рассмотреть данный сюжет с точки зрения этапов «окон Овертона» то он вполне укладывается в первый этап обозначенной технологии.

В последние десятилетия в сюжетах многих художественных фильмов и телесериалов романтизация и героизация отрицательных персонажей (например, Саша Белов, «Бригада») или «осквернения» социальных институтов (сериал Гай Германики «Школа») получили название «технологии моральной инверсии»[141]. Посредством художественных образов формируется у молодого поколения определенная система негативных взглядов и деструктивных ориентаций. Создается обладающая значительным фрустрационным потенциалом нигилистическая система представлений и формируется психологическая готовность к агрессивным действиям. Она стимулируется определенными, как правило, песенными текстами, содержащими своеобразные – символические лозунги: «Мы ждем перемен»; «Не стоит прогибаться под из-

---

[140] Примеры такой манипулятивной ассоциативной связи: П. И. Чайковский, С. П. Дягилев, В. Нижинский, С. Лифарь – лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией; Э. Пиаф, В. Высоцкий – наркоманы и т. п.

[141] Андреева Н. П. Моральное инверсирование в средствах массовой информации и насильственные практики в подростково-молодежной досуговой среде // В мире научных открытий. 2014. № 5(53). С. 68–73.

менчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас»; «Мама – Анархия, Папа – стакан портвейна» и др. Музыкальные ансамбли и отдельные исполнители на данном этапе обретают для данной части молодежи статус символических референтов.

Иллюзия возможности получить ответы на сложные вопросы жизни чревата тем, что на данном этапе «примеряются на себя» многочисленные протестные и националистические символы. Масса обретает готовность к действиям, становится злобно-агрессивной и готова идти за вожаками, как правило, заранее подготовленными против любых институтов власти и управления, иных социальных групп, представителей других этносов.

Промежуточными звеньями использования «технологии моральной инверсии» могут являться такие как: формирование социокультурных стилей повседневности; моды на товары и услуги, активное продвижение определенной кино-видео, музыкальной продукции и др., ненавязчиво сопровождаемые либеральными концептами и лозунгами. Опыт цветных переворотов свидетельствует, что именно молодежь являлась социальной базой «старта» активных антиправительственных действий. Впоследствии реальных социально-экономических преобразований в странах «победивших революций» не происходило. Подъем энтузиазма сменялся депрессией, разочарованием, сменой идентификационных доминант.

В политических и манипулятивных технологиях художественный образ и текст в качестве символов-конденсатов, обладают колоссальным мобилизационным потенциалом. Примером могут служить «Марсельеза», «Интернационал», ставшие впоследствии национальным и партийным гимнами. Фактически национальный гимн и флаг, являясь и культурными символами, выполняют главную функцию, связанную с формированием национально-культурной идентичности.

Манипулятивно-мобилизационный ресурс лозунга-мифа, как правило, используется с добавлением устоявшейся традиционной (национально-культурная, например, флажки) или новой символики – определенных видов цветов, ленточек, зонтиков. В этот момент происходит размежевание на «Мы» и «Они», психологически закрепляется та или иная идентичность. Никакие логические аргументы, призывы к спокойствию, апелляции к разуму не действуют. Ситуация срывается при возникновении жертвы-символа. Пролитая кровь мученика сакрализирует массовые настроения и побуждает на активные действия. Первоначально неявное наличие внутри массы организаторов, выполняющих задачи провокации, распространения и поддержания протестных настроений, приводит затем к открытым призывам к действиям и проведению акций.

Достижение политических целей не всегда достигаются посредством осуществления различных переворотов. Одно из направлений установления контроля над объектом воздействия является *манипулятивная технология, получившая название «мягкой силы»*. Сформировавшись как политическая практика, реализуемая, прежде всего, как совокупность явных и тайных дипломатических усилий и используя накопленный опыт деятельности неправительственных организаций, она ориентирована на «борьбу за умы». Данная технология много-

аспектна, динамична, мобильна в выборе средств и методов достижения поставленных целей. В определенном смысле, в ней системно интегрированы технологии тайного принуждения и манипуляции сознанием, социокультурные практики, «окна Овертона», дипломатические усилия, теневое влияние. Использование технологии «мягкой силы» осуществляется, в основном, по следующим направлениям:

1. Формирование привлекательного имиджа государства.

Главной задачей данного направления деятельности является создание позитивного образа государства, применяющего «мягкую силу» в своих целях. Это достигается посредством ангажированных СМИ, проведением культурных акций, налаживанием связей с элитами, отдельными политиками, бизнесом, учеными, поощрения грантами. Влияние на социум обеспечивается распространением тенденциозной информации, рекламой научных и социальных достижений, образа жизни, преимуществ типа общественного устройства. Для различных социальных групп создается психологическая возможность сравнения своего настоящего с неким идеализированным образом жизни в ином государстве – возможностями в получении доходов и уровне потребления, получении образования, доступа к культурным благам и т. п. Реализуемый политический замысел – вызвать недовольство своим настоящим и ощущение бесперспективности личного будущего в своей стране и, как следствие, сформировать готовность к активным протестным действиям.

2. Налаживание контактов и подкуп правящей элиты.

Реализация данного направления использования «мягкой силы» осуществляется посредством тщательного отбора лиц, способных оказать влияние на принятие решений, являющихся авторитетными специалистами или обладающих возможностями формирования общественного мнения. Это могут быть политические деятели, придерживающиеся оппозиционных взглядов, ученые, литераторы, деятели культуры. Технология применения «мягкой силы» не допускает прямого подкупа или шантажа. Здесь практикуется создание площадок обмена мнениями, проведения щедро оплачиваемых заказных экспертиз, приглашения на различного рода мероприятия, предложение членства и участия в деятельности престижных элитарных клубов, публикация «нужных» заказчику материалов. В элитарном социальном слое, таким образом, формируются группы влияния. Исторический опыт убедительно свидетельствует, что использование данных средств во многом способствовало началу Великой Русской революции 1917 г. [142], реализовывалось в практике «оранжевых и цветных» революций, «арабской весны».

3. Некоммерческие организации и общества.

Институты гражданского общества – неправительственные, некоммерческие организации, различные общественные объединения, фонды также используются в качестве инструментов реализации технологии «мягкой силы». Поскольку они не связаны с государством, декларируют различные гуманитарные

[142] Технология «Мягкой силы». URL: http://pereformat.ru/2014/09/staraya-kak-mir-novaya-tehnologiya/ #more-5248 (дата обращения 05.09.2017).

цели и реализуют социально-ориентированные проекты, то подходят для различного рода лоббистской дебятельности, способны влиять, особенно на региональном уровне, на принятие решений, организовывать различные акции. Это могут быть и иностранные неправительственные организации, и совместные общества, и спонсируемые из-за рубежа или получающие средства на конкретные цели из внутренних источников национальные общественные объединения. Диапазон деятельности таких организаций необычайно широк: от культурного обмена до целенаправленного формирования общественных настроений в различных социальных слоях, особенно среди молодежи.

4. Диверсификация в сферу образования новых моделей и интеграция образовательных учреждений.

Решение данной задачи предусматривает повышение роли образовательных и научных учреждений в комплексе решения проблем использования «мягкой силы». Изменение эпистемологических матриц предполагает реформирование сферы образования. Прежде всего, это касается системы гуманитарного знания. В этих целях используется совместное издание научных публикаций, обмен преподавателями, обучение студентов за рубежом, введение в образовательную практику курсов, позволяющих сформировать привлекательный культурный имидж иной страны, назначение стипендий и получение различных грантов. Такая практика неслучайна, т. к. студенческая молодежь, как свидетельствует исторический опыт, является мощным катализатором общественных настроений.

Одним из важных аспектов использования технологии «мягкой силы» является организация «утечки мозгов» и результатов научных исследований. Для этого используются различные «благотворительные» проекты, типа программ, реализуемых во многих странах фондом Д. Сороса.

5. Молодежная политика и формирование пространства «культуры детства» как направление реализации технологии «мягкой силы» реализуется, преимущественно, как масскультурная стратегия. Это и формирование привлекательного образа жизни, распространение художественной продукции, реклама актеров, музыкантов, новинок игровой индустрии, культовых брендов, распространение моды, инициация молодежных общественных объединений.

Особое место в реализации данных целевых практик отводится формированию пространства «культуры детства». Это привлекательные мульфильмовские персонажи, широкий диапазон музыкальных произведений, речевки-символы, культурные стереотипы, комиксы, детские книги, игрушки, продукты и напитки в определенной упаковке и т. п. Эффект импринтинга используется манипуляторами с целью иметь в перспективе не только лояльный слой граждан в стране-объекте, но и формировать потребительские предпочтения в отдаленной перспективе а, следовательно, и рынок сбыта.

Существенным компонентом в структуре комплексного использования технологии «мягкой силы» занимают различного рода *информационные вбросы.* Данная практика широко используется в целях вызова резкой эмоциональной реакции на сообщение. Как средство коммуникации, этот способ не является новым, но достаточно действенным. Слухи, сплетни, небылицы и т. п. всегда

являлись вызывающим особый интерес средством коммуникации. Интернет-коммуникации в этом отношении оказались идеальным средством распространения новостной информации такого рода. Слухи о личной жизни (конечно, с определенным оттенком подачи материала) политических и общественных деятелей, их заболеваниях и сумасшествиях, неблаговидных поступках, пристрастиях ориентированы на дискредитацию и создание недоверия к данным лицам и их конкретным решениям. Не удивительно, что созданием и реализацией таких вбросов занимаются специально формируемые информационные подразделения заинтересованных государств.

Подводя итоги (в рамках проводимого исследования) структурного анализа системы манипулятивных технологий и практик контроля сознания масс возможно констатировать следующее:

1. В современных условиях политическая и культурная конкуренция, обусловленная совокупностью различных геополитических, экономических, национально-культурных, социальных и иных факторов, призванная обеспечить доминирование одной из сторон, реализуется преимущественно в практиках обеспечения контроля сознания масс на основе использования манипулятивных технологий. Как правило, это выражается в использовании способов прямого (пропагандистские акции, продвижение культовых брендов, рекламные кампании и т. п.) и скрытого влияния на умы посредством системы манипуляций, призванных изменить эпистемологическиую матрицу национально-культурного сознания, коды культуры, сформировать определенные психологические установки.

2. Сложившиеся манипулятивные технологии и практики, в отличие от предшествующих исторических периодов, представляют целостную систему гибридного воздействия на избранный объект. Они включают: информационные технологии, ориентированные на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов (информационно-психологические, тайного принуждения); социально-культурные технологии (научно-информационные, культурно-досуговые, творческие, проектные, конструирования реальности, осквернения ценностей, моральной инверсии); технологию «окон Овертона»; технологию «мягкой силы».

3. Активное противодействие акторам манипулятивных практик и технологий возможно при следующих условиях:

- формирования культурно-политического пространства общества на основе общецивилизационных и национально-культурных кодов и ценностей, что ограничивает возможности манипулятивного доктринального использования универсальных символов-конденсатов (демократия, свобода слова, права человека, права меньшинств и т. п.);
- осуществления комплекса мер в сфере культурной политики государства, ориентированных на ценностно-содержательное наполнение пространства «культуры детства»; реализации целевых программ в сфере молодежной политики, поддержки национальных культур на основе ценностно-символических констант Российского социума. Активная реализация данного направления в

сфере культурной политики может явиться серьезным фактором противодействия глобальным проектам социального конструирования;

- объективной, достоверной, оперативной, многоаспектной информации о реальных фактах и событиях (правда факта, «страх правды»), ограничивающие возможности их манипулятивного истолкования или обвинений в подлоге и подделках. Актуальность и эффективность использования в информационной практике «правды факта» доказывается стремлением ряда стран ограничить доступ российских СМИ в лице журналистов (вплоть до запрета вещания) к освещению событий, предписаниями по характеру подачи информации, созданием специальных европейских агенств по пропаганде и противодействию распространения правдивой информации;
- проведение фундаментальной научной экспертизы и оценки реализуемых заинтересованными акторами проектов, информационных вбросов, социокультурных практик и введение в информационное пространство результатов экспертных заключений.

2.3. Механизмы интеграции и дифференциации политического пространства российского общества

Политическая активной и деятельность, как особый вид социального поведения, определяются многими факторами, в первую очередь, сложившимся у определенной группы ценностно-мировоззренческим ядром. Опирающиеся на те или иные ценностные системы, идеологии, являющиеся двигателем политического процесса, всегда выступают отражением определенного типа культуры, мировоззренческой модели, имеющей аксиологические и эпистемологические основания.

Обновление или изменение политических предпочтений и парадигм происходит как процесс смены доминирующего мировоззрения и соответствующих ему способов восприятия мира, в результате чего одна система ценностей заменяется другой. Смена систем происходит как разрушение доминирующего в политике мировоззрения (идеологии) и соответствующих ему политических институтов, традиций, образцов и норм поведения, смены культурных кодов. Институциализация в политической культуре выступает условием и механизмом, позволяющим четко определить границы, формы и правила организационного, информационного, социокультурного взаимодействия акторов политического процесса.

Сложным аспектом функционирования политической культуры является взаимосвязь и взаимообусловленность механизмов «идеального и инструментального» во взаимодействиях акторов, как носителей идеологий. Последующая институциализация выступает как необходимая стадия структурирования и оформления собственной идеологии и ценностных систем. В данном контексте процесс интеграции и дифференциации современного российского политического пространства представляет собой довольно сложную систему взаимодействия как политических акторов и общественных институтов, так и государства

в правовом, экономическом, социальном, концептуально-идеологическом полях.

Специфика институциализации в Российской Федерации в значительной степени определяется самобытностью правового развития России (отсутствием договорной традиции, правовым нигилизмом досоветского периода), традициями становления институтов власти советского периода и особенностями наднационального развития государства, трансформацией институтов власти в соответствии с требованиями демократического развития общества.

В настоящее время возможно констатировать, что политическая система современной России характеризуется относительной стабильностью. В основном обеспечиваются конституционные права и гарантии, выстроена вертикаль власти, активно проявляют себя политические партии и общественные организации. В то же время, ментальный фактор этатированности общественного сознания создает риск устойчивости политического порядка, зависимость от отношения масс к личности руководителя государства. Негативным фактором также является существующая коррумпированность в ряде органов государственного управления.

В такой ситуации культурно-символическое пространство обретает особую роль. Его институциализация в современных условиях становится действенным условием обеспечения общественной стабильности и дискурса основных политических сил.

Политическое взаимодействие осуществляется в рамках определенной конфигурации пространства определяемого количеством партий, общественных формирований и их организационными ресурсами, численностью и структурой избирателей, авторитетом и популярностью лидеров а также рядом иных факторов, образующих партийно-политическую систему и определяющих характер политической культуры. Большинство разработанных типологий партийных систем опирается на количественный показатель многопартийности/однопартийности, что является и своего рода культурно-символическим вектором манифестации политических моделей общественного устройства. Сложившаяся в последние десятилетия многопартийность и возросшее влияние общественных объединений позволяют судить о прогрессивных тенденциях развития политической культуры России. В то же время, политические традиции, особенность географического положения, геополитические интересы, внешние угрозы вполне логично определяют статус России в качестве государства ограниченного доступа[143].

Опыт СССР свидетельствует, что партийная политика в области продвижения коммунистических идеалов средствами агитации и пропаганды (PR-технологиями того периода) отличалась монополизмом и крайней консервативностью лозунгов. Информационные ограничения и запреты в складывающемся новом информационном пространстве не соответствовали формировавшимся реалиям. В определенный исторический период традиционность используемых

---

[143] По шкале оценки политических систем государств К. Поппера: открытого, ограниченного и закрытого доступа. См. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Культурная инициатива, 1992. 1492 с.

средств и методов породила информационную усталость в обществе. Символическое пространство оказалось «перегретым». Новые политические ориентации различного толка и информационный взрыв вызвали резкое изменение общественных настроений. Стали возникать различные общественные структуры – протопартии, что впоследствии привело к формированию современной российской многопартийной политической системы.

Данные закономерности политического процесса определяет необходимость анализа помимо институциональных также и организационных оснований культурно-символического пространства российской политической системы. К таким основаниям следует отнести ресурсы политических партий и иных акторов: кадровые, интеллектуальные, мобилизационные, финансовые, аксиологические и идентификационные, PR-возможности и собственно организационную структуру.

Политические кадровые ресурсы в условиях современной российской действительности представлены, в основном, следующими группами: партийные и общественные лидеры, идеологи, политтехнологи, аппарат, актив, в том числе и радикальный. В отличие от эпохи СССР, где осуществлялась целенаправленная подготовка и повышение квалификации партийных функционеров, PR-специалистов (пропагандистов) в специальных учебных заведениях, имелась отлаженная на всех уровнях структура партийных организаций, практиковалась строгая дисциплина, современные российские партии и иные акторы функционируют на иных основаниях в соответствии с действующими нормативными актами.

Действующим законом «Об общественных объединениях»[144] партиям определен статус общественных объединений. Принципиальным является положение п. 3 ст. 10 ФЗ «О политических партиях» в соответствие с которым лица, замещающие государственные должности, находящиеся на государственной и муниципальной службе «не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, членами которой они являются, либо в интересах любой иной политической партии… не могут быть связаны решениями политической партии при исполнении своих должностных или служебных обязанностей»[145].

Данное законодательное положение существенно изменило принципы осуществления контроля со стороны партий над административными структурами, актуализировало потребность в обеспечении эффективной культурно-символической политики, потребовало пересмотреть взгляды на содержание деятельности партийных функционеров и членов партии, занимающих должности в аппарате государственного управления.

Имидж партийно-политического лидера как лица-символа, которому принадлежит ключевая роль в формировании устремлений коллективного сознания, характеризует его способность выдвигать цели, объединить усилия многих людей в их достижении, оправдать надежды, устремления, как социальных

---

[144] ФЗ от 19.05.1995. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

[145] ФЗ от 11. 07. 2001. № 95-ФЗ «О политических партиях».

групп, так и отдельных индивидов. Лидер вынужден соответствовать определенным деловым и одобряемым в обществе морально-этическим эталонам, обладать незаурядными личностными качествами, пользоваться доверием, как электората, так и членов партии. Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что даже виднейшие политические деятели попадали в скандальные «имиджевые» ситуации (Б. Клинтон, Б. Ельцин, С. Берлускони, Ф. Оланд и др.) имевшие тяжелые репутационные последствия, безусловно, с учетом национально-культурной специфики.

Инструментарий имиджирования политического лидера выступает средством управления общественным мнением. Собственно имидж функционально выполняет роль фактора социального и психологического воздействия на общественность. В идеале имидж политического лидера базируется на сочетании личного обаяния и интеллектуального потенциала, дополняемых необходимым фреймингом.

Интеллектуальный ресурс обеспечивает формирование партийной идеологии, гибкое реагирование на текущие ситуации и их оценку, определяет содержание и практику проведения культурно-символической политики. Данный ресурс представлен идеологами-теоретиками и политтехнологами. Это не означает, что в практической деятельности приоритет отдается собственным теоретическим разработкам. Материалы научных исследований в различных областях знания анализируются и интерпретируются в соответствии с партийными целями, стратегией и тактикой действий. Одна из главных задач «интеллектуалов» – воздействие в соответствии с политическими целями на концептуальные структуры современных систем знаний в обществе, сохранение или изменение эпистемологических матриц. Данный ресурс также является важнейшим условием обеспечения партийной консолидации, соблюдения уставных норм и иных правил внутренней жизни, о чем убедительно свидетельствует отечественная политическая история.

К интеллектуальному ресурсу следует отнести и экспертные сообщества, развитие экспертно-консультационных структур, а также формирование групп контроля над дискурсом о которых частично шла речь выше. Выступая действенным фактором политической институализации они концептуально обеспечивают и технологически осуществляют контроль над публичным дискурсом посредством применения манипулятивных практик. Эта деятельность имеет двоякую природу: направленность на сохранение статус-кво, удержание существующих позиций и стремление к завоеванию политической власти.

Иллюстрацией сочетания интеллектуального ресурса и манипулятивных технологий могут послужить происходившие в стране события конца февраля – марта 2015 г., связанные с траурными акциями после трагической гибели Бориса Ефимовича Немцова. Драматический протест оформляется строго в соответствии с «театральной моделью» символического политического действия. Здесь соблюдены все элементы драматургически выстроенного сюжетного развития: есть мученическая жертва, свои главные герои и второстепенные персонажи, «гражданин-зритель», специфический набор речевых актов и знаков.

Убийство Бориса Немцова, являвшегося далеко не главной фигурой на политическом поле России с рейтингом симпатий в районе 1–2%, стало попыткой объединения в единое целое неоднородного оппозиционного движения, желанием смешать в «культурно-символическом контейнере» все существующие антиправительственные формулы и знаковые системы, лозунги и программы, оценки и действия.

В данном случае несущественно, критикуешь ли ты власть за ту или иную политическую позицию, или недоволен отсутствием удобных транспортных развязок. Единение проходит по вектору «мы – они», а на пьедестале личность погибшего Бориса Немцова, который вряд ли мог рассчитывать на такой уровень общественного признания в обозримом будущем.

Как и в любой постановке, здесь есть своя завязка, развитие, кульминация и неизбежная развязка. То, что воспринимается как политический процесс, суть культурно-символически выстроенная последовательность действий, спектакль, секреты постановки которого недоступны рядовому зрителю и даже участнику, тем более контролю над ним.

Инсценирование политического процесса подразумевает доминирование визуальных эффектов и знаковых систем, на данном этапе выражающихся в конкретной смысловой установке типа: «Мы против Путина». При этом, рациональный критический дискурс, попытки взвешенно разобраться в происходящем уходят на второй план, если не отметаются вовсе.

При отсутствии каких-либо конкретно сформулированных требований к власти велика вероятность, что в обозримой перспективе будут организованы очередные «провоцирующие события», следствием которых станут попытки организации новых многотысячных митингов, но уже с выраженными политическими требованиями.

В качестве **организационного и кадрового ресурса** партийно-политический актив включает: партийных функционеров (партийных менеджеров), активистов (политический волонтариат), радикальный актив и, в отдельных случаях, теневой радикальный актив, кадровый резерв. Различные аспекты и формы деятельности партийного актива в различных политических системах достаточно освещены в научных публикациях и СМИ. В то же время, особый интерес и озабоченность представляет деятельность теневого радикального актива (специально обученных экстремистским методам политических действий лиц) в современных демократических государствах.

Если в странах Западной Европы, в основном, такие структуры маловероятны или в принципе невозможны, то известные события в Украине 2013–2014 гг. и их последующее развитие показали роль и потенциал теневого радикального актива в решении проблем захвата власти и контроля политической ситуации в регионах и в столице. Руководство страны, государственные структуры оказались в юридическом, организационном и правоохранительном отношении малоэффективными в противодействии политическим экстремистским структурам.

Недооценивать роль теневого радикального актива как ресурса завоевания власти крайне недальновидно. В отличие от радикальных организаций XIX–

XX вв. (революционеры-экстремисты, военные организации эсеров, красная гвардия, штурмовые отряды и т. п.), современные «политические экстремистские формирования» редко заявляют о себе открыто. Как правило, вышеупомянутые структуры скрываются под фреймами возмущенных и протестующих граждан, которые вынуждены прибегать к насильственным действиям. Ангажированные СМИ обеспечивают информационное сопровождение действий радикалов в кризисных ситуациях.

Особое значение в смене политической власти играет внешнеполитический ресурс, позволяющий политическим силам, даже не пользующимся большой поддержкой внутри, прийти к политической власти.

Политические перевороты второй половины XX – начала XXI в. в странах Африки и Латинской Америки, «цветные революции» осуществлялись по очень схожему сценарию: на платформе национально-освободительных движений или социального недовольства поднимались многотысячные антиправительственные митинги и восстания, впоследствии перераставшие в открытые военные противостояния (зачастую при доминантном участии регулярных армий), что в большинстве случаев приводило к свержению действующих президентов и правительств, и установлению новых, ориентированных во внешней политике на заинтересованные страны властей.

Впоследствии страны «победивших переворотов», чтобы стабилизировать ситуацию в стране, обращались к известной международной организации МВФ с целью получения кредитов для поддержки экономики этих стран. Но, вместе с деньгами в государства-должники направлялись и различные ресурсы в виде экономистов, советников, производственных линий, сырья и пр. Таким образом, деньги, выделенные в качестве кредитов на поддержку экономики государства, через зарплаты и импорт сразу возвращались к государствам-донорам. Аналогичная ситуация наблюдалась и в России на протяжении всего периода 90-х гг.

Мобилизационный ресурс политических организаций представлен, прежде всего, его электоральной базой, способностью формирования общественных настроений, готовностью и возможностями перехода к активным действиям. Основные сферы и формы проявления активности – предвыборные кампании, легальные политические акции, позиционирование в сетевых коммуникациях.

Выборная кампания позволяет партиям актуализировать и конкретизировать свои политические идеалы, позиции, информировать о практике их воплощения в реальность в случае прихода к власти. Главной целью выборных кампаний, как главного института демократии, является преобразование голосов электората во властные полномочия. Партиям, как ответственным представителям интересов народа, предоставляется возможность конкуренции для контроля над властью посредством выборов. Их исход определяется многими факторами: предпочтениями избирателей, избирательными процедурами (избирательными моделями), ограничениями на выдвижение кандидатов, способами подсчета голосов и возможностями манипулирования их результатами, определений границ избирательных округов и т. п.

Конечно, как свидетельствует опыт, правящая элита, как субъект политического процесса будет стремиться обеспечить собственные интересы в удержании власти, в том числе используя в той или иной форме подконтрольный административный ресурс. В то же время правящая партия постоянно рискует подвергнуться острой критике по действительным или мнимым фактам его использования в собственных интересах и, тем самым, потерять значительное количество голосов избирателей.

Ярким примером формирования партийного мобилизационного ресурса в современной России является создание «Общероссийского народного фронта» (ОНФ), призванного расширить электоральную базу партии власти. Новый политический бренд «Путин» и «Народный фронт», обозначенный как внепартийный, позволил привлечь значительное количество голосов в период проведения выборных кампаний в Государственную Думу РФ 2011 и 2016 гг. Кроме того, бренд вызвал симпатии у многих общественных деятелей не входящих во властные структуры и не состоящих в политических партиях репрезентацией ряда значимых национально-культурных символов и обращения к ним. Как шаг в развитии политической системы данный проект предусматривает привлечение к диалогу широкого круга лиц, заключение договоров о сотрудничестве со многими общественными организациями.

«Перехват» инициативы у других политических партий в области работы с кадровым резервом достигается привлечением талантливой молодежи, возможностью реализовать предлагаемые ею проекты. Всероссийские молодежный форум «Селигер» является площадкой, где представлены такие инициативы как: «АРТ-Квадрат», «Технология добра», «Молодежное предпринимательство», «Инновации и техническое творчество», «Молодые профессионалы», «Технологический бизнес», «Ассоциация молодежных правительств России», «Патриотические клубы России», «Казачья молодежь», «Волонтеры и гражданские активисты», «Наша общая победа», «Студенческие организации», «Молодые экологи», «Молодежный туризм» и ряд других. Данный проект позволяет также направить энтузиазм и использовать творческий потенциал молодежи, в том числе, и в партийных интересах.

В качестве примеров достаточно эффективной мобилизации электоральных ресурсов в новейшей политической истории России можно назвать движения: «Наш дом – Россия», «Отечество – вся Россия», движение «За Путина», инициированное в 2007 г., и др.

Легальные политические акции представляют один из ведущих аспектов деятельности по мобилизации сторонников, сферу трансляции различных аспектов партийной идеологии. Эффект проводимых акций зависит от многих факторов: целей, наиболее типичными из которых являются: позиционирование политических программ; поддержка кандидатов; решение конкретных проблем; наращивание «политического капитала» и повышение авторитета партии; проведение контракций, направленных против мероприятий оппонентов и др.

В отличие от акционизма, как спонтанного протеста против властей, легальные акции осуществляются в рамках правового поля, соблюдения существую-

щих норм политической деятельности. Формы и виды политических акций также различаются в зависимости от реализуемых целей и задач. Опыт последних лет свидетельствует, что в российской действительности уличные формы политических акций уступают место «кабинетным», в значительно меньшей степени являются инструментарием осуществления партийной политики доминирующих акторов. Данная тенденция также свидетельствует в пользу возрастания роли культурно-символических практик в политической культуре общества.

Финансовые ресурсы определяют возможности позиционирования, спектр, масштабы и интенсивность политической деятельности, влияют на качество символического политического продукта и его продвижения, позволяют качественно решать вопросы проведения выборных кампаний, расширяют или сужают диапазон практических действий. Финансирование, отношения спонсоров и политических партий определяются действующим законодательством (ст. 28–30; 33–35 ФЗ «О политических партиях»)[146]. Необходимо отметить, что существующие ограничения и четко определенный круг юридических и физических лиц а также предельные суммы, которые может получить партия и ее региональные отделения в качестве пожертвования, государственный контроль, позволяют относительно сбалансировать финансовые ресурсы субъектов политического процесса.

Особое место в символической политике занимают **аксиологический и идентификационный ресурсы**. Политическая деятельность, как особый вид социального поведения определяется ценностно-мировоззренческим ядром. Политические идеологии, являющиеся двигателем политического процесса, всегда выступают отражением определенной мировоззренческой модели имеющей аксиологические основания.

Каждому мировоззрению соответствует свой тип политического восприятия в рамках сложившейся политической культуры. В классических политологических и социологических исследованиях типы политического восприятия определялись следующим образом:

- идеальный тип (умозрительный, духовный), в котором доминирует стремление рассматривать политическую деятельность, оценивать политические события с точки зрения общепринятых норм морали (Вудро Вильсоновский идеализм, вектор «доверяю – не доверяю»)[147];
- чувственный, где реальность мира политики ограничена его непосредственно воспринимаемой предметностью, а фундаментальные потребности актора и общий вектор ориентации в политическом пространстве связаны с изменением внешнего мира (Карл Шмитт, дефиниции «мы – они», или же «друг – враг»)[148];
- рациональный, представляющий собой синтез первых двух типов мировоззрений, но включающий элементы критической оценки;

---

[146] ФЗ от 11. 07. 2001 N 95-ФЗ «О политических партиях».

[147] См. «Четырнадцать пунктов В. Вильсона об условиях мира». 8 января 1918 г.

[148] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 36–67.

• рационально-критический, помогающий подходить к оценке тех или иных событий, затрагивающих мир политики с критической, объективно-оценочной точки зрения, применяя (непосредственно) к реальности весь существующий инструментарий историко-политологической мысли (школа «политического реализма» Ганса Моргентау)[149].

Процесс смены доминирующего мировоззрения и соответствующих ему способов восприятия мира, в результате чего одна система ценностей заменяется другой осуществляется как разрушение доминирующего в политике мировоззрения (идеологии) и соответствующих ему политических институтов, традиций, образцов и норм поведения.

Обновление или изменение политических парадигм непосредственно определяется исторически сложившимся содержанием ценностно-нормативного ядра культуры, культурными кодами.

Ценностно-нормативное ядро отечественной культуры[150] и, следовательно, российской политической традиции составляет три наиболее устойчивых и типичных для различных эпох политической жизни России ценностных доминанты, которые представлены:

- низкой значимостью факторов материального благополучия и ориентацией в идеальную, духовную сферу;
- неукорененностью в настоящем и обращенностью в прошлое или будущее;
- доминированием социальных ориентаций над индивидуально-личностными.

Идеальная устремленность российской политической культуры коренится в православной этике, глубинах национальной психологии; вероятно, она связана со спецификой восприятия времени, о чем свидетельствует доминирование в системе ценностей жизненной стратегии «быть» в ущерб «иметь».

Э. Фромм «бытие» и «обладание» характеризует как два основных способа существования человека, преобладание одного из которых определяет различия не только в индивидуальных характерах людей, но и типах социального характера, включающего доминирующие жизненные ценности и психический склад личности[151]. Жизненная стратегия «иметь» ориентирует человека на «здесь и теперь», а «быть» в большей степени расширяет временные границы, включая в поле актуальности не только настоящее, но прошлое и будущее.

Аскетическая «культура русской души» связана также и с определенными психологическими качествами – терпением, покорностью, послушанием. Кроме того обнаруживается тесная зависимость между аскетической дисциплиной и нравственной доминантой поведения, которая является центральной ценностью православного мировоззрения.

---

[149] См. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 1948.

[150] Марков А. П. Аксиологические и антропологические ресурсы русской культуры как фактор национально-культурной идентичности. СПб., 2000. С. 158.

[151] Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 336 с.

Преобладание духовно-нравственного начала над материальным, утилитарным, рациональным характерно как для образа жизни российского человека, так и для философской и социально-политической мысли. Человечность, по мнению Н. Бердяева, является одной из характерных черт русской культуры «на вершинах ее проявления». «Лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника. У них нет западного культа холодной справедливости. Человек для них выше принципа собственности, и это определяет русскую национальную мораль. Жалось к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность очень русские черты»[152]. Поэтому поиски рациональных основ для экономических и политических преобразований в России неизбежно заканчивались духовно-нравственными исканиями общества.

Социальность русского самосознания (*коммюнотарность* – Н. Бердяев) нашла выражение в концепции *русского социализма* как *царства* равенства и социальной справедливости, «цель и исход которого» – «всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поелику земля может вместить ее», «всеобщее, всенародное, всебратское, всесветное единение во имя Христово[153].

Приоритет общего над личным отражается в политических идеологиях, стоящих на позиции социальных преобразований (левые), и характере *идеалов* русских революций, где ценности личного благополучия были на втором плане, а сами идеологи «во имя интересов народа и социальной справедливости» готовы были жертвовать всем, даже собственной жизнью. Подобная модель обнаруживает себя как в содержании русской идеи, так и в *онтологических* пластах культуры – в особенностях русского быта, нравов, гостеприимстве, в традиционных формах устройства общественной жизни и организации трудовой деятельности (крестьянская община, рабочая артель и т. д.).

Важнейшим аксиологическим аспектом российской ментальности является амбивалетно-ценностное отношение к праву, культурно-психологическая специфика российского этоса. «Сопротивление праву» является лейтмотивом и философской мысли. Как известно, славянофилы расценивали попытки *оправовления* России как вредную тенденцию рационализации общественной жизни, характерную для протестантского Запада. Ф. М. Достоевский видел в правах человека разрыв нравственной связи с юридическими барьерами. Народники, анархисты считали конституцию и политические свободы человека орудием эксплуатации народа, инструментом насилия. В теориях русских либералов конца XIX – начала XX в. нравственность и право расцениваются как взаимоисключающие принципы общественного устройства[154].

И наоборот, власть в России рассматривается как «духовная сила», которая «покоится на согласии людей повиноваться авторитету». Если согласие и уважение растрачено, власть сведется «к страху и наказанию». Власть должна им-

---

[152] Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Мысль, 1990. С. 119.

[153] Там же. С. 19.

[154] Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 26–40.

понировать людям. Люди не могут повиноваться тому, кого они не уважают. «Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть хочет добра, что она неподкупна и справедлива, что она сильна и тверда и что ее дело действительно удается ей»[155]. Отсюда и политика в России воспринимается не столько как *дело правовой*, сколько как *справедливой* организации национального бытия. Амбивалентность испытываемых национальных чувств связана с двуединой функцией власти: насилие (вызывающее ненависть) и консолидация, единение российских пространств и этносов, которое обеспечивало социальный и психологический комфорт, чувство национальной гордости и достоинства. Этатизм сознания проявляется и в массовых ориентациях на государство как условие социальной защиты, гарант общественного и личного благополучия.

Отношение к государству, власти, лишенное правовой рациональности, всегда было эмоционально окрашенным, это «любовь – ненависть», но только не равнодушие. Вот почему в сознании россиянина власть соотносится, как справедливо заметил П. Я. Чаадаев, не с правом, а с родительским авторитетом.

Необходимость выстраивания культурно-символической политики на основании аксиологического и идентификационного ресурса, российских культурно-цивилилизационных кодов определяет успешность партийной PR-стратегии, технологическая реализация которой становится одним из наиболее эффективных средств борьбы за власть.

Политический маркетинг, PR-технологии в символической политической практике представляют собой комплекс мер, всевозможных средств и приемов, при помощи которых достигаются коммуникативные цели и выполняются задачи разработанной PR-стратегии.

Наиболее традиционными PR-технологиями в политике являются: спичрайтинг и консалтинг лидеров; имиджирование победителя и аутсайдера; ложная популяризация и поддержка; затяжные переговоры; искусственное столкновение акторов с помощью подставных лиц, событий, создание ситуации выбора без выбора (в СМИ создается образ безвыходности ситуации); чрезмерная похвальба политика, сбор и распространение компрометирующих материалов (технологии «черного» PR), персональные PR-технологии и т. д.

В то же время, необходимо учитывать, что PR-возможности партий в сравнении с государством ограничены материальными и организационными ресурсами. Их деятельность, в основном, нацелена на свой электорат, удержание в орбите своего влияния определенных социальных групп. Необходимо учитывать, что партии реализуют PR-стратегию в условиях сильной политической конкуренции. Это определяет динамичность реагирования на изменения в обществе, требует оперативной разработки и выдвижения новых предложений и идей. Безусловно, партии заинтересованы в привлечении или нейтрализации административного информационного ресурса, однако это связано с определенными репутационными рисками.

---

[155] Ильин И. А. За национальную Россию: манифест русского движения // Слово. 1991. №7. С. 85.

Следующей особенностью применения PR-технологий выступают ограниченные возможности у электората непосредственного выхода на политика и реакция на его имидж в СМИ, тиражирование которого, в свою очередь, ограничено эфирным временем. Особую роль в данном случае играет сопоставление некоторого «идеального образа» с позиционируемым имиджем, оптимизация которого достигается с помощью наполнения его характеристиками, которые аудитория способна оценить в качестве существенных в данной ситуации. В отечественной PR-практике особое место в последние годы занял «шоу-имидж» политического деятеля, примером которого может являться лидер ЛДПР Владимир Жириновский.

Использование политического консалтинга, работа в области PR-профессионалов, как правило, не связанных партийной принадлежностью, ориентированных исключительно на конечный результат способствует повышению эффективности проводимых акций, максимизации голосов избирателей. Политические маркетологи в современной ситуации стали основным организационным фактором обеспечения связей политических лидеров с общественностью, квалифицированного консалтинга политических идей и проектов. Необходимо отметить, что даже профессиональный менеджмент PR-технологий не является гарантом успешности проводимых акций. Особенности политического процесса в современном социуме заставляют прибегать к комбинации используемых PR-средств, что позволяет компенсировать сопутствующие недостатки и просчеты в их применении.

Таким образом, связи с общественностью выступают еще одним организационным фактором, определяющим эффективность символической политики в партийной системе.

Символический потенциал организационных структур политических партий определяется возможностями реализации на практике политтехнологий в зависимости от степени их локализации. Преимуществом региональных звеньев является их максимальная приближенность к местной проблематике, возможностями непосредственного выхода на аудиторию.

В результате анализа механизмов интеграции и дифференциации политического пространства российского общества возможно констатировать следующее:

- Современная российская политическая культура характеризуется сложным процессом обновления политических парадигм, мировоззрений и соответствующих им институтов, части традиций, образцов и норм поведения при сохранении и востребовании культурных кодов как аксиологического и антропологического ресурса формирования особого типа идентичности, включающей общецивилизационный, евразийский и национально-культурный компоненты. Данным противоречием обусловливаются процессы дифференциации и интеграции в политической культуре современной России. При этом институциализация выступает условием и механизмом, позволяющим четко определить границы, формы и правила организационного, информационного, социокультурного взаимодействия акторов сложного политического процесса.

- Институциональные основания символического пространства в политической культуре России представлены акторами производства публичного дискурса, социального управления и контроля публичной коммуникации, реализующими культурно-символический инструментарий власти в политических целях (партиями, институтами власти, гражданского общества, символическими элитами, социально-культурными институтами), совокупностью структур средств массовой коммуникации.
- Специфика институциализации культурно-символического пространства определяется самобытностью историко-культурного развития России, традициями становления институтов власти советского периода, особенностями наднационального развития государства, трансформацией институтов власти в соответствии с требованиями демократического развития общества. В современных условиях институционализация культурно-символического пространства становится действенным условием обеспечения общественной стабильности и дискурса основных политических сил.
- К организационным основаниям символического пространства российской политической культуры следует отнести ресурсы политических партий: кадровые, интеллектуальные, мобилизационные, финансовые, аксиологические и идентификационные, PR-возможности, культурно-символический потенциал организационных структур политических партий. Ресурсы определяют конкурентоспособность партии, позволяют структурировать, систематизировать и обеспечить эффективное проведение культурно-символической политики, управление общественным мнением, продвижение политических лидеров и своих кандидатов на выборные должности.
- Необходимость выстраивания культурно-символической политики на основании аксиологического и идентификационного ресурса, российских культурно-цивилилизационных кодов определяет успешность партийной PR-стратегии, технологическая реализация которой становится одним из наиболее эффективных средств борьбы за власть. Позиционируемые различными акторами политические идеологии, являющиеся двигателем политического процесса, всегда выступают отражением определенной мировоззренческой модели имеющей аксиологические и антропологические основания.

Резюме по главе 2

В результате анализа институциональных и организационных оснований культурно-символического пространства современной России, использования технологий и символических практик контроля сознания масс возможно констатировать следующее:

1. В современных условиях политическая и культурная конкуренция, обусловленная совокупностью различных геополитических, экономических, национально-культурных, социальных и иных факторов, призванная обеспечить доминирование одной из сторон реализуется, преимущественно, в практиках обеспечения контроля сознания масс на основе использования манипулятивных технологий. Символико-культурная власть (социокультурная гегемония) осуществляется посредством символического продукта, дискурса, определяющая роль в производстве которого принадлежит символическим элитам. Они осуществляют подбор тематики, аргументации, риторики и презентации, стиля публичного дискурса. Особую роль в современном культурно-символическом пространстве, продвижении того или иного концепта обретают «экспертные группы», «советы». Точки зрения и заключения экспертов обусловливают формирование мнений и настроений, которые маловероятно или невозможно ввести официально.

2. В развитии политической культуры важнейшим компонентом является формирование и деятельность групп контроля над дискурсом. Осуществление контроля над публичным дискурсом – это применение манипулятивных методов управления сознанием аудитории. Доступ различных акторов к публичному дискурсу, соединенный с ресурсами знания, которыми обладает научная элита – есть производство культурно-символической политики и достаточно эффективного контроля сознания аудитории.

Современные манипулятивные технологии и практики представляют целостную систему гибридного воздействия на избранный объект. Они, в основном, представлены: информационными технологиями, ориентированными на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов; технологией «окон» Джозефа Овертона; технологией «мягкой силы».

3. Активное противодействие акторам манипулятивных практик и технологий возможно при следующих условиях:

- формирования культурно-политического пространства общества на основе общецивилизационных и национально-культурных кодов и ценностей, что ограничивает возможности манипулятивного доктринального использования универсальных символов-конденсатов (демократия, свобода слова, права человека, права меньшинств и т. п.);
- осуществления комплекса мер в сфере культурной политики государства, ориентированных на ценностно-содержательное наполнение пространства «культуры детства»; реализации целевых программ в сфере молодежной политики, поддержки национальных культур на основе ценностно-символических констант Российского социума;

- объективной, достоверной, оперативной, многоаспектной информации о реальных фактах и событиях (правда факта, «страх правды»), ограничивающие возможности их манипулятивного истолкования или обвинений в подлоге и подделках;
- проведения фундаментальной научной экспертизы и оценки реализуемых заинтересованными акторами проектов, информационных вбросов, социокультурных практик и введение в информационное пространство результатов экспертных заключений.

4. Поскольку современная российская политическая культура характеризуется сложным процессом обновления политических парадигм, мировоззрений и соответствующих им институтов, части традиций, образцов и норм поведения, то институциализация выступает условием и механизмом, позволяющим четко определить границы, формы и правила организационного, информационного, социокультурного взаимодействия акторов сложного политического процесса.

Институциональные основания символического пространства в политической культуре России представлены акторами производства публичного дискурса, социального управления и контроля публичной коммуникации, реализующими культурно-символический инструментарий власти в политических целях (партиями, институтами власти, гражданского общества, символическими элитами, социально-культурными институтами), совокупностью структур средств массовой коммуникации.

5. Необходимость выстраивания культурно-символической политики на основании аксиологического и идентификационного ресурса, российских культурно-цивилилизационных кодов определяет успешность PR-стратегии, технологическая реализация которой становится одним из наиболее эффективных средств борьбы за власть. Позиционируемые различными акторами политические идеологии, являющиеся двигателем политического процесса, всегда выступают отражением определенной мировоззренческой модели имеющей аксиологические и антропологические основания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги монографического исследования новых явлений связанных с формированием и реализацией культурно-символической политики, раскрытии ее сущности в практиках формирования эпистемологических матриц, сохранения и изменения кодов культуры, особенностями функционирования в российском культурно-политическом пространстве возможно констатировать следующее:

Современное культурно-символическое пространство представляет специфическую знаково-коммуникативную систему, включающую политические идеи, программы, лозунги, символы и образы, акции и действия как инструментарий социальной коммуникации. Эффективное решение конкретных политических задач становится возможным посредством формирования культурно-символического политического продукта и его эффективного продвижения политическими акторами.

Поскольку политическое противостояние акторов, их противодействие все более обретает культурно-символическое наполнение, то обеспечение эффективного демократического контроля электорального поведения граждан посредством публичного дискурса, взаимодействия общества и политической элиты возможно при следующих условиях:

- концептуально обеспеченного дискурса по ключевым проблемам в системе массовой коммуникации, опирающегося на аксиологические и антропологические ресурсы отечественной культурной идентичности;
- использования технологии создания культурно-символического политического продукта и его эффективного продвижения политическими акторами;
- обеспечения эффективного контроля посредством публичного дискурса условий свободного выбора вариантов электорального поведения граждан;
- реализации возможностей политических институтов в целях налаживания эффективного взаимодействия общества и политической элиты;
- обеспечения противодействия манипулятивным технологиям и практикам изменения культурных кодов, формирования массового сознания, смены эпистемологических матриц.

Изучение роли культурно-символических оснований политических практик в современном российском социуме позволило автору сделать ряд обобщающих выводов.

1. В современном обществе, все более обретающем черты сетевой организации социума, политические отношения не выстраиваются в логике базовых интересов социальных групп. Медиатизированное сознание (как индивидуальное, так и массовое) осваивает окружающий мир за счет символической редукции конструируемых смыслов. Культурные факторы – идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) в значительной степени определяют публичную репрезентацию политической проблематики.

В современной политологии сложились основные модели «символической политики» как концепта и области политической практики: конвенциональная; по-

литического действия и политической коммуникации; коммуникативная модель; модель «когнитивной видимости»; «театральная модель»; «драматологическая модель»; перформансная модель. Социокультурная обусловленность феномена предоставляет возможность расширения трактовки данного понятия в качестве категории культуры в формате «культурно-символическая политика и практика».

Культурно-символическая политика (как социокультурная технология) позволяет кодировать и интерпретировать в сложившемся знаково-коммуникативном нарративе объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия, опираясь на антропологические и аксиологические ресурсы отечественной культуры. Также она является областью и средством формирования идеологических матриц и жизненных установок, конкурирующих форм организации сознаний и поведенческих паттернов электоральных групп.

Данный подход не сводится к интерпретации символов как знаков и «категорий мышления» а позволяет их анализировать в качестве динамических систем (сравнительная симвология). Основное внимание уделяется текстам, интегрирующим архетипическое ядро и историческому наследию отечественной культуры, мифам и ритуалам, ментальности и традициям, сложившемуся образу жизни, социокультурным стилям, моделям будущего. Поскольку политическое действие осуществляется в семиосфере как общественном знаковом пространстве, то это позволяет, в определенном смысле, снять оппонирование аутентичного и символического в политических практиках, определяет их значимое социокультурное наполнение.

2. Современная политическая культура России характеризуется сложной конфигурацией взаимодействия факторов, имеющих глубинные цивилизационные и национально-культурные основания. Данные взаимодействия преимущественно проявляются в позиционировании ценностных систем, продвижении кодов и практик различных типов общественного развития.

В российском политическом пространстве эпистемологическая колонизация как часть глобальной культурной политики осуществляется различными акторами. Современный характер информационных коммуникаций позволяет внешним субъектам активно влиять на те или иные аспекты культурно-символического пространства и, используя ресурсы наднациональных универсалистских глобальных концептов (в том числе и посредством экспертных научных сообществ) осуществлять попытки трансформации культурных кодов.

Культурно и политически Россия в данный момент оказалась активным актором противодействия глобалистской либеральной эпистемологической колонизации и использования технологий цивилизационного перекодирования. Концепция основ государственной культурной политики Российской Федерации, ориентированная на противодействие использованию «мягкой силы», информационного давления направлена на сохранение культурно-национальной самобытности народов, проживающих на ее территории, цивилизационных культурных кодов.

В политической культуре России нерациональные факторы (мифы, образы прошлого, историческая память и др.) сохраняют большее значение в связи с возможностями их воздействия на массовое сознание и поведение граждан.

Это определяет основные стратегии применения политических и социокультурных практик, ориентированных на сохранение и изменение аксиологического ядра культуры.

Культурно-символические практики позволяют кодировать и интерпретировать в сложившемся социально-культурном пространстве объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия. В этом случае идеи, мифы, дискурсы, конкретные символы (знаки и изображения) обусловливают публичную репрезентацию и интерпретацию политических концептов.

3. В современной политической культуре России символическое пространство характеризуется наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества. Редукционирование ряда положений партийных программ в символическое пространство формирует и, в ряде случаев, искажает картину реальности, ограничивает поле консенсуса и принятия эффективных политических решений. Так в программах политических партий отсутствуют или слабо представлены такие понятия и категории как человек, гуманизм, культура, свободы личности.

Политическая и культурная конкуренция в современных условиях, обусловленная совокупностью различных геополитических, экономических, национально-культурных, социальных и иных факторов, призванная обеспечить доминирование одной из сторон реализуется, преимущественно, в практиках обеспечения контроля сознания масс на основе использования манипулятивных технологий.

Символико-культурная власть (социокультурная гегемония) осуществляется посредством символического продукта, дискурса, определяющая роль в производстве которого принадлежит символическим элитам. Они осуществляют подбор тематики, аргументации, риторики и презентации, стиля публичного дискурса. Особую роль в современном культурно-символическом пространстве, продвижении того или иного концепта обретают «экспертные группы», «советы». Точки зрения и заключения экспертов обусловливают формирование мнений и настроений, которые маловероятно или невозможно ввести официально.

4. В развитии политической культуры важнейшим компонентом является формирование и деятельность групп контроля над дискурсом. Осуществление контроля над публичным дискурсом – это применение манипулятивных методов управления сознанием аудитории. Доступ различных акторов к публичному дискурсу, соединенный с ресурсами знания, которыми обладает научная элита – есть производство культурно-символической политики и достаточно эффективного контроля сознания аудитории.

Современные манипулятивные технологии и практики представляют целостную систему гибридного воздействия на избранный объект. Они, в основном, представлены: информационными технологиями, ориентированными на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов; технологией «окон» Джозефа Овертона; технологией «мягкой силы».

5. Активное противодействие акторам манипулятивных практик и технологий возможно обеспечить при следующих условиях:

- формирования культурно-политического пространства общества на основе общецивилизационных и национально-культурных кодов и ценностей, что ограничивает возможности манипулятивного доктринального использования универсальных символов-конденсатов (демократия, свобода слова, права человека, права меньшинств и т. п.);
- осуществления комплекса мер в сфере культурной политики государства, ориентированных на ценностно-содержательное наполнение пространства «культуры детства»; реализации целевых программ в сфере молодежной политики, поддержки национальных культур на основе ценностно-символических констант Российского социума;
- объективной, достоверной, оперативной, многоаспектной информации о реальных фактах и событиях (правда факта, «страх правды»), ограничивающие возможности их манипулятивного истолкования или обвинений в подлоге и подделках;
- проведения фундаментальной научной экспертизы и оценки реализуемых заинтересованными акторами проектов, информационных вбросов, социокультурных практик и введение в информационное пространство результатов экспертных заключений.

6. Поскольку современная российская политическая культура характеризуется сложным процессом обновления политических парадигм, мировоззрений и соответствующих им институтов, части традиций, образцов и норм поведения, то институализация выступает условием и механизмом, позволяющим четко определить границы, формы и правила организационного, информационного, социокультурного взаимодействия акторов сложного политического процесса.

Институциональные основания символического пространства в политической культуре России представлены акторами производства публичного дискурса, социального управления и контроля публичной коммуникации, реализующими культурно-символический инструментарий власти в политических целях (партиями, институтами власти, гражданского общества, символическими элитами, социально-культурными институтами), совокупностью структур средств массовой коммуникации.

7. Необходимость выстраивания культурно-символической политики на основании аксиологического и идентификационного ресурса, российских культурно-цивилилизационных кодов определяет успешность PR-стратегии, технологическая реализация которой становится одним из наиболее эффективных средств борьбы за власть. Позиционируемые различными акторами политические идеологии, являющиеся двигателем политического процесса, всегда выступают отражением определенной мировоззренческой модели имеющей аксиологические и антропологические основания.

Таким образом, предпринятая попытка охарактеризовать культурно-символические основания современной политической деятельности как многоканального коммуникационного манипулирования сознанием и поведением аудитории, целью которого является формирование аксиологических и эпистемологических матриц общественного сознания и раскрыть механизмы противодействия данным практикам надеемся, может представлять теоретический и практический интерес как для широкого круга специалистов, так и массовой аудитории.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абызов М. А. 24
Араго Франсуа 11
Барт Р. 33
Бахтин М. М. 32, 33
Бергер П. 8, 18, 19, 21, 38, 41, 73
Бердяев Н. А. 105, 106
Березовский Б. А. 24
Берлускони С. 99
Блумер Г. 85, 87
Бурдье П. 18, 19, 20, 21
Бьюкенен Д. 38
Вайнгаст Б. 18, 40
Вебер М. 48
Вольтер 11
Ганди Махатма 45
Гевара Че 45,
Германика Гай 92
Голодец О. Ю. 24
Гофман И. 15
Грамши А. 28
Грачев Г. В. 85
Гюго Виктор 11
Данилевский Н. Я. 12
Дворкович А. В. 24
Де ла Барр 11
Диоген 11
Доле Этьен 11
Достоевский Ф. М. 106
Доценко Е. Л. 85, 86
Дьякова Е. Г. 85
Дюверже М. 57
Дюркгейм Э. 38
Ельцин Б. Н. 49, 52, 99
Жириновский В. В. 39, 40, 52, 64, 107
Завершинский К. Ф. 17
Золя Эмиль 11
Зюганов Г. А. 39, 40, 41, 49
Ионин Л. Г. 33
Канетти Э. 85, 87
Кара-Мурза С. Г. 32, 85

Касперски К. 35
Кассирер Э. 14, 33
Касьянов М. М. 24
Киселёв Д. 59
Клинтон Б. 99
Клинтон Хилари 5
Кудрин А. Л. 24
Лавуазье 11
Лапшин А. 87
Лассуэлл Г. 14,
Ле Бон Г. 85, 87
Лебедь А. И. 41
Леви-Строса К. 33
Ленин В. И. 35, 45
Ливанов Д. в. 24
Лихачев Д. С. 9
Лосев А. Ф. 33, 60
Лотман Ю. М. 33
Лукман Т. 8, 18, 19, 20, 21, 38, 41, 73
Майер Т. 15
Малинова О. Ю. 18, 20
Малиновский Б. 14, 38
Мамонтов А. 59
Марат Жан-Поль 11
Мартин Лютер Кинг 45
Медведев Д. А. 24
Мельник И. К. 85
Михеев С. 59
Моль А. 14
Моль А. 85
Моргентау Г. 104
Московичи С. 87
Московичи С. 85
Мураками Харуки 89
Мухаммед, пророк 33
Мухарямов Н. М. 13
Навальный А. А. 24
Немцов Б. Е. 100
Норт Д. 18, 38
Овертон Д. 11
Оланд Ф. 99
Ортега-и-Гассет Х. 85, 87
Панарин А. С. 33
Парсонс Т. 38, 42
Пелипенко А. А. 88

Пирс Ч. С. 13
Потебня А. А. 33
Поцелуев С. П. 13
Путин В. В. 24, 51, 52, 54, 100, 102, 103
Распай Франсуа11
Руссо Жан-Жак 11
Рэдклифф-Браун А. 38
Рязанов Э. 92
Сарцинелли У. 14
Собчак А. А. 25
Соколов А. В. 17
Соловьёв В. 59
Сорокин П. 8
Сорос Д. 94
Сталин И. В. 35, 82
Таллок Г. 38
Тоффлер О. 58
Трамп Дональд 5
Тэрнер В. 16
Уоллисом Д. 18
Фрейд З. 85, 87
Фромм Э. 104
Фурсенко А. А. 24
Хабермас Ю. 19
Ходорковский М. Б. 24
Чаадаев П. Я. 106
Черчилль Уинстон 45
Шекспир У. 11
Шилз Э. 38
Шмитт К. 24, 104
Шопен Ф. 11
Эдельман М. 13, 14, 19
Эдельман М. 19
Элиас Н. 20

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие / А. Г. Алтунян. – Москва : Университетская книга ; Логос, 2006. – 384 с.
2. Алтунян, А. Г. О собирателях земли Русской. Жириновский как публицист / А. Г. Алтунян // Вопросы литературы. – 1996. – № 2. – С. 59–60.
3. Андреева, Н. П. Моральное инверсирование в средствах массовой информации и насильственные практики в подростково-молодежной досуговой среде / Н. П. Андреева, А. А. Сукало // В мире научных открытий. – 2014. – № 5(53). – С. 68–73.
4. Баранов, Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы / Н. А. Баранов. – Санкт-Петербург : Балт. гос. техн. ун-т, 2008. – 276 с.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; авт. вступ. ст. Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
6. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва : Мысль, 1990. – 205 с.
7. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренькова. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – С. 90–115.
8. Бродовская, Е. В. Взаимовлияние политической трансформации и эволюции ценностной системы современного российского общества / Е. В. Бродовская. – Тула : изд-во ТулГУ, 2006. – 540 с.
9. Брылева, Л. Г. Мир взрослого… Культурологическая типология самореализации человека и онтообразовательная реальность / Л. Г. Брылева. – Санкт-Петербург : из-во Рос. акад. образования, 2004. – 160 с.
10. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 576 с.
11. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 288 с.
12. Валицкий, А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века / А. Валицкий // Вопросы философии. 1991. – № 8. – С. 26–40.
13. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные сочинения. – Москва : 1990. – С. 644–707.
14. Гаврилова, М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков: лингвистический аспект / М. В. Гаврилова. – Санкт-Петербург, 2011. – 244 с.
15. Гаврилова, М. В. Президентский дискурс как предмет политической лингвистики [Тезисы докладов] // IV Всероссийский конгресс политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке». – Москва, 2006. – С. 63–65.

16. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 560 с.

17. Глебкин, В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – Москва : Янус-К, 1998. – 168 с.

18. Головченко, А. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России / В. И. Головченко : автореф. дис. ... докт. полит. наук : 23.00.02 : защищена 24.12.09 / В. И. Головченко. – Саратов, 2009. – 51 с.

19. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман – Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2000. – 304 с.

20. Грамши, А. Тюремные тетради : Избранные произведения : в 3 т. / А. Грамши. Москва : Изд-во иностр. Лит-ры, 1956–1959. – 1400 с.

21. Грачёв, Г. В. Манипулирование личностью : Организация, способы и технология информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачёв, И. К. Мельник. – Москва : Алгоритм, 2002. – 196 с.

22. Гуревич, П. С. Идеология как текст / П. С. Гуревич // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 191–197.

23. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский ; сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – Москва : Инст. рус. цивилизации, 2008. – 816 с.

24. Джеффри, А. Сильная программа в культурсоциологии / А. Джеффри // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 11–30.

25. Дилигенский, Г. Г. За что голосовала Россия / Г. Г. Дилигенский // Власть. – 1996. – № 2. – С. 32–37.

26. Дмитриев, А. В. Насилие: Социо-политический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. М. : РОССПЭН, 2000. – 328 с.

27. Доценко, Е Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Москва : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

28. Дубин, Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы : Очерки социологии современной культуры / Б. В. Дубин. – Москва : Новое издательство, 2004. – 352 с.

29. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация и власть / Е. Г. Дьякова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2002. – 299 с.

30. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. – Москва : Академический Проект ; Королев : Парадигма, 2005. – 544 с.

31. Ефимова, Т. В., Ильинская Е. А. Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы : [Текст] / Т. В. Ефимова, Е. А. Ильинская. – Санкт-Петербург : Астерион, 2015. – 240 с.

32. Завершинский, К. Ф. Символические структуры политической памяти / К. Ф. Завершинский // Символическая политика : Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. Науки ; отв. ред. Малинова О. Ю. – Москва : РАН. ИНИОН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 155–161.

33. Запесоцкий, А. С. Лукьянов В. Г. Дмитрий Лихачев: О сущности культурной традиции / А. С. Запесоцкий, В. Г. Лукьянов // Вопросы культурологии. – 2007. № 7. – С. 4–12.

34. Зюганов, Г. А. На переломе / Г. А. Зюганов. – Москва : Молодая гвардия, 2009. – 302 с.

35. Зюганов, Г. А. Политика большинства – курс на победу! Доклад председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова / Г. А. Зюганов // Политическое просвещение. – 2011. – № 6(65). – С. 7–33.

36. Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы [сборник науч. ст.] / ред. О. Ю. Малинова. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 285 с.

37. Иконникова, С. Н. Сценарии культурной политики в условиях глобализации / С. Н. Иконникова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3(41). – С. 21–29.

38. Иконникова, С. Н. Транснациональное пространство высшего образования как духовный ресурс цивилизации / С. Н. Иконникова // Культура на рубеже XX–XXI веков : глобализационные процессы. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – С. 347–358.

39. Ильин, И. А. За национальную Россию : Манифест русского движения // Слово. – 1991. – №7. – С. 85.

40. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва : Новое издательство, 2011. – 464 с.

41. Ионин, Л. Г. Основания социокультурного анализа / Л. Г. Ионин. – Москва : РГГУ, 1995. – 151 с.

42. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – Москва : Логос, 1998. – 280 с.

43. Каган, М. С. Анекдот как феномен культуры : [материалы круглого стола 16 ноября 2002 г.] / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 5–16

44. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. – 416 с.

45. Каган, М. С., Соколов, Е. Г. Диалоги / М. С. Каган, Е. Г. Соколов. – Санкт-Петербург : изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 306 с.

46. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 528 с.

47. Капустин, Б. Г. Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения / Б. Г. Капустин // Этика успеха. – 1996. – № 2. – С. 63–66.

48. Кара-Мурза, С. Г. Антисоветский проект / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2009. – 352 с.

49. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2005. – 832 с.

50. Кара-Мурза, С. Г. Оппозиция, или как противостоять Путину / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2012. – 304 с.

51. Карасик, В. И. Лингвокультурологический концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин ; ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 75–80.

52. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

53. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ: Сер. 7: Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65.

54. Киселёв, К. В. Символическая политика: власть vs. общество / К. В. Киселёв. – Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.

55. Киселёва, М. С. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей / М. С. Киселева, Т. В. Чумакова // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 22–40.

56. Клюева, Т. В. Социальные позиции современной интеллигенции в условиях формирования гражданского общества / Т. В. Клюева // Вопросы культурологии. – 2010. № 6. – С. 10–14.

57. Кондратьева, Т. С. Великобритания : Провал политики мультикультурализма / Т. С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. 2011. – № 4. – С. 35–78.

58. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 448 с.

59. Копосов, Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. Москва : НЛО, 2011. – 320 с.

60. Корн, М. Г. Политический миф как значимая часть «образов прошлого» // Вестник МГУКИ. – 2007. – № 6. – С. 25–27.

61. Кузина, С. И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире : автореф. дис. ... докт. полит. наук : 23.00.02 : защищена 1.07.2010 / Кузина Светлана Ивановна. Ростов-на-Дону, 2010. – 53 с.

62. Кузьмина, О. В. Антропологические матрицы рекламы в современной культуре / О. В. Кузьмина : автореф. дис. ... канд. Культ : 24.00.01; защищена 11.10.2013 / О. В. Кузьмина. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.

63. Лассуэлл, Г. Д. Психопатология и политика / Г. Д. Лассуэлл. Москва : Издательство РАГС, 2005. – 352 с.

64. ЛДПР. Обращение В. В. Жириновского. Москва : Издание Либерально-демократической партии России, 2012. – 96 с.

65. ЛДПР. Русские, жёстче взгляд! Москва : Издание Либерально-демократической партии России, 2011. – 64 с.

66. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 311с.

67. Левада, Ю. А. Сочинения : избранное : социологические очерки, 2000–2005 / Ю. А. Левада. – Москва : Издатель Карпов Е. в., 2011. – 507 с.

68. Левада, Ю. А. Человек лукавый: двоемыслие по-российски. От мнений к понимаю: Социологические очерки, 1993–2000 / Ю. А. Левада. – Москва : Московская школа политических исследований, 2000. – С. – 508–529.

69. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О. А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2007. – 368 с.

70. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 2001. – 558 с.

71. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф. / А. Ф. Лосев. – Москва : Из-во Моск. Ун-та, 1982. – 480 с.

72. Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура. Избранные статьи : в 3-х т. / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. – 481с.

73. Лотман, Ю. М. О семиосфере. Избранные статьи : в 3-х т. / Ю. М. Лотман. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. – 472 с.

74. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – Москва : Логос, 2007. – 360 с.

75. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – Москва : Праксис, 2001. – 256 с.

76. Луман, Н. Мировое время и история систем: Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем / Н. Луман // ЛОГОС. – 2004. – № 5 (44). – С. 131–168.

77. Малинова, О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? / О. Ю. Малинова // Полис. – 2001. – № 5. – С. 97–106.

78. Малинова, О. Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях / О. Ю. Малинова // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 5–24.

79. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – 2010. – № 2. – С. 90–105.

80. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – Москва : Рефл-бук, 1998. – 304 с.

81. Марков, А. П. Аксиологические и антропологические ресурсы русской культуры как фактор национально-культурной идентичности : дис. ... докт. культ: 24.00.01 : защищена 17.04.2000 / А. П. Марков. – Санкт-Петербург, 2000. – 352с.

82. Марков, А. П. Отечественная культура как предмет культурологии / А. П. Марков. – Санкт-Петербург : Изд-во СПГУП, 1996. – 210 с.

83. Марков, А. П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность / А. П. Марков. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2005. – 400с.

84. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.

85. Махлина, С. Т. Семиотика культуры и искусства: Опыт энциклопедического словаря / С. Т. Махлина. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2000. : Ч. I (А–Л) ; Ч. II (М–Я) – 552 с.

86. Моль, А. А. Социодинамика культуры / А. А. Моль. – Москва : Прогресс, 1973. – 407 с.

87. Мухарямов, Н. М. О символических началах в языке политики: прагматический аспект / Н. М. Мухарямов // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Цен тр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. Науки ; отв. ред. Малинова О. Ю. Москва : РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 54–56.

88. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании / А. П. Назаретян. – Москва : Инфра-М, 2015. – 512 с.

89. Норт, Д. Насилие и социальные порядки : Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст; авт. вступ. ст. Д. Е. Расков. – Москва : Изд. Инст. Гайдара, 2011. – 480 с.

90. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. Москва : АСТ, 2008. – 347 с.

91. Панов, П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П. В. Панов. Москва : РОССПЭН, 2011. – 230 с.

92. Панов, П. В. Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации : автореф. дис. ... докт. полит. наук : 23.00.01 : защищена 24.05.2011 / П. В. Панов. – Москва, 2011. – 45 с.

93. Пиков, Н. И. Афганские записки спецпропагандиста / Н. И. Пиков. – Санкт-Петербург : Десятка, 2007. – 334 с.

94. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – Москва : Логос, 2000. – 216 с.

95. Попова, Т. Г. Политический текст и его лексические особенности / Т. Г. Попова, Н. В. Таратынова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – Вып. 3. – 2012. – С. 90–98. [Сер. «Филологические науки»].

96. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Р. Поппер. Москва : Культурная инициатива, 1992. – 1492 с.

97. Поцелуев, С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С. П. Поцелуев // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–76.

98. Психология масс : хрестоматия / ред-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : Издательский дом «БАХРАХ», 1998. – 592 с.

99. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия [сб. науч. ст.] / ред. А. Ю. Сунгуров. – Москва : РАПН ; РОССПЭН, 2008. – 422 с.

100. Речи, изменившие мир: 55 важнейших выступлений в истории. Москва : Эксмо, 2014. – 384 с.

101. Рикер, П. Герменевтика, этика и политика: Московские лекции и интервью / П. Рикер. ; ред. И. Вдовина. – Москва : Республика, 1995. – 160 с.

102. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 298 с.

103. Российская Объединённая Демократическая Партия «ЯБЛОКО»: Земля дома дороги / РОДП «Яблоко». – Москва : РОДП «Яблоко», 2011. – 82 с.

104. Символическая политика: конструирование представлений о прошлом как властный ресурс [сб. науч. тр.] / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. Науки ; ред. О. Ю. Малиновой. Москва : РАН. ИНИОН, 2012. – 334 с.

105. Соколов, А. В. Информация как метафора / А. В. Соколов // STUDIUM: педагогика высшей школы: интерактивные технологии в образовании и культуре : [сб. мат. Науч.-практич. Конф. 14–15 марта 2013 г.]. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2013. – С. 419–427.

106. Соловьев, А. И. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или матрица развития? / А. И. Соловьев // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 64–76.

107. Соловьев, А. И. Коммуникация и культура противоречия поля политики / А. И. Соловьев // Полис. – 2002. – № 6. – С. 6–17.

108. Соловьев, А. И. Культура власти на политическом перекрестке эпох / А. И. Соловьев // Власть. – 1998. – № 2.

109. Соловьев, В. А. Политический дискурс медиократий: проблемы информационной эпохи / А. И. Соловьев // Полис. – 2004. – № 2. – С. 124–125.

110. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Астрель, 2006. – 808 с.

111. Справедливая Россия. Программа партии / Справедливая Россия. – Москва : Издательский дом «Ключ-С», 2010. – 95 с.

112. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики [сб. науч. ст.] / ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. С. 58–65.

113. Сукало, С. А. Символическая политика как технология культурного контроля массового сознания / С. А. Сукало // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3(20) – С. 6–10.

114. Сукало, С. А. Символическая политика как технология контроля публичного дискурса в российском политическом пространстве / С. А. Сукало // Вестник Орловского государственного университета. – 2014. – № 2(37). – С. 247–251. – [Сер. «Новые гуманитарные науки»].

115. Сукало, С. А. Специфика социального конструирования символического политического порядка в современной России / С. А. Сукало // Научное мнение. – 2014. – № 5. С. 65–71.

116. Сукало, С. А. Символические измерения политических концептов современных российских парламентских партий (на примере партийных программ) / С. А. Сукало // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Вып. 5(133). – С. 87–93.

117. Сукало, С. А. Механизмы и символические практики сохранения и трансляции культурных кодов в российском политическом пространстве /

С. А. Сукало // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – № 2(23). – С. 124–128.

118. Сукало, С. А. Трансформация культурных матриц как приоритет антропоцентрированных технологий / С. А. Сукало // Вестник Московского государственного университета культуры. – 2015. – № 5. – С. 102–109.

119. Сукало, С. А. Символическое пространство современной российской партийной системы / С. А. Сукало // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. ст. XXVI Международной заочной научно-практической конференции 15 июля 2013г. – Новосибирск : НП «СибАК», 2013. – С. 15–23.

120. Сукало, С. А. Культурно-символические основания политических практик в современной России : автореф. дисс. ... канд. культурологии ; защищена 14.10.2015 : утв. 26.02.2016 / С. А. Сукало. – Санкт-Петербург, 2015. – 24 с.

121. Дейк, Тён А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тён А. ван Дейк. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

122. Тимофеева, Л. Н. Позиции партий по ключевым проблемам развития российского общества / Л. Н. Тимофеева. Москва : РАГС, 2004. – 380 с.

123. Тихонова, С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии / С. В. Тихонова. Саратов : СГСЭУ, 2008. – 244с.

124. Топорков, А. Л. Миф: традиция и психология восприятия / А. Л. Топорков // Мифы и мифологии в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – Москва : АИРО-XX, 2000. – С. 39–64.

125. Тэвдой-Бурмули, А. И. Мультикультурализм: Между панацеей и проклятием / А. И. Тэвдой-Бурмули // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 4. – С. 14–34.

126. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 277 с.

127. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие / А. Я. Флиер. – Москва : Академический Проект, 2000. – 464 с.

128. Флиер, А. Я. Массовая культура и ее социальные функции / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 138–148.

129. Флиер, А. Я. Современная культурология: объект, предмет, структура / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 124–145.

130. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – Москва : Прогресс, 1990. – 336 с.

131. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Весь мир, 2003. – 410 с.

132. Храпова, В. А. Текст как социокультурный код общества / В. А. Храпова. – Волгоград : Волгоградское научное издательство. 2006. – 245 с.

133. Чаадаев, П. Я. Апология сумасшедшего / П. Я. Чаадаев // Русская идея. – Москва : Республика, 1992. – С. 57–73.

134. Чижов, Д. В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством / Д. В. Чижов. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 224 с.

135. Шестопал, Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии / Е. Б. Шестопал. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 431 с.

136. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 36–67.

137. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 424 с.

138. Шубарт, В. Европа и душа Востока // ОНС. – 1993. – №4. – С. 73–88.

139. Щербаль, С. С. Пропаганда и убеждение в системе политической коммуникации / С. С. Щербаль // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 11. – С. 143–151.

140. Brysk, A. «Hearts and minds»: bringing symbolic politics back in // Polity. – Basing stoke, 1995. – Vol. 27, № 4. – P. 559–585.

141. Carey, J. W. Communication as culture / J. W. Carey. – Boston, 1992. P. 15.

142. Cathcart, R. S., Samovar L. A. Small group communication / R. S. Cathcart, L. A. Samovar. – New-York, 1972. – P. 285.

143. Deutsch, K. Nationalism and social communication // An inquire into the foundations of nationality. – New-York, 1953. – P. 62.

144. Eco, U. Einführung in die Semiotik / U. Eco. – München : Wilhelm Fink, 1972. – 474 s.

145. Edelman, M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence / M. Edelman. – Chicago : Markham publishing company, 1971. – 188 p.

146. Edelman, M. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns / M. Edelman. – Frankfurt am Main ; N. Y. : Campus Verlag, 1990. – 202 s.

147. Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman. – Urbana : University of Illinois press, 1964. – 201 p.

148. Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman. – Urbana : University of Illinois press, 1964. – 201 p.

149. Giles, J., Middleton T. Studying culture: a practical introduction / J. Giles, T. Middleton. – Malden, 1999. P. 61.

150. Gross, L. Modes of communication and the acquisition of symboliccompetence // Media and symbols: the forms of expression. Communication. And education / ed. H. Kichey. – 1974. – P. 68.

151. Guardian, M. Communicating across cultures / M. Guardian. – L., 1999. P. 226.

152. Harrison, S. Four types of symbolic conflict // The journal of Royal anthropological institute. – Chichester etc., 1995. – Vol. 1, № 2. – P. 255–272.

153. Hofstede, G. Culture's consequences. International differences in work-related values / G. Hofstede. – Beverly Hills, 1980. P. 25.

154. Inglehart, R. (Dec. 1971) «The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies» // The American Political Science Review. – Vol. 65. – № 4. – P. 991–1017.

155. Inglehart, R. The silent revolution: changing values and political styles among Western Publics. Princeton / R. Inglehart. – N. J : Princeton University Press. 1977. – 482 p.

156. Inglehart, R., Abramson, P. R. (Sept. 1999) «Measuring Postmaterialism» // American Political Science Review. – Vol. 93. – №. 3. – P. 665–677

157. Inglehart, R., Welzel, C. (2009) «How Development Leads to Democracy: What We Know About Modernisation» // Foreign Affairs. – Vol. 88. – №. 2. – P. 33–48.

158. Inglehart, R., Welzel, C. (2010) «Changing Mass Priorities: The Link between Modernisation and Democracy» // Perspectives on Politics. – Vol. 8. – Iss. 2. – P. 551–567.

159. Inglehart, R. F. (2008) «Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006» // West European Politics. – Vol. 31. – №№ 1–2. – P. 130–146.

160. Inglehart, Ronald and Wayne E. Baker. (2000) «Modernization, globalization and persistence of tradition: Empirical evidence from 65 societies» // American Sociological Rewiev. – № 65: P. 19–55.

161. Kim, Y. Y. Communication and cross-cultural adaptation: an integrative theory / Y. Y. Kim. – Clevedon, 1988. – P. 48.

162. Lasswell, H. D. Language of politics: Studies in quantitative semantics / H. D. Lasswell. – Cambridge (Mass) : M. I. T. Press, 1949. – 398 p.

163. Meyer, T. Die Transformation des Politischen / T. Meyer. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. – 276 s.

164. Meyer, T. Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. / T. Meyer. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – 205 s.

165. Meyer, T. Inszenierung und Rationalität // Medieninszenierungen im Wandel: Interdisziplinäre Zugänge / Ch. Schicha, R. Ontrup (Hrsg.). – Münster : Lit, 1999. – S. 168–172.

166. Meyer, T., Kampmann M. Politik als Theater. Die neue Macht der Darstellungskunst / T. Meyer. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1998. – 144 s.

167. Meyer, T., Ontrup R. Das Theater des Politischen: Politik und Politikvermittlung im Fernsehezeitalter // Inszenierungsgesellschaft / H. Willems, M. Jurga (Hrsg.). – Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – S. 523–541.

168. Morain, G. C. Kinesies and cross-cultural understanding // Culture bound. Bridging the cultural gap in language teaching / ed. by J. M. Valdes. – Cambriage, 1994. P. 64.

169. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / Hans J. Morgenthau. – 1948.

170. Sarcinelli, U. Politikvermittlung und Demokratie: Zum Wandel der politischen Kommunikationskultur // Politikvermittlung und Demokratie in der Mediengesellschaft. Beiträge zur politischen Kommunikationskultur / U. Sarcinelli (Hrsg.). – Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 1998 b. – S. 11–23.

171. Sarcinelli, U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. – 301 s.

172. Sitaram, K. S., Cogdell R. T. Foundations of intercultural communication / K. S. Sitaram, R. T. Cogdell. – Columbus, 1976. P. 26.

173. Turner, V. Betwixt and between: the liminal period in Rites de Passage // Reader in comparative religion: An anthropological approach / W. A. Lessa, E. Z. Vogt (eds.) : 3-th ed. – New-York : Harper and Row, 1972. – P. 338–347.

174. Turner, V. Vom Ritual zum Theater: Der Ernst des menschlichen Spiels / V. Turner. – Frankfurt am Main: Fischer, 1989. – 198 s.

Электронные ресурсы

175. Волков А. Г. Использование политического текста институтами власти [Электронный ресурс] / А. Г. Волков. – URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/73878/37-Volkov.pdf?sequence=1 (дата обращения: 31.03.2014). – Загл. с экрана.

176. Гаврилова, М. В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов [Электронный ресурс] / М. В. Гаврилова. – URL: http://www.politex.info/content/view/198/30/ (дата обращения: 31.03.2014). – Загл. с экрана.

177. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ политического дискурса [Электронный ресурс]. URL: http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html (дата обращения: 18.01.2015). – Загл. с экрана.

178. Горбачев, Е. в. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления [Электронный ресурс] // Вестник СамГУ. Языкознание. – 2000. – № 3. – URL:http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2000web3/yaz/200031203.html (дата обращения: 17. 01. 2015). Загл. с экрана.

179. Демьянов, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Электронный ресурс] / В. З. Демьянов. – URL: //http://evartist.narod.ru/text12/09.html (дата обращения: 17.01.2015). – Загл. с экрана.

180. Единая Россия [Электронный ресурс] : Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года : Итоги десятилетия и задачи развития. – URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

181. Единая Россия [Электронный ресурс] : Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года : Раздел 1 «Наши ценности». – URL:http: // putin2012. ru/ program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

182. Единая Россия [Электронный ресурс] : Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента 4 марта 2012 года: Раздел 2 «Достойная жизнь – гражданам великой страны». – URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

183. Единая Россия [Электронный ресурс] : Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах президента

4 марта 2012 года: Раздел 5 «Сильная Россия в сложном мире». – URL: http://putin2012.ru/program/ (дата обращения: 20. 04. 2014). – Загл. с экрана.

184. История в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: http://foto-history.livejournal.com/6064846.html (дата обращения 17. 11. 2014). Загл. с экрана.

185. Касперски, К. Секретное оружие социальной инженерии [Электронный ресурс] / К. Касперски. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/kasp_sekret.php (дата обращения: 17. 11. 2014). – Загл. с экрана.

186. Кошкина, А. А. Приемы манипулятивного воздействия в текстах [Электронный ресурс] / А. А. Кошкина. – URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088403. pdf (дата обращения: 10.01.2015). Загл. с экрана.

187. КПРФ [Электронный ресурс] : Программа партии : Раздел 1 «Современный мир и Россия». – URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

188. КПРФ [Электронный ресурс] : Программа партии : Раздел 2 : «Уроки истории и пути спасения Отечества». – URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

189. КПРФ [Электронный ресурс] : Программа партии: Раздел 3: «Три этапа развития страны». – URL:http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

190. КПРФ [Электронный ресурс] : Программа партии: Раздел 4: «Программа-минимум». – URL: http://kprf.ru/party/program/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

191. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] / Д. Лакофф, М. Джонсон. – URL: http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm (дата обращения: 20.05.2014). – Загл. с экрана.

192. ЛДПР [Электронный ресурс]: Программа партии: Раздел 1: «ЛДПР укажет дорогу». – URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

193. ЛДПР [Электронный ресурс]: Программа партии: Раздел 2: «Внешняя политика». – URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

194. ЛДПР [Электронный ресурс]: Программа партии: Раздел 4: «Внутренняя политика». – URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 20.04.2014). – Загл. с экрана.

195. ЛДПР [Электронный ресурс]: Программа партии: Раздел 6: «Практическая программа ЛДПР». – URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 20. 04. 2014). Загл. с экрана.

196. Письмо Салатаева В. А. Сталину от 10.12. 1952 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://foto-history.livejournal.com/4685415.html (дата обращения: 12.04.2014). – Загл. с экрана.

197. Проект «Основы государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: http://obsudiproekt.ru/ (дата обращения: 18.12.2014). – Загл. с экрана.

198. Репина, Е. А. Политический текст как средство речевого воздействия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.psyh-portret.ru/collection/repina.html (дата обращения: 10.01.2015). – Загл. с экрана.

199. Технология «Мягкой силы» [Электронный ресурс]. – URL: http://pereformat.ru/2014/09/staraya-kak-mir-novaya-tehnologiya/#more-5248 (дата обращения: 20.02.2015). – Загл. с экрана.

200. Флиер, А. Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (дата обращения 12.04.2014). Загл. с экрана.

201. Целевая аудитория в предвыборных рекламных текстах [Электронный ресурс]. – URL: http://www.durov.com/study/celevaya_auditoriya-573.doc (дата обращения: 12.02.2015). – Загл. с экрана.

202. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале [Электронный ресурс]: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – URL: http: //www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#6220 (дата обращения: 12.02.2015). – Загл. с экрана.

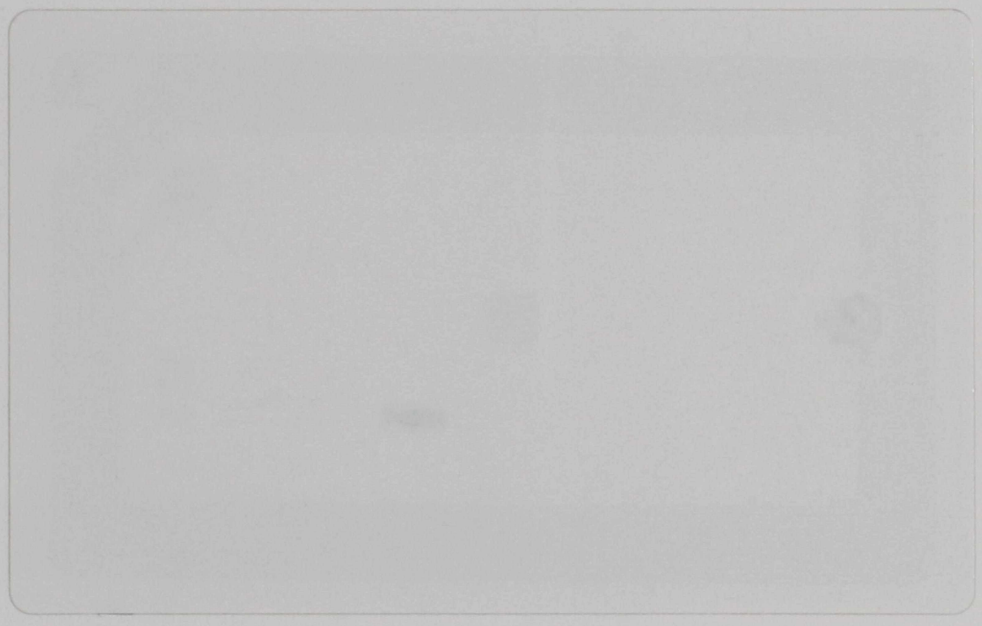
203. The Overton Window [Электронный ресурс]: A Model of Policy Change. – URL: http://www.mackinac.org/12887 (дата обращения: 10.01.2015). – Загл. с экрана.

С. А. Сукало

Культурно-символические основания политических практик в современной России

Публикуется в авторской редакции
Выпускающий редактор А. С. Шитова
Обложка Е. А. Соловьевой
Верстка А. С. Шитовой

Подписано в печать 10.07.2017. Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 8,25. Тир. 500 (1-й завод 1–50)
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»
191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
(ООО Первый ИПХ)
194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У



В монографии рассматриваются культурно-символические основания современной политической деятельности как многоканального коммуникационного манипулирования сознанием и поведением аудитории, целью которого является формирование ценностных и информационных матриц общественного сознания. Анализируются условия и технологии противодействия манипулятивным практикам на основе использования аксиологического и антропологического ресурса отечественной культуры.

Книга адресована культурологам, политологам, социологам, а также всем, кто интересуется проблемами современной политики и технологиями информационных войн.

9 785947 082371